Вл. МАЕВСКІЙ

ГВАРДЕЙСКІЕ САПЕРЫ

Вл. МАЕВСКIЙ

ГВАРДЕЙСКIЕ САПЕРЫ

Printed in Yougoslavia

Русская Типографія С. Ѳ. Филонова.
НОВЫЙ САДЪ
Югославія

Августѣйшему

Гвардейскому Саперу

Его Императорскому Высочеству

Великому Князю

БОРИСУ ВЛАДИМІРОВИЧУ

почтительно посвящаетъ

вѣрнопреданный авторъ.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ.

(1812 - 1937 г. г.)

125 лѣтъ прошло съ того незабвеннаго для Гвардейскихъ саперъ дня, когда, Державною Волею Императора Александра Благословеннаго, 27 декабря 1812 г. въ славные ряды Императорской Гвардіи былъ призванъ представитель всей обширной семьи Русскихъ Инженерныхъ войскъ: Лейбъ-Гвардіи Саперный батальонъ.

Больше чѣмъ столѣтняя служба батальона, славные боевые подвиги, непоколебимая вѣрность Государямъ въ годы войны и въ дни смуты, и усердная, неустанная работа мирнаго времени — служили доказательствомъ тому, что всѣ поколѣнія Гвардейскихъ саперъ, вплоть до революціи 1917 г., горячо и неизмѣнно стремились достойно выполнить трудную, но почетную задачу, на нихъ возложенную, и оправдать тѣ неизсякаемыя милости, которыя столь щедро изливали на нихъ Державные Учредители и Шефы.

Красочная повѣсть о томъ, какъ больше ста лѣтъ служили Государямъ и Родинѣ старыя поколѣнія Гвардейскихъ саперъ, служила намъ и, вѣ-

римъ, послужитъ еще назиданіемъ и грядущимъ поколѣніямъ, дабы они — какъ въ мирѣ, такъ и на войнѣ — свято исполняли свой долгъ, помня, что Гвардейскіе саперы особенно щедро осыпаемы были въ прошломъ Царскими милостями и потому всегда должны быть образцомъ и примѣромъ въ будущемъ.

Въ жаркихъ схваткахъ подъ Нуромъ и Горнимъ Дубнякомъ, подъ грозными стѣнами Варны и Варшавы и на обледенѣлыхъ кручахъ Балканъ — старыя поколѣнія Гвардейскихъ саперъ своею кровью и трудами создали боевую славу батальона; а въ великую войну народовъ 1914 - 1918 г. г., равно какъ и въ ожесточенной гражданской борьбѣ 1918 - 1920 г. г. — Гвардейскіе саперы вплели еще цѣлый рядъ новыхъ красочныхъ и славныхъ дѣлъ въ историю Лейбъ - Гвардіи Сапернаго полка (съ 1915 года). И долгъ ихъ преемниковъ, послѣ грядущаго воскресенія Россіи и ея Императорской Гвардіи, — поддержать эту славу и, въ случаѣ новыхъ испытаній, новыми побѣдными лаврами оплести родное гвардейское знамя Лейбъ - Гвардіи Сапернаго полка.

ВЪ ПЛАМЕНИ ПОВСТАНЧЕСТВА.

I.

Лѣто 1919 года принесло съ собою большевикамъ крупныя разочарованія.

Окрѣпшая и значительно разросшаяся къ этому времени Добровольческая армія неожиданно перешла въ наступленіе и подъ ея напоромъ пали Николаевъ, Одесса и Херсонъ, не говоря уже о другихъ, болѣе мелкихъ пунктахъ этого района, еще недавно занимаемыхъ красными отрядами.

Большевики заколебались и стали поспѣшно очищать Крымъ, Таврію и Донецкій бассейнъ, постепенно переходя въ настоящее паническое бѣгство, бросившее красныя арміи къ днѣпровскимъ переправамъ.

Обоими берегами Днѣпра, оставивъ позади себя желѣзную дорогу, побѣдоносно шли большія силы Добровольческой арміи...

Правымъ берегомъ двигался отрядъ генерала Оссовскаго, въ составъ котораго входили: 5-я пѣхотная дивизія, Сводный полкъ Кавказской кавалерійской дивизіи, рота Гвардейскихъ саперъ и Гвардейскій Конно-Подрывной полуэскадронъ. Лѣвымъ берегомъ пошли казаки подъ командою генерала Шифнеръ-Маркевича, перешедшіе впослѣдствіи днѣпровскій мостъ у посада Крюкова.

Чувствуя за собою непреодолимую силу этихъ прекрасныхъ добровольческихъ частей, большевики

уходили все дальше и дальше, приходя въ полнѣйшую дезорганизацію и превращаясь въ безпорядочныя банды, преслѣдовавшія только цѣли личнаго спасенія.

Вскорѣ отряды генераловъ Оссовскаго и Шифнеръ-Маркевича, почти одновременно появившiеся около Кременчуга, стремительно заняли этотъ большой желѣзнодорожный и промышленный центръ, ворвавшись въ него почти на плечахъ убѣгавшихъ красноармейцевъ.

Но занявъ Кременчугъ, побѣдители-добровольцы не остались въ немъ „почивать на лаврахъ" и не пріостановили своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, продолжая стремительно преслѣдовать растерявшагося противника своими передовыми отрядами.

Спасаясь отъ бѣлыхъ, разрозненныя части большевиковъ бѣжали по лѣвому берегу Днѣпра и по двумъ желѣзнодорожнымъ направленіямъ на Полтаву и Ромоданъ — Кіевъ, отмѣчая свой путь всякаго рода безчинствами и кровавыми расправами съ беззащитнымъ населеніемъ, попадавшихся на ихъ пути, городовъ и селъ.

Положеніе мирныхъ жителей всего этого края въ описываемое время дѣйствительно представлялось исключительно трагическимъ: лишенные всякой связи съ крупными центрами, давно не получавшіе никакихъ газетъ и писемъ и положительно не знавшіе о томъ „какому изъ боговъ слѣдуетъ молиться", — всѣ эти несчастные люди, среди которыхъ находилось много интеллигенціи и бывшихъ офицеровъ императорской арміи, жили въ постоянномъ страхѣ передъ всякими ужасами, каковые имъ могло принести ежеминутное вторженіе разнузданныхъ и озлобленныхъ своею неудачей большевиковъ.

Поэтому является вполнѣ понятною та радость, съ какою встрѣтилась мирнымъ населеніемъ этой области вѣсть о скоромъ приходѣ добровольцевъ, которыхъ оно по справедливости считало своими

„избавителями“, способными вернуть измученнымъ городамъ и селамъ желанный покой.

Разбитые большевики бѣжали, но за ними гдѣ-то вдали побѣдоносно шли добровольцы, несшіе съ собою конецъ всѣмъ невзгодамъ и ужасамъ...

И, притаясь въ своихъ забытыхъ всѣмъ міромъ уголкахъ, запуганные жители Украины ждали прихода послѣднихъ, какъ „манны небесной“, втайнѣ готовя имъ торжественныя встрѣчи и самый радушный пріемъ, основанные на чувствахъ неподдѣльныхъ любви и благодарности.

. . . .

Къ этому-то времени и относится, между прочимъ, одинъ изъ ужаснѣйшихъ эпизодовъ, представляющійся исключительнымъ даже въ ряду всѣхъ наиболѣе кровавыхъ картинъ жестокой гражданской войны 1919 года...

Эпизодъ этотъ произошелъ въ небольшомъ городкѣ Правобережной Украины, извѣстномъ по своему славному и историческому прошлому, но съ конца XVIII вѣка начавшему постепенно глохнуть и подъ конецъ превратившемуся въ мирное провинціальное мѣстечко юга Россіи, укромно скрывающееся въ кущахъ своихъ садовъ.

Заслышавъ о побѣдѣ добровольцевъ надъ большевиками и приближеніи первыхъ къ ихъ оторванному отъ всего свѣта уголку, жители этого городка, подобно другимъ, воспрянули духомъ и стали съ нескрываемою радостью готовиться къ встрѣчѣ избавителей.

— Идутъ, идутъ „бѣлые“! — пронеслось по городу. — Довольно мученій и ужасовъ! Идутъ добровольцы въ фуражкахъ съ кокардами и настоящими погонами на плечахъ! Слава Богу!...

Такія радужныя вѣсти передавались изъ устъ въ уста на каждомъ шагу, наполняя сердца измученныхъ горожанъ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Въ этомъ городкѣ проживало не мало интеллигенціи, бывшихъ чиновниковъ царскаго прави-

тельства и офицеровъ старой арміи, не успѣвшихъ примкнуть къ добровольцамъ. Для послѣднихъ приходъ воиновъ въ погонахъ и съ настоящими кокардами на фуражкахъ представлялся уже настоящимъ днемъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, вслѣдствіе чего они не могли надлежащимъ образомъ скрыть своихъ восторговъ и неосторожно дѣлились ими съ каждымъ встрѣчнымъ.

Бѣдные люди на радостяхъ совсѣмъ забыли о томъ, въ какое страшное и братоубійственное время приходилось имъ жить.

. . . .

О преждевременныхъ восторгахъ и ожиданіяхъ измученныхъ горожанъ неожиданно провѣдалъ начальникъ одного изъ отступавшихъ подъ напоромъ добровольцевъ отрядовъ, находившихся по близости. А былъ имъ человѣкъ, несомнѣнно, искренно преданный коммунистамъ, до крайности озлобленный ихъ неудачей, и, въ то-же время, по своему смекалистый и способный на всякія неистовства въ цѣляхъ истребленія ненавистныхъ „бѣлыхъ“ и ихъ мирныхъ сторонниковъ.

Узнавъ о настроеніяхъ жителей, тихо дремавшаго среди своихъ зеленыхъ садовъ, городка, командиръ-большевикъ быстро создалъ поистинѣ дьявольскій планъ, каковой, къ несчастью, ему и удалось тотчасъ-же выполнить съ полнымъ успѣхомъ.

Выбравъ изъ числа своихъ всадниковъ-красноармейцевъ нѣсколько наиболѣе вѣрныхъ и смышленныхъ, онъ умѣло „поддѣлалъ“ ихъ „подъ добровольцевъ“, нашивъ имъ на гимнастерки погоны и замѣнивъ коммунистическія пентограммы на фуражкахъ добровольческими кокардами.

Послѣ успѣшнаго завершенія такого рода „поддѣлки“, всѣ эти переряженные большевики, получивъ отъ своего командира надлежащія инструкціи, поскакали въ городокъ, жители котораго такъ нетерпѣливо поджидали добровольцевъ.

По прибытіи туда, тотчасъ-же обративъ на себя, конечно, всеобщее вниманіе, вѣрные посланники хитраго большевика смѣло выдали себя за бѣлогвардейскій разъѣздъ, прибывшій съ вѣстью о приближеніи передовыхъ отрядовъ Добровольческой арміи. И отъ лица послѣдней были переданы соотвѣтствующія устныя сообщенія духовенству, чиновничеству, чинамъ городского управленія и вообще всему населенію городка...

— Идутъ, идутъ!... ихъ разъѣзды уже на площади!... Слава Богу!... встрѣчать!...

— Но какъ и гдѣ встрѣчать? — спрашивали одни.— Необходимо встрѣтить добровольцевъ какъ можно болѣе сердечно, искренно, торжественнѣе!..

— Само собою разумѣется! — отвѣчали другіе. — Всей интеллигенціи во главѣ съ духовенствомъ и бывшими представителями власти слѣдуетъ собраться гдѣ-либо вмѣстѣ и офиціально привѣтствовать избавителей!...

Вскорѣ рѣшено было собрать всѣхъ старожиловъ въ помѣщеніи мѣстной школы, что и было исполнено безъ всякой задержки, такъ какъ жители городка, жаждавшіе поскорѣе увидѣть добровольцевъ, слетались къ назначенному мѣсту, какъ бабочки на огонь.

Въ тотъ же ясный іюльскій день, когда солнце уже было близко къ заходу, во дворъ этой школы въѣхалъ небольшой отрядъ всадниковъ съ тѣми-же погонами и кокардами, какими были убраны прибывшіе ранѣе чины „бѣлогвардейскаго“ разъѣзда... И къ воротамъ школы, украшеннымъ національными флагами, повалили горожане, охваченные воистину праздничнымъ настроеніемъ...

— Глядите — они и впрямь въ погонахъ!... Вотъ они, наши-то, настоящіе!... Слава Тебѣ, Господи!...

Въ большомъ школьномъ залѣ, тѣмъ временемъ, собралось около 150 человѣкъ представителей мѣстной интеллигенціи.

Бывшіе чиновники и офицеры поспѣшили

снова переодѣться въ старую форму, нацѣпивъ на себя долго лежавшіе въ разныхъ укромныхъ мѣстахъ ордена и знаки; духовенство уже спокойно облачилось въ камилавки и рясы и возложило на себя наперсные кресты.

Въ залъ торжественно прослѣдовали нѣсколько „представителей" прибывшаго „бѣлаго" отряда и не безъ достоинства принимали трогательныя привѣтствія горожанъ...

Многіе изъ послѣднихъ искренно плакали, стремясь въ то же время довѣрчиво излить передъ „избавителями" свою душу, тяжко наболѣвшую за страшные дни владычества большевиковъ, сопровождаемаго насиліями и грабежами...

Представители „бѣлыхъ" нѣкоторое время внимательно и повидимому сочувственно выслушивали всѣ жалобы своихъ „спасенныхъ", пока по помѣщенію школы не пробѣжала какъ-бы зловѣщая искра, внезапно измѣнившая всю картину...

— Закрыть ворота! — неожиданно загремѣлъ на дворѣ чей-то рѣзкій и грубый голосъ. — Представленіе кончено!... И никого изъ этой кадетской сволочи не выпускать изъ школы!...

И вслѣдъ за этимъ крикомъ всѣ „добровольцы" съ циничнымъ смѣхомъ стали срывать съ себя погоны и кокарды, сопровождая свои дѣйствія площадною бранью по адресу опѣшившихъ несчастныхъ людей, тотчасъ же уразумѣвшихъ весь ужасъ своего положенія.

— Вотъ вамъ ваши „бѣлые"! Посмотрите, каковы они! — слышались злорадные выкрики. — Вотъ вамъ ваши добровольцы!

И не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ въ воздухѣ засверкали красноармейскія шашки, послышались зловѣщіе удары клинковъ о живое человѣческое тѣло, короткіе и сухіе выстрѣлы изъ нагановъ и отчаянные крики несчастныхъ интеллигентовъ, безжалостно уничтожаемыхъ и разстрѣливаемыхъ въ упоръ...

Залъ мирной городской школы наполнился

запахомъ порохового дыма, крови и стонами раненыхъ, тутъ-же добиваемыхъ совершенно осатанѣвшими палачами...

Дьявольски задуманный планъ большевиковъ удался, повергнувъ въ страхъ весь городокъ.

Стоявшій за воротами школы простой народъ тотчасъ-же въ ужасѣ разбѣжался, оставивъ злосчастную интеллигенцію погибать въ импровизированномъ большевицкомъ застѣнкѣ...

Душу раздирающіе крики попавшихъ въ кровавую западню мучениковъ до разсвѣта раздавались въ школѣ, стѣны которой сдѣлались свидѣтелями сценъ, не поддающихся никакому описанію.

Мстившіе за свои неудачи большевики издѣвались надъ своими жертвами всю ночь, преподнося нѣкоторымъ изъ нихъ смерть только подъ самый конецъ расправы, какъ-бы въ видѣ особой награды.

Къ восходу солнца упоенные своимъ успѣхомъ „мстители" покинули городъ, захвативъ съ собою нѣсколько заложниковъ...

Находившіеся ночью по счастливой случайности внѣ школы родственники несчастныхъ интеллигентовъ, собравшихся въ ней наканунѣ для торжественной встрѣчи своихъ избавителей, тотчасъ же бросились въ этотъ роковой домъ, оставленный открытымъ ушедшими палачами.

Картина, представившаяся глазамъ вбѣжавшихъ въ него людей, была настолько потрясающая, что трое изъ нихъ тотчасъ-же лишились разсудка, оставшись на всю жизнь сумасшедшими...

Среди холодѣющихъ и обезображенныхъ труповъ, потоковъ крови, отрубленныхъ конечностей и прилипшихъ къ стѣнамъ школы кусковъ мозга, валялись еще нѣсколько недобитыхъ раненыхъ, испускавшихъ нечеловѣческіе стоны...

Нѣкоторыхъ изъ нихъ близкимъ людямъ удалось кое-какъ возвратить къ жизни.

Но такихъ было немного...

Одного изъ этихъ „счастливцевъ", бѣднаго

учителя, автору настоящихъ строкъ пришлось лично разспрашивать о пережитыхъ ужасахъ, передъ описаніемъ которыхъ остановился-бы и творецъ „Божественной Комедіи“.

Трудно передать на словахъ и все то, что происходило на утро послѣ безчеловѣчной „кровавой бани“, устроенной большевиками въ городской школѣ въ страшный іюльскій вечеръ.

Очевидцы разсказываютъ, что въ теченіе всего послѣдующаго дня надъ городомъ буквально стоялъ одинъ непрерывный вопль безысходнаго горя, отзвуки котораго были слышны далеко за городскою чертою...

Обезумѣвшія отъ отчаянія женщины, полуодѣтыя и растрепанныя, съ ужасомъ распознавали въ обезображенныхъ трупахъ своихъ мужей, сыновей и отцовъ, завертывали ихъ останки въ простыни и, собравъ послѣднія силы, несли свой страшный кладъ домой для отдачи послѣдняго долга...

И не одни мужчины пали безвинными жертвами страшныхъ палачей. Для встрѣчи и пріема псевдо-добровольцевъ въ школьной залѣ наканунѣ собралось и не мало женщинъ, среди которыхъ находились и совсѣмъ юныя гимназистки, восторженно изготовившія для поднесенія своимъ „избавителямъ“ букеты розъ, перевитые трехцвѣтными лентами.

Эти розы явились послѣдними цвѣтами ихъ дѣвической чести и жизни, нашедшихъ себѣ неописуемый конецъ при изступленномъ гоготаніи негодяевъ-насильниковъ...

Со всѣхъ концовъ городка безысходно-тоскливой вереницей тянулись къ городскому кладбищу кучки несчастныхъ „интеллигентовъ“, несшихъ на своихъ плечахъ наскоро сколоченные гробы.

Звучали похоронные напѣвы, выростали одинъ за другимъ надмогильные холмы, число которыхъ въ теченіе однѣхъ сутокъ перевалило за сотню.

Не одна женщина, потерявъ послѣднія силы послѣ исчезновенія подъ землей дорогого гроба, оставалась лежать безъ чувствъ на свѣжемъ могильномъ холмѣ, не привлекая къ себѣ ничьего вниманія.

Чужое горе въ эти минуты уже никого не трогало.

Страшная и кровавая бѣда, неожиданно упавшая на маленькій и до того времени „богоспасаемый“ украинскій городокъ, повергла всѣхъ его уцѣлѣвшихъ жителей въ состояніе полнѣйшей прострацін, граничившей съ безуміемъ.

. . . .

А на утро слѣдующаго дня — о, жалкая насмѣшка судьбы! — въ этотъ же городокъ пришли уже подлинные добровольцы, менѣе всего ожидаемые въ эти минуты... Но, взамѣнъ радостныхъ рѣчей привѣта и благодарности, имъ пришлось услышать только панихидное пѣніе, доносившееся съ кладбища, и несвязные, неопредѣленные отвѣты, охваченныхъ новыми страхами, горожанъ.

Многіе изъ послѣднихъ предпочитали просто молчать, по вполнѣ понятной причинѣ уже не вѣря и „настоящимъ“ добровольцамъ.

— Пришла вторая ваша партія, чтобы добивать оставшихся! — слышались глухія замѣчанія горожанъ, направляемыя по адресу ни въ чемъ неповинныхъ „бѣлыхъ“. — Ну что-же, добивайте!.. Только поскорѣе!.. Мы готовы на все!..

— Да что вы, чудаки этакіе! — пытались возражать смущенные добровольцы. — Вѣдь мы же свои, бѣлые, изъ отряда генерала Оссовскаго... Развѣ вы не видите — на насъ погоны!

— Да, какъ же, погоны!.. И на тѣхъ, что рѣзали и убивали здѣсь наканунѣ, тоже были погоны... Не вѣримъ мы больше никакимъ погонамъ. Опять дьявольскій маскарадъ.

Что могли возразить бѣдные „настоящіе“ на такія рѣчи? Чѣмъ могли они утѣшить и успокоить

людей, уже пережившихъ самое страшное изъ переживаній многихъ поколѣній?

Простоявъ въ городкѣ нѣсколько часовъ и накормивъ лошадей, отрядъ добровольцевъ такъ же скромно двинулся въ дальнѣйшій путь по направленію къ Черкассамъ, обѣщавъ безутѣшнымъ горожанамъ достойно отомстить за невинно пролитую кровь. . .

Ужасная вещь гражданская война, и недаромъ вѣрующіе люди считаютъ „междоусобную брань" однимъ изъ величайшихъ попущеній Божьихъ. . .

. . . .

II.

Окончился іюль, наступилъ августъ. Начали быстро сокращаться дни. Повѣяло приближающейся осенью.

5-я дивизія Добровольческой арміи, перейдя на правый берегъ Днѣпра, заняла районъ Знаменки, Бобринской и Елисаветграда.

Потерпѣвшіе пораженіе большевики быстро исчезли изъ всего этого края, оставивъ послѣ себя воспоминанія о дняхъ ужаса и крови.

Мѣстность начала успокаиваться, переходя къ оставленному крестьянскому труду и нормальной городской жизни.

Въ Цыбулевѣ, Фундуклеевкѣ, Бобринской и Каменкѣ, уже занятыхъ небольшими, но постоянными отрядами добровольцевъ, смѣло пооткрывались магазины и лавчонки, заблаговѣстили колокола на церковныхъ колокольняхъ, появились свободно разгуливавшіе по улицамъ обыватели, послышались бодрые разговоры и рѣчи, напоминавшіе о настроеніяхъ давно минувшихъ временъ.

Красный призракъ, уже достаточно хорошо знакомый всѣмъ этимъ мѣстностямъ, успѣвшимъ познать прелести большевицкаго нашествія, сталъ постепенно таять.

Большинству жителей Украины казалось прямо невѣроятнымъ, чтобы красная власть, пришедшая непрошенной откуда-то съ далекаго сѣвера, могла возвратиться снова въ эти края, имѣвшіе свои самобытные взгляды и свою психологію.

Хорошо чувствовали себя и добровольцы, предвкушавшіе вполнѣ заслуженный отдыхъ послѣ пережитыхъ военныхъ трудовъ и вполнѣ увѣренные въ полномъ успѣхѣ всего бѣлаго дѣла.

Въ особенности радовались въ это время офицеры-петербуржцы, находившіеся въ составѣ разныхъ добровольческихъ частей.

— Къ Рождеству армія Деникина возьметъ Москву, а армія Юденича — Петроградъ... Юденичъ уже двигается впередъ, и красные не выдерживаютъ его натиска! Юденичъ возьметъ Петроградъ обязательно!.. — слышались оживленые разговоры, имѣвшіе въ тѣ времена вполнѣ реальное основаніе. — Къ Рождеству я буду уже у себя на Кирочной и ставлю флаконъ вина у Фелисьена.

— А я у Кюба! — подхватывалъ какой-нибудь восторженный юноша, искренно вѣря въ грядущіе свѣтлые дни. — Я всегда предпочиталъ Кюба Фелисьену... У Кюба — удивительные завтраки и замѣчательное красное вино! Мой отецъ обожалъ Кюба!

— А я первымъ долгомъ поѣду въ Павловскъ, гдѣ у насъ осталась дача... Воображаю, во что ее превратили „товарищи"... Милый Павловскъ, съ его вокзаломъ и концертами!.. Весною опять будемъ слушать музыку!..

Такъ мечтали бѣдные петербуржцы, временно оторванные отъ своихъ частей, сосредоточенныхъ теперь гдѣ-то въ районѣ Кіева и Нѣжина.

— А пока хорошо было бы поскорѣе попасть къ своимъ, повидаться и поговорить съ друзьями.

Достаточно прикомандированій!.. Пріятно въ Петербургъ возвращаться со своимъ полкомъ... Впрочемъ, это все такъ и будетъ, ибо намъ здѣсь дѣлать нечего. Большевики изгнаны, разбиты въ пухъ и прахъ и никогда сюда больше не вернутся... Кругомъ тишина...

Но расчеты молодыхъ людей на быстрое возвращеніе къ своимъ частямъ въ силу окончанія на Украинѣ всякихъ военныхъ дѣйствій — оказались преждевременными...

Не прошло и мѣсяца послѣ занятія Знаменки и Бобринской частями 5-й дивизіи Добровольческой арміи, какъ ихъ командиры были встревожены вѣстями о смѣлыхъ дѣйствіяхъ новыхъ противниковъ, оказавшихся отрядами повстанческихъ атамановъ: Махно, Коцура, Богдана, Квашни и др.

Въ серединѣ августа, неожиданно поднявшій голову Махно рѣшительнымъ ударомъ разгромилъ Симферопольскій полкъ корпуса генерала Промтова и, покинувъ Уманскій фронтъ, перерѣзалъ желѣзную дорогу и бросился къ Елисаветграду. Одновременно съ этимъ Махно всѣми силами стремился соединиться съ отрядомъ другого повстанческаго атамана — Коцура, послѣ разгрома большевиковъ безнаказанно бродившаго по разнымъ мѣстностямъ Украины и занимавшагося грабежами и нападеніями на усадьбы помѣщиковъ.

Но во-время посланные отряды добровольцевъ успѣли помѣшать такому соединенію, преградили путь отрядамъ Коцура, двигавшимся навстрѣчу Махно, и лишили ихъ возможности выйти на линію желѣзной дороги. Тѣмъ не менѣе Махно, упорно рвавшійся къ роднымъ его повстанцамъ мѣстамъ, какими являлись Пологи, Никополь, Александровскъ и Гуляй-Поле, сумѣлъ пробить себѣ дорогу среди тыловъ II корпуса Добровольческой арміи и, вырвавшись изъ окруженія бѣлыхъ, добрался до намѣченной цѣли.

Повстанцамъ Махно удалось утвердиться въ Александровскѣ, Пологахъ и Токмакѣ, чему уже не

въ силахъ были воспрепятствовать добровольцы, не мало потерявшіе энергіи и силъ въ борьбѣ съ этими и новыми смѣлыми противниками.

Но соединиться съ Коцуромъ и другими ему подобными атаманами — Махно все-же на этотъ разъ не удалось, точно такъ же, какъ не удалось сохранить съ ними и связи, совершенно уничтоженной мелкими частями II Добровольческаго корпуса, занявшими рядъ станцій вдоль желѣзнодорожной линіи въ районѣ Цыбулева и Бобринской.

Послѣ этого, среди временно встревоженныхъ добровольцевъ вновь начало воцаряться успокоеніе и снова возродились надежды на скорое возвращеніе къ своимъ частямъ и знакомымъ съ дѣтства мѣстамъ.

— Всѣ эти выступленія Махно, Коцура и имъ подобныхъ авантюристовъ — не что иное, какъ „послѣдняя тучка разсѣянной бури“... — слышались успокоительныя замѣчанія. — Большевики кончились, а вслѣдъ за ними исчезнутъ и повстанцы... Все это — одно и то же...

Но, какъ оказалось впослѣдствіи, таковаго рода сужденія о повстанцахъ были глубоко ошибочными...

. . . .

Сентябрь 1919 года принесъ съ собою моимъ друзьямъ по Гвардейскому Конно-Подрывному полуэскадрону уже вполнѣ реальную радость: отъ высшаго начальства былъ полученъ приказъ грузиться эшелону и направляться къ Кіеву.

— Ѣдемъ къ своимъ! — возликовали гвардейскіе конно-подрывники, — въ Кіевъ и Нѣжинъ, гдѣ находятся всѣ наши! Довольно прикомандированій!

Гвардейскій Конно-Подрывной полуэскадронъ, почти поголовно составленный изъ юнкеровъ, кадетъ, студентовъ и удивительныхъ по своей стойкости и порядочности нѣмцевъ-колонистовъ, — долгое время находился въ прикомандированіи къ

чужой дивизіи, принося ей не малую помощь своей прекрасной и самоотверженной работой.

Отношеніе къ гвардейцамъ-подрывникамъ со стороны ихъ временныхъ „хозяевъ“ было отличное, но вѣсть о близкой возможности присоединиться къ своимъ частямъ, наполнила души молодыхъ бойцовъ настоящимъ восторгомъ.

— А тамъ скоро и въ Петроградъ, на Кирочную, въ Усть-Ижору! — послышались голоса обожателей далекаго сѣвера.

Погрузка эшелона представлялась настоящимъ праздничнымъ торжествомъ. Закончилась она быстро, и, спустя нѣсколько часовъ, мы уже двигались къ Кіеву, пребывая въ самомъ радужномъ настроеніи.

Этого настроенія не могъ у меня отогнать даже тяжелый приступъ лихорадки, періодически мучившей усталый организмъ все послѣднее время и сопровождавшейся высокой температурой.

— Не бѣда! — утѣшалъ меня кто-то изъ пріятелей. — Черезъ сутки-другія будемъ находиться въ другихъ условіяхъ, и тогда всѣ твои лихорадки какъ рукой сниметъ! Вѣдь мы же ѣдемъ къ своимъ, въ родныя части!...

Кое-какъ устроившись въ сѣнѣ и завернувшись потеплѣе, я вскорѣ задремалъ, разсчитывая подняться со своего ложа не раньше, какъ гдѣ-нибудь подъ самымъ Кіевомъ...

Въ вагонѣ было тѣсно и душно...

Гдѣ-то по сосѣдству фыркали кони, и о чемъ то оживленно и весело спорили добровольцы, уснащая свою рѣчь весьма смѣлыми словечками.

Колеса вагоновъ стучали, унося поѣздъ въ темноту сентябрьской ночи.

. . . .

Остановились въ Знаменкѣ и, повидимому, на долгое время, потому что эшелонъ упорно не желалъ двигаться съ мѣста.

Продолжая пребывать въ своемъ лихорадочномъ полузабытьи, я услышалъ за стѣнкой вагона чьи-то громкіе голоса и упоминаніе моего собственнаго имени.

— Вамъ командира? — говорилъ кто-то изъ моихъ подрывниковъ, кому-то неизвѣстному. — Командиръ здѣсь, вотъ въ этомъ вагонѣ... Только онъ нездоровъ и спитъ... приказалъ его не трогать.

— Это безразлично!... Немедленно же разбудите вашего командира и передайте, что его требуетъ къ себѣ начальникъ штаба корпуса!... Онъ находится здѣсь-же, въ Знаменкѣ, въ своемъ вагонѣ... Очень важное и спѣшное дѣло!...

Черезъ какую-нибудь минуту мнѣ пришлось окончательно разстаться со своими лихорадочными грезами и, быстро облачившись и прицѣпивъ оружіе, двинуться вдоль желѣзнодорожныхъ путей по указанному направленію.

Къ счастью вагонъ начальника штаба находился по близости, и вскорѣ я очутился въ одномъ изъ его купе, гдѣ меня встрѣтилъ симпатичный и улыбающійся генералъ.

— Не судьба, не судьба вамъ еще и на этотъ разъ попасть къ своимъ! — заявилъ онъ мнѣ, какъ бы извиняясь. — Придется вамъ задержаться и поработать еще здѣсь, въ районѣ нашего корпуса... Ваша часть въ достаточной мѣрѣ прославлена своею доблестію — такъ поработайте еще съ нами... Время и обстоятельства заставляютъ насъ задержать ваше стремленіе къ Кіеву...

— Слушаюсь, ваше превосходительство!... — пробормоталъ я, нѣсколько смущенный упавшею на наши головы неожиданностью.

— Ваши люди — одинъ восторгъ! — снова улыбаясь, сказалъ начальникъ штаба. — Всѣ ваши кадеты, юнкера и студенты вызываютъ всеобщую похвалу, въ которой впрочемъ они особенно и не нуждаются. Эта юная сила истинной Россіи, исполняющая свой патріотическій долгъ не за страхъ, а

за совѣсть... Къ тому-же у васъ есть и пулеметы, такіе рѣдкіе по теперешнему времени... Итакъ, — оставайтесь въ Знаменкѣ и вслѣдъ затѣмъ направляйтесь къ новой работѣ!...

— Слушаюсь! — повторилъ я. — Быть можетъ, вашему превосходительству будетъ угодно сообщить мнѣ о сущности возложенной на меня задачи!

Лицо симпатичнаго генерала сдѣлалось серьезнымъ.

— Не скрою отъ васъ, что задача эта не относится къ числу легкихъ... Вамъ, вѣроятно, хорошо извѣстно, что весь этотъ районъ кишмя кишитъ всякими разбойничьими бандами, называющими себя повстанцами, и въ то же время занимающимися грабежами и порчею желѣзныхъ дорогъ... Такъ вотъ намъ и нужно воспрепятствовать подобнаго рода преступной дѣятельности! Увѣренъ, что ваши юнкера, кадеты и добровольцы-нѣмцы справятся съ такою задачею великолѣпно... Вѣдь у васъ же много коней... А потому капитанъ Хлѣбниковъ и ждетъ вашихъ молодцовъ съ нетерпѣніемъ...

— Капитанъ Хлѣбниковъ? — переспросилъ я. — Куда-же прикажете намъ направляться, ваше превосходительство?

— Пока — непосредственно на станцію Фундуклеевку! Отрядъ Хлѣбникова охраняетъ путь въ обѣ стороны къ сосѣднимъ станціямъ, и, кромѣ того, принужденъ устраивать экспедиціи въ окрестныя села, чтобы отгонять повстанцевъ. Они не успокаиваются и нападаютъ на наши поѣзда.

Послѣ этихъ словъ генералъ замѣтно понизилъ голосъ и закончилъ свою рѣчь почти шопотомъ.

— Сейчасъ положеніе Хлѣбниковскаго отряда въ высшей степени тяжелое. Онъ ждетъ ночного нападенія на станцію. И такое нападеніе можетъ оказаться роковымъ для всего отряда. Повстанцы многочисленны, смѣлы и свободно могутъ вырѣзать всѣхъ добровольцевъ!... А потому сейчасъ-же получите приказъ и немедленно направляйтесь на

помощь храброму капитану... Повторяю, что онъ ждетъ вашихъ кадетъ и юнкеровъ, какъ манны небесной...

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — отвѣтилъ я въ послѣдній разъ и направился къ выходу, но генералъ поспѣшилъ меня задержать и добавилъ чуть слышно:

— Примите и сами всѣ мѣры предосторожности на пути въ Фундуклеевку! Особенно будьте на чеку въ Цыбулевѣ. У меня есть свѣдѣнія, что повстанцы собираются устроить ночное нападеніе!

Приложивъ руку къ козырьку и щелкнувъ шпорами, я распрощался съ симпатичнымъ генераломъ и вышелъ изъ его уютнаго вагона, тотчасъ-же погрузившись въ ночную тьму.

— Пріятныя перспективы открываются передъ нами, взамѣнъ свиданія съ друзьями въ Кіевѣ! — подумалъ я съ досадой. — Вотъ тебѣ и торжественное движеніе на Петроградъ... Не судьба видно намъ дожить цѣлыми до свѣтлыхъ дней!...

И пребывая уже въ самомъ прозаическомъ настроеніи, усугубляемомъ приступомъ возобновившейся лихорадки, я тотчасъ-же направился отдавать необходимыя распоряженія.

Эшелонъ нашъ продолжалъ оставаться неразгруженнымъ, а потому ровно черезъ полчаса мы уже ѣхали въ новомъ направленіи, быстро удаляясь отъ Знаменки.

Я снова лежалъ на сѣнѣ, кутаясь въ шинель и страдая отъ озноба.

Въ сосѣднемъ вагонѣ все такъ-же фыркали кони, но прежніе оживленные разговоры добровольцевъ умолкли, уступивъ свое мѣсто отрывистой солдатской ругани.

Неожиданный сюрпризъ, преподнесенный нашему эшелону симпатичнымъ начальникомъ штаба въ Знаменкѣ, не могъ не отозваться и на настроеніи большинства подрывниковъ. Разсказы о легендарныхъ нападеніяхъ повстанцевъ и ихъ головорѣзахъ-атаманахъ были хорошо знакомы добро-

вольцамъ и не могли способствовать сохраненію радужныхъ надеждъ, наполнявшихъ ихъ усталыя сердца всего какіе - нибудь два - три часа тому назадъ...

— Что - то будетъ черезъ часъ? — думали многіе. — Возможно, что повстанцы уже ждутъ нашего поѣзда гдѣ - нибудь на разстояніи версты...

Но несмотря на такого рода ожиданія мы благополучно миновали ночью пресловутое Цыбулево, такъ же благополучно прибыли передъ самымъ разсвѣтомъ къ мѣсту своего назначенія. Эшелонъ остановился.

— Ну, вотъ и доѣхали! — услышалъ я сквозь сонъ голосъ своего друга и давнишняго сослуживца Г. М. Меркулова. — И ничего не случилось — все обошлось мирно и спокойно, и ни о какихъ повстанцахъ не было и помину!

— Это Фундуклеевка? — спросилъ я, съ трудомъ приподнявъ голову.

— Она самая. Мѣсто пребыванія капитана Хлѣбникова.

Я продолжалъ чувствовать себя нездоровымъ и потому попросилъ Меркулова пройти на станцію и доложить кому слѣдовало о прибытіи нашего отряда.

— Узнай, дорогой Григорій Михайловичъ, кто командуетъ нами и куда переставятъ эшелонъ... Меня все еще не покидаетъ проклятая лихорадка...

Меркуловъ ушелъ, захвативъ съ собою дежурнаго по эшелону.

Въ открытую дверь вагона началъ медленно вползать сѣрый разсвѣтъ и холодная болотная сырость...

Я зарылся поглубже въ сѣно, ожидая возвращенія Меркулова, который, какъ мнѣ показалось, пребывалъ въ отлучкѣ всего нѣсколько минутъ.

За вагонными стѣнами стояла все та же непроницаемая и влажная темнота, какъ и въ моментъ нашего прибытія.

— Всѣ здѣсь еще спятъ мирнымъ сномъ, на

этой Фундуклеевкѣ! — подумалъ я, кутаясь въ попону. — Меркуловъ только надѣлаетъ лишняго переполоху, разыскивая Хлѣбникова...

. . . .

И вдругъ — мои апатичныя размышленія были молніеносно прерваны неожиданнымъ трескомъ, раздавшимся гдѣ-то совсѣмъ поблизости.

За первымъ трескомъ послѣдовалъ второй, а за ними уже отчетливо застучали гдѣ-то пулеметы, и съ грохотомъ разорвался упавшій около самаго поѣзда снарядъ...

Годы войны пріучили ко всякаго рода неожиданностямъ.

Секунда — и я уже выскочилъ изъ вагона, окунувшись въ холодную предразсвѣтную полутьму.

Вдали, за выдѣлявшимися на сѣромъ небѣ силуэтами деревьевъ, слышались громкіе, отрывистые крики и безпорядочный топотъ десятковъ бѣгущихъ ногъ...

И опять гдѣ-то уже совсѣмъ близко ухнулъ разрывъ снаряда, на мгновеніе освѣтившій зловѣщимъ свѣтомъ станціонную водокачку.

— Недурно для начала! — мелькнуло у меня въ головѣ. — Я и Хлѣбникова-то не успѣлъ повидать! А гдѣ-же Меркуловъ?

Меркулова не было, но навстрѣчу мнѣ уже бѣжалъ вахмистръ, а изъ вагоновъ поспѣшно выскакивали люди, съ тревогою озиравшіеся по сторонамъ... Крики и суета возрастала съ каждымъ мгновеніемъ и все ближе раздавалась безпорядочная стрѣльба изъ винтовокъ.

— Коцуровцы! — донеслось до моего слуха. — Они уже у насыпи! Смотрите!..

Я взглянулъ въ указанномъ направленіи и при слабомъ свѣтѣ начинавшагося утра дѣйствительно увидѣлъ среди болотнаго тумана какихъ-то людей, группами перебѣгавшихъ изъ сосѣдняго лѣска къ желѣзнодорожному полотну. Не переставая обстрѣливать насъ изъ винтовокъ, люди эти

настойчиво продвигались въ сторону станціи, стремясь, повидимому, охватить насъ съ фланга, изъ за пакгауза...

. . . .

Приказавъ подбѣжавшему вахмистру частичню разгрузить эшелонъ, я тотчасъ-же разсыпалъ всѣхъ своихъ наличныхъ людей въ цѣпь и направилъ ихъ подъ прикрытіе за станціонныя зданія, дабы дать себѣ возможность хотя бы немного разобраться въ создавшейся обстановкѣ...

Въ эту только минуту увидѣлъ я своего друга Меркулова, бѣжавшаго отъ станціи вмѣстѣ съ двумя-тремя офицерами, оказавшимися чинами Хлѣбниковскаго отряда.

— Хорошій сюрпризъ къ вашему прибытію! — успѣлъ мнѣ сказать одинъ изъ послѣднихъ, вытаскивая изъ кобуры наганъ. — Дѣло не шуточное! Это Коцуръ!..

Я въ нѣсколькихъ словахъ сговорился съ Меркуловымъ, тотчасъ-же разсыпавшимъ часть нашихъ людей въ цѣпь и поведшихъ ихъ навстрѣчу повстанцамъ, наступавшимъ на станцію по полотну желѣзной дороги. Остальные наличные добровольцы двинулись подъ моею командой въ сторону пакгауза, стремясь задержать наступленіе противника, заходившаго намъ во флангъ.

Стрѣльба не прекращалась и обстрѣлъ станціи артиллерійскимъ огнемъ становился все упорнѣе.

Повстанцы надвигались на Фундуклеевку, смѣло приближаясь къ нашему эшелону, продолжавшему стоять на своихъ путяхъ.

А на противоположной сторонѣ эшелона въ это время творилось настоящее столпотвореніе вавилонское, сопровождаемое шумомъ, топотомъ конскихъ копытъ и отборною бранью охваченныхъ суетою людей: это вахмистръ и доблестный кадетскій вице-фельдфебель Ланкоу выгружали лошадей и тачанки съ пулеметами изъ эшелона для того,

чтобы немедленно-же привести послѣдніе въ дѣйствіе...

Выбрасывая тачанку съ пулеметомъ, кадеты тотчасъ-же открывали изъ него огонь, оріентируясь съ необыкновенною быстротою.

Всѣми этими удивительными бойцами были юноши 16 - 17 лѣтъ, еще такъ недавно сидѣвшіе на классныхъ скамейкахъ за учебниками алгебры и естественной исторіи...

Но повстанческія цѣпи не останавливались...

. . . .

— Господи, мы пропали! Посмотрите, что дѣлается! Посмотрите на этихъ негодяевъ!

Это кричалъ нашъ вольноопредѣляющійся К., кричалъ надрывающимся голосомъ, въ которомъ чувствовались и ужасъ, и негодованіе.

Я взглянулъ въ ту сторону, куда указывалъ К. — и обомлѣлъ въ свою очередь, съ трудомъ вѣря собственнымъ глазамъ.

— Возможно ли? Что-же это такое!

Но то, что творилось около станціи, оказывалось вполнѣ возможнымъ и реальнымъ.

На путяхъ, передъ самымъ вокзаломъ, стоялъ вполнѣ готовый составъ съ дымившимся паровозомъ, и въ этотъ эшелонъ поспѣшно садились хлѣбниковскіе добровольцы, тащившіе съ собою винтовки и несложный солдатскій скарбъ.

. . . .

А повстанцы, тѣмъ временемъ, уже почти вплотную подходили къ Фундуклеевкѣ, надвигаясь съ двухъ сторонъ, съ цѣлью окружить станцію.

Окончательно разсвѣло, разсѣялись туманы, закрывавшіе окрестные поля и кустарники, и при свѣтѣ наступавшаго утра мы ясно различили небольшую непріятельскую группу, дѣловито копошившуюся надъ чѣмъ - то шагахъ въ двухстахъ отъ насъ.

— Пулеметъ устанавливаютъ, — замѣтилъ

кто - то. — Теперь насъ перебьютъ всѣхъ до единаго. Теперь намъ крышка, нечего и разговаривать! Ахъ негодяи, негодяи!

. . . .

Но наше осужденіе капитана Хлѣбникова, а вмѣстѣ съ нимъ и всего его отряда оказалось несправедливымъ и преждевременнымъ.

Прошло еще нѣсколько секундъ, и на станціонной платформѣ Фундуклеевки появилась энергичная фигура этого скромнаго, но доблестнаго офицера, отдававшаго какія - то спѣшныя распоряженія и строго покрикивавшаго на растерявшихся и сконфуженныхъ солдатъ.

Послѣдніе тотчасъ - же повыскакивали обратно изъ вагоновъ и залегли въ цѣпь у желѣзнодорожной насыпи, примыкая къ лѣвому флангу моихъ людей, упорно оборонявшихся отъ наступавшихъ повстанческихъ цѣпей.

Нашъ огонь усилился, оборона Фундуклеевки окрѣпла.

Поднявшееся надъ горизонтомъ сентябрьское солнце уже предоставляло намъ возможность, какъ на ладони, видѣть всю мѣстность, по которой еще продолжалъ двигаться противникъ, повидимому все еще разсчитывавшій на свой успѣхъ.

Но прошло еще двѣ - три минуты, и вдругъ повстанческія цѣпи сначала замедлили ходъ, а затѣмъ круто повернули обратно, поспѣшно отходя и скрываясь за перелѣскомъ.

Наши пулеметчики неистовствовали отъ восторга.

. . . .

Впослѣдствіи мы узнали о причинѣ, заставившей чиновъ хлѣбниковскаго отряда спѣшно погрузиться въ поданный имъ поѣздъ при видѣ наступавшаго противника, заставивъ насъ при этомъ несправедливо заподозрить ихъ въ несуществовавшемъ предательствѣ. Но послѣдняго, какъ оказа-

лось, никто изъ нихъ не желалъ совершать, а поѣздъ, въ который хлѣбниковцы спѣшно садились уже давно стоялъ у станціи, всегда готовый къ немедленному отходу.

Безпрестанно тревожимый повстанцами, капитанъ Хлѣбниковъ днемъ и ночью держалъ паровозъ подъ парами, заранѣе размѣстивъ чиновъ своего отряда въ вагонахъ на случай немедленнаго отступленія.

Отрядъ Хлѣбникова былъ слишкомъ малочисленнымъ, дабы рисковать вступать въ открытый бой съ крупными силами повстанцевъ, постоянно готовившихся къ нападенію. Предосторожность-же, выражавшаяся въ держаніи поѣзда подъ парами, являлась вполнѣ разумной въ тотъ періодъ времени, пока капитанъ Хлѣбниковъ оставался на станціи одинъ со своимъ маленькимъ отрядомъ, терпѣливо ожидавшимъ необходимаго подкрѣпленія... О нашемъ-же ночномъ прибытіи на Фундуклеевку, совершившемся въ предразсвѣтномъ мракѣ, въ моментъ начала повстанческаго нападенія почти никто и не зналъ среди чиновъ хлѣбниковскаго отряда.

Послѣднее обстоятельство и было причиною всего досаднаго инцидента, къ счастью завершившагося вполнѣ благополучно и доблестно.

. . . .

Повстанцы къ этому времени уже быстро скрывались за перелѣскомъ и кустарниками, уходя отъ непрекращавшагося огня нашихъ пулеметовъ.

Капитанъ Хлѣбниковъ, собравъ своихъ людей, двинулся преслѣдовать отступавшаго въ безпорядкѣ противника, а мы, посѣдлавъ коней, поспѣшно вынеслись за цѣпи пѣхоты и продолжали гнать повстанцевъ на разстояніи 10-12 верстъ.

Вмѣстѣ съ нашей конницей въ теченіе всего преслѣдованія двигались и незамѣнимыя спутницы гражданской войны — тачанки съ пулеметами.

. . . .

Какъ было установлено впослѣдствіи, все описанное выше нападеніе было совершено въ памятную ночь отрядомъ нѣкоего атамана Квашни, друга и сподвижника уже широко извѣстнаго въ тѣ времена Коцура.

Хорошо зная, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился въ Фундуклеевкѣ отрядъ капитана Хлѣбникова, Квашня рѣшилъ „ударить“ на него ночью, для того чтобы попросту вырѣзать всѣхъ добровольцевъ поголовно и захватить желѣзнодорожную станцію, что дало-бы повстанцамъ неисчислимыя выгоды.

Но свой налетъ на Фундуклеевку Квашнѣ слѣдовало дѣлать немедленно, пока на помощь Хлѣбникову не поспѣшила-бы придти какая-нибудь другая добровольческая часть. На несчастье повстанцевъ такою частью оказался нашъ полуэскадронъ, прибывшій незамѣтно ночью со стороны Знаменки, въ видѣ непріятнаго сюрприза для чрезмѣрно осмѣлѣвшаго атамана.

. . . .

Нашъ фундуклеевскій бой съ отрядомъ Квашни закончился весьма интереснымъ эпизодомъ, въ которомъ совсѣмъ неожиданно приняло участіе одно изъ наиболѣе видныхъ лицъ Добровольческой арміи, воспоминанія о коемъ многіе изъ участниковъ бѣлаго движенія сохранили до сихъ поръ.

Случилось такъ, что въ минуты нашей самой ожесточенной перестрѣлки съ наступавшими повстанцами, къ сосѣдней станціи Александровкѣ подошелъ поѣздъ командующаго арміей генерала Май-Маевскаго, случайно совершавшаго путь изъ Кіева въ Харьковъ.

Узнавъ о происходящихъ у насъ осложненіяхъ, генералъ Май-Маевскій не только по вполнѣ понятнымъ причинамъ воздержался отъ продолженія своего путешествія, но и задержалъ при себѣ цѣлый бронепоѣздъ, который долженъ былъ неме-

дленно-же отправляться къ намъ на помощь по настоятельнымъ просьбамъ капитана Хлѣбникова.

Когда на станціи Фундуклеевкѣ воцарилось полнѣйшее спокойствіе, а удиравшіе отъ преслѣдованія нашихъ добровольцевъ повстанцы отошли уже за нѣсколько верстъ — мы увидѣли, наконецъ, и давно ожидаемый дымокъ бронепоѣзда. Спустя минуту-другую и онъ самъ приблизился къ нашей станціи, но около ея платформы почему-то не остановился, а прослѣдовалъ нѣсколько далѣе, задержавшись гдѣ-то за семафоромъ.

Причина такого страннаго маневра нашего грознаго защитника вскорѣ выяснилась: за бронепоѣздомъ на весьма почтительномъ разстояніи величественно слѣдовалъ поѣздъ самого командующаго арміей генерала Май-Маевскаго, представлявшій по своей внѣшности подлинный образецъ желѣзнодорожной элегантности... Новенькіе, комфортабельные вагоны блистали свѣжею покраской и чистотою зеркальныхъ стеколъ, ярко начищенныя ручки дверей и другія мѣдныя части весело отражали въ себѣ солнечные лучи, а наиболѣе видный вагонъ, принадлежавшій, какъ оказалось, самому командующему арміей, былъ даже украшенъ флагами и зеленью.

Едва поѣздъ остановился, изъ этого великолѣпнаго салонъ-вагона тотчасъ-же выскочили безукоризненно одѣтые въ форму Корниловскаго полка парные часовые и замерли въ ожиданіи по обѣимъ сторонамъ подножекъ... За парными часовыми такъ-же быстро выскочилъ блестящій адъютантъ, а затѣмъ одинъ за другимъ стали выходить на платформу многочисленные чины штаба.

Когда ихъ шествіе закончилось, въ дверяхъ вагона показалась грузная фигура и самого командующаго арміей генерала Май-Маевскаго, также одѣтаго въ яркую форму корниловцевъ.

Задержавшись передъ вытянувшимся передъ нимъ капитаномъ Хлѣбниковымъ, кстати сказать, только что вышедшимъ изъ-подъ непріятельскихъ

пуль, генералъ Май-Маевскій внимательно выслушалъ отъ начала до конца весь его рапортъ, послѣ чего, снисходительно пожавъ руку доблестному начальнику отряда, величественно направился къ станціонному телеграфу.

Многочисленная и блестящая свита послѣдовала за нимъ.

И въ этотъ моментъ произошло нѣчто неожиданное, каковое можно справедливо отнести къ разряду наиболѣе траги-комическихъ эпизодовъ всей гражданской войны...

Едва фигура генерала Май-Маевскаго скрылась за станціонными дверьми, а нѣкоторые, изъ задержавшихся на платформѣ чиновъ его блестящаго штаба, спокойно закурили папиросы, какъ весь окружавшій Фундуклеевку воздухъ содрогнулся отъ оглушительнаго взрыва, раздавшагося гдѣ-то вблизи...

— Что?.. Кто?..

Мгновеніе — и на станціонной платформѣ уже творилось нѣчто неописуемое...

Посыпались разбитыя стекла изъ разбитыхъ оконъ вагона командующаго арміей, послышались громкіе и безпорядочные крики, замелькали элегантные френчи и аксельбанты, стремительно бѣжавшихъ къ поѣзду „свитскихъ", на единый мигъ мелькнула въ моемъ полѣ зрѣнія и корниловская форма самого генерала Май-Маевскаго, несмотря на свою тучность двигавшагося на этотъ разъ съ поразительною скоростью...

— Повстанцы!.. Что за безобразіе подъѣзжать сюда такъ неосторожно! Кто просилъ?! Болваны!..

Черезъ минуту блестящаго поѣзда командующаго арміей уже не было около нашей станціи — его и слѣдъ простылъ... Не осталось съ нами и такъ нужнаго намъ бронепоѣзда: генералъ Май-Маевскій предпочелъ его взять съ собою въ видѣ авангарда для своего блестящаго эшелона.

Мы снова остались одни въ Фундуклеевкѣ,

среди той же жуткой обстановки, каковая оставалась неизмѣнной и далѣе, въ теченіе цѣлыхъ двухъ послѣдовавшихъ недѣль.

И только послѣ отъѣзда генерала Май-Маевскаго мы узнали о сущности грознаго выстрѣла, явившагося причиною столь быстраго исчезновенія командующаго арміей съ нашей станціи.

Все дѣло заключалось вотъ въ чемъ...

Ушедшая для преслѣдованія, обратившихся въ бѣгство повстанцевъ Квашни, часть нашего полуэскадрона, повидимому, незадолго передъ этимъ успѣла уже закончить свое дѣло и рѣшила возвращаться въ Фундуклеевку. Повернувъ обратно, наши гвардейцы-подрывники, спокойно пошли въ нужномъ направленіи по окрестнымъ полямъ и стали переваливать черезъ хорошо видную со станціи гору, возвышавшуюся на разстояніи 3 - 3½ верстъ отъ Фундуклеевки.

При солнечномъ свѣтѣ яснаго сентябрьскаго дня группа двигавшихся по горѣ нашихъ всадниковъ съ тачанками и пулеметами была принята командиромъ стоявшаго у станціи бронепоѣзда за... отступающихъ повстанцевъ, требовавшихъ немедленной боевой репрессіи.

Не будучи знакомъ съ обстановкой, и не считая нужнымъ кого-либо предупреждать о началѣ своихъ дѣйствій, командиръ бронепоѣзда рѣшилъ немедленно-же обстрѣлять повстанцевъ и далъ залпъ изъ орудій...

Дальнѣйшее уже извѣстно...

. . . .

Четырнадцать сутокъ нашего послѣдующаго пребыванія въ Фундуклеевкѣ были воистину кошмарными.

Бродившіе вокругъ станціи разношерстные отряды повстанцевъ Квашни, Богдана и Коцура не успокаивались и то и дѣло выходили изъ окружавшихъ Фундуклеевку перелѣсковъ, не давая намъ ни минуты отдыха. Не могло быть уже и рѣчи о

томъ, чтобы отдыхать и спать хотя-бы мало-мальски прилично, снимая съ себя одежду и обувь. Ни разу не разсѣдлывались и наши кони, у которыхъ за это время остались только кожа и кости, вслѣдствіе постояннаго недоѣданія и безконечной гонки по окрестнымъ деревнямъ.

Всѣ нападенія повстанцевъ нами въ результатѣ успѣшно отбивались благодаря доблести чиновъ хлѣбниковскаго отряда и подрывниковъ-пулеметчиковъ. Но отбивая нападенія, нашимъ добровольцамъ приходилось немедленно направляться въ разныя экспедиціи, дабы отгонять противника, какъ можно далѣе отъ излюбленной ими станціи.

Очистить-же весь, окружавшій Фундуклеевку, районъ отъ надоѣдливыхъ и упорныхъ враговъ, мы не имѣли силъ, ибо все наше боевое ядро, составленное изъ хлѣбниковцевъ и конно - подрывниковъ, насчитывало въ общей сложности человѣкъ двѣсти. Поэтому мы вынуждены были все время быть на чеку и, послѣ ликвидаціи нападеній, очень разсчетливо дробить свои силы.

Направлявшаяся для преслѣдованія непріятеля или для какой-нибудь экспедиціи часть нашего отряда должна была все время помнить о другой горсточкѣ добровольцевъ, оставшихся на станціи... И какъ только обстоятельства позволяли, преслѣдователи прекращали погоню и во весь опоръ спѣшили обратно на Фундуклеевку, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ дожидался измученный отрядъ.

Каждому изъ познавшихъ времена войны будетъ вполнѣ понятно, во что постепенно превратились при такихъ обстоятельствахъ люди и лошади нашего маленькаго боевого стана...

. . . .

Положеніе наше до крайности осложнялось еще и настроеніями большинства крестьянъ сосѣднихъ деревень, къ описываемому времени уже „спаявшихся“ съ атаманами Квашней и Коцуромъ,

чего послѣдніе достигали всѣми зависящими отъ нихъ способами.

Если кого-либо изъ жителей деревень повстанческіе атаманы не могли склонить на свою сторону мирнымъ путемъ и обаяніемъ своего самостійно-крестьянскаго ореола, они дѣйствовали терроромъ и, запугивая богатыхъ мужиковъ-украинцевъ, заставляли ихъ дѣйствовать въ свою пользу подъ угрозою сожженія хуторовъ и кровавой мести.

Постепенно отворачиваясь отъ добровольцевъ, крестьянство Правобережной Украины подъ конецъ стало къ нимъ въ опредѣленно враждебную позицію, въ чемъ намъ и пришлось, къ величайшему своему прискорбію, неоднократно убѣждаться за время нашего томительнаго пребыванія на станціи Фундуклеевкѣ въ теченіе двухъ недѣль.

. . . .

Особенно тяжкими и изнурительными были наши фундуклеевскія ночи...

Мы уже по опыту знали, что повстанцы производятъ свои нападенія исключительно въ это время, а потому изъ простого чувства самосохраненія должны были дѣлать все возможное, дабы не быть снова застигнутыми врасплохъ и вырѣзанными поголовно.

Во избѣжаніе подобныхъ „непріятностей" намъ еженощно приходилось высылать половину всего наличнаго состава отряда на передовые посты и въ дозоры, требуя отъ людей самаго напряженнаго вниманія, каковое могъ проявить уже ко всему привыкшій боевой солдатъ-доброволецъ.

Для того, чтобы не „проворонить" и не подпустить близко къ своимъ настойчиваго и смѣлаго врага, нашимъ наблюдателямъ приходилось всю ночь пролеживать въ болотахъ перелѣсковъ и напряженно поджидать появленія противника. И едва онъ себя обнаруживалъ — какъ тѣ-же дозорные проявляли настоящія чудеса быстроты и сообразительности, успѣвая сообщать измученному ядру

отряда о необходимости принять всѣ мѣры для собственнаго спасенія.

Время бѣжало, навстрѣчу шла хмурая и сырая осень, а нашему сидѣнію на маленькой станціи, повидимому, не предвидѣлось конца, что въ особенности угнетало духъ изнуренныхъ добровольцевъ и трепало и безъ того въ конецъ истрепавшіеся нервы...

— Хотя-бы на два-три дня попасть въ обозъ, чтобы отоспаться! — мечтали старые и лучшіе солдаты. — Всѣ нервы кончились съ такою травлей... Хуже всякихъ звѣрей живемъ — врагъ день и ночь со всѣхъ сторонъ, какъ никогда и въ великую войну не бывало... И что они тамъ думаютъ о насъ, въ штабѣ? Быть можетъ забыли?

Такого рода сужденія были глубоко правдивы, такъ какъ нервное напряженіе, испытываемое нами на Фундуклеевской станціи, не могло и сравниться по своей интенсивности ни съ какими настроеніями на германскомъ и австрійскомъ фронтахъ.

Ко мнѣ приходили хорошо извѣстные своею выносливостью вольноопредѣляющіеся-студенты и съ горечью признавались, что не могутъ больше выдерживать тяжести фундуклеевскаго сидѣнія.

— Предприняли-бы вы что-нибудь, — робко говорили они, — вѣдь такъ нельзя-же до безконечности... отрядъ изнемогаетъ... Люди скоро сами начнутъ пускать себѣ пулю въ лобъ... Посмотрите на что мы всѣ стали похожи!...

О томъ, на что мы всѣ стали похожи, я хорошо зналъ и самъ безъ необходимости смотрѣться въ заркало.

Но что-же я могъ сдѣлать для измѣненія всего создавшагося положенія, когда штабъ, повидимому, опредѣленно не хотѣлъ насъ смѣнять, несмотря на мои неоднократныя просьбы.

А повстанцы упорно продолжали дѣлать свои попытки захватить Фундуклеевку и вмѣстѣ съ этимъ отправить всѣхъ ея заточенцевъ на вѣчный и безмятежный отдыхъ, возможность обрѣтенія

котораго съ каждымъ днемъ и часомъ становилась для насъ все болѣе легкой.

Мы всѣ замѣтно физически и нервно слабѣли, что не могло, конечно, не отозваться и на боеспособности отряда. Въ результатѣ такое положеніе принесло свои горькіе плоды, и во время очередныхъ экспедицій насъ дважды постигли серьезныя неудачи у деревень Старой и Новой Осоты...

. . . .

Вспоминая въ подробностяхъ все пережитое за эти двѣ ужасныя недѣли, я въ то же время не могу не отмѣтить исключительнаго по своимъ качествамъ поведенія моего друга Г. М. Меркулова, прекраснаго офицера и незамѣнимаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка...

Обыкновенно весьма нервный и чуткій въ мирной жизни, Григорій Михайловичъ въ самые критическіе моменты нашего фундуклеевскаго сидѣнія держалъ себя удивительно бодро и невозмутимо, благотворно дѣйствуя своимъ спокойствіемъ на другихъ и успѣшно разсѣивая разговорами и шутками уныніе многихъ павшихъ духомъ.

. . . .

Наконецъ, обступившія насъ со всѣхъ сторонъ грозныя тучи стали разсѣиваться.

Возвращаясь изъ отпуска, проѣзжалъ мимо Фундуклеевки командиръ нашего полуэскадрона поручикъ В. Р. Вольфъ, обязанности котораго я исполнялъ за все время его отсутствія.

Ѣхалъ онъ изъ Кіева, направляясь въ штабъ, квартировавшій, какъ извѣстно, въ уже знакомой читателю Знаменкѣ.

Я использовалъ весь запасъ своихъ ораторскихъ способностей, чтобы убѣдить Вольфа не принимать отъ меня въ командованіе измученную часть, пока она не будетъ смѣнена и выведена изъ Фундуклеевки.

Полагаю, что и ему самому не особенно хо-

тѣлось принимать бразды правленія Гвардейскимъ Конно-Подрывнымъ полуэскадрономъ при создавшихся условіяхъ.

Во всякомъ случаѣ, мои увѣренія и просьбы на этотъ разъ не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Поручикъ Вольфъ, попрощавшись съ нами, поѣхалъ въ Знаменку, а спустя немного времени и мы получили черезъ командира отряда приказаніе грузиться и направляться къ штабу корпуса.

Черезъ день вслѣдъ за этою пріятною вѣстью, дѣйствительно, на станцію пришла наша смѣна, и мы, вмѣстѣ со всѣмъ изстрадавшимся отрядомъ, благополучно возвратились въ Знаменку, оставивъ далеко за собою всѣ кошмары и тревоги минувшихъ тяжелыхъ дней.

. . . .

Но всѣ наши радужныя надежды пріятно отдохнуть „подъ крылышкомъ" штаба корпуса, тотчасъ-же разсѣялись, какъ дымъ, почти немедленно послѣ прибытія нашего эшелона къ знаменскому вокзалу.

Пришедшій изъ штаба поручикъ Вольфъ тотчасъ же заявилъ мнѣ о своемъ вступленіи въ должность командира полуэскадрона и принятіи отъ меня командованія, а вслѣдъ затѣмъ не замедлилъ передать намъ и весьма прозаическую новость: эшелону приказывалось не разгружаться, а немедленно направляться въ Кременчугъ, въ цѣляхъ спѣшнаго пополненія вновь сформированнаго отряда генерала Абрамовича, предназначеннаго для операцій въ этомъ районѣ.

— Новый сюрпризъ! — послышались полныя горькой ироніи замѣчанія. — Намъ удивительно везетъ въ этой Знаменкѣ, какъ только въ ней очутимся, такъ сейчасъ-же получаемъ прелестный подарокъ!..

— Будетъ хорошо, если этотъ новый подарокъ не окажется хуже предыдущаго! — добавилъ

кто-то изъ пессимистовъ. — Быть можетъ, „изъ огня, да въ полымя“.

Но дѣлать было нечего, и нашъ эшелонъ снова двинулся въ дальнѣйшій путь, направляясь къ новымъ неожиданностямъ.

Недавно сформированный отрядъ генерала Абрамовича, въ который мы должны были влиться, состоялъ изъ трехъ родовъ оружія. Но единственною конницей этого отряда являлся нашъ полуэскадронъ, имѣвшій около ста коней, пулеметы на тачанкахъ и конныя подрывныя двуколки.

. . . .

Въ это время — конецъ сентября 1919 года — стали замѣтно портиться дѣла всей Добровольческой арміи.

Разбросавъ свои силы далеко на курскомъ и кіевскомъ направленіяхъ и непомѣрно растянувъ свой фронтъ, она потеряла компактность и уже перестала производить на противниковъ то впечатлѣніе, какимъ отличалась въ первые мѣсяцы добровольческихъ дѣйствій.

Въ городахъ и на желѣзнодорожныхъ узлахъ глубокаго добровольческаго тыла занимали гарнизоны сборные и плохо дисциплинированные отряды, представлявшіе собою нѣчто въ родѣ уединенныхъ воинскихъ оазисовъ, разбросанныхъ подъ небомъ необозримой и таинственной пустыни. Части эти ничѣмъ между собою не были связаны, не чувствовали надъ собою никакой твердой и единой власти и постепенно начинали мирно благодушествовать въ своихъ захолустныхъ стоянкахъ.

А между ними, на обширныхъ пространствахъ добровольческаго тыла, уже свободно разгуливали отряды дерзкихъ атамановъ, нападавшихъ не только на помѣщичьи усадьбы, но и на большіе города. А въ послѣднихъ — настроенія многихъ жителей такъ-же мало способствовали успѣхамъ добровольческой арміи и ея боевымъ операціямъ.

Населеніе городовъ, въ своемъ большинствѣ,

вообще давно устало отъ всякой войны и постояннаго соприкосновенія съ солдатчиной, а въ изобиліи разсѣивавшіеся повсюду противники бѣлыхъ и опытные большевицкіе агитаторы усердно вели свою работу и выливали на головы добровольцевъ всякую грязь, представлявшую собою смѣсь изъ поношеній и неправды.

Успѣхъ этихъ агитаторовъ въ значительной степени подкрѣплялся и поведеніемъ многихъ „героевъ глубокаго тыла", подъ вліяніемъ бездѣлія и долгаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ, начавшихъ увлекаться алкоголемъ и производить дебоши.

Имя атамана Махно, первоначально хозяйничавшаго въ районѣ Гуляй-Поля начало произноситься все чаще и чаще...

Сдѣлалось извѣстнымъ, что оставивъ излюбленный имъ районъ, Махно неожиданно появился со своими „сынками" около Екатеринослава и, послѣ обстрѣла картечью, занялъ этотъ городъ произведя въ немъ цѣлый рядъ безсовѣстныхъ грабежей.

Одновременно съ этимъ передавалось и о набѣгѣ атамана Шубы на Полтаву и т. д.

Осмѣлѣлъ и сталъ дѣйствовать болѣе рѣшительно и уже извѣстный атаманъ Коцуръ, всякій слухъ о которомъ одно время почти уже не тревожилъ ни помѣщиковъ, ни богатыхъ крестьянъ Украины.

Но съ началомъ неудачъ Добровольческой арміи положеніе Коцура вновь упрочилось, въ силу возобновленія къ нему горячихъ симпатій всего крестьянства, тотчасъ-же почуявшаго слабость добровольческихъ властей, а въ особенности ихъ административнаго аппарата.

Подстрекаемые коцуровцами, крестьяне многихъ мѣстъ начали проявлять полное неповиновеніе добровольческимъ чиновникамъ и даже убивать иногда ни въ чемъ неповинныхъ полицейскихъ.

Нельзя отрицать и того, что поведеніе самихъ представителей бѣлой администраціи во мно-

гихъ селахъ и деревняхъ представлялось не только неудовлетворительнымъ, но иногда и прямо преступнымъ. Въ результатѣ всѣ эти обстоятельства и привели къ полнѣйшему отрицанію крестьянскою массой добровольческой власти и постановкѣ къ ней большинства жителей деревни въ открытую оппозицію.

Во многихъ мѣстахъ крестьяне прямо перешли къ вооруженной борьбѣ съ появлявшимися въ ихъ деревняхъ небольшими отрядами бѣлыхъ, вскорѣ начавшихъ себя чувствовать какъ въ непріятельской странѣ, гдѣ на каждомъ шагу ихъ были готовы встрѣтить измѣна и засада.

Что-же касается повстанцевъ то отношеніе къ нимъ крестьянской массы улучшалось съ каждымъ днемъ, и по мѣрѣ того, какъ слабѣла и теряла свои власть и авторитетъ Добровольческая армія — укрѣплялись, смѣлѣли и увеличивались численно отряды Коцура и его сподвижниковъ-атамановъ. Въ каждой деревнѣ, въ каждой крестьянской хатѣ, послѣдніе встрѣчали не только друзей и соратниковъ, но и готовыхъ на всякія услуги и жертвы интендантовъ, снабжавшихъ „своихъ братьевъ и заступниковъ“ всякаго рода продовольствіемъ для людского и конскаго состава.

Численность и боеспособность повстанческихъ отрядовъ Коцура, Квашни, Богдана и другихъ атамановъ возрастала съ каждымъ днемъ.

Отрядъ Коцура, напримѣръ, по свѣдѣніямъ нашей развѣдки, во время занятія штабомъ II-го корпуса Знаменки, доходилъ до 400 человѣкъ, но періодически посылая свои „мобилизаціонные“ приказы въ ближайшія села, онъ вскорѣ увеличилъ свою вольницу до такихъ размѣровъ, что могъ уже безнаказанно нападать не только на поѣзда и станціи, но и на крупные населенные пункты и большіе сахарные заводы.

Въ противоположность многимъ добровольцамъ, уже въ достаточной мѣрѣ измотаннымъ къ осени 1919 года безпрерывными боями, перебрасы-

ваніями съ мѣста на мѣсто и недостаточною организованностью интендантскаго аппарата,— большинство повстанцевъ всегда имѣло бодрый и здоровый видъ, было всегда сыто, накормлено и напоено поддерживавшими ихъ крестьянами и, вдобавокъ, прекрасно одѣто во всякаго рода обмундированіе, попавшее имъ въ руки при налетахъ на станціи, желѣзнодорожные поѣзда и разные населенные пункты, оставляемые бѣлыми.

Одинъ изъ повстанческихъ отрядовъ, напримѣръ, былъ сплошь одѣтъ въ новые англійскіе френчи, предназначенные для добровольцевъ и оставленные ими на одной изъ станцій въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ комплектовъ.

И такихъ случаевъ было множество.

. . . .

Ранѣе, чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшихъ событій, необходимо остановиться на причинахъ, характерѣ и духѣ крестьянскаго движенія на Правобережной Украинѣ, во главѣ котораго въ силу создавшихся обстоятельствъ сталъ знаменитый „батько" Коцуръ со своими атаманами-помощниками, пользовавшимися также широкою популярностью среди мѣстнаго населенія.

Какъ уже было упомянуто выше, автору настоящаго очерка приходилось не только лицомъ къ лицу сталкиваться съ повстанческими атаманами при боевой обстановкѣ, но и наблюдать жизнь и обычаи той среды, въ которой они дѣйствовали въ мирное время, въ силу своей принадлежности къ кореннымъ жителямъ той-же Украины.

Поэтому, при изученіи причинъ возникновенія и успѣшной дѣятельности повстанцевъ на правомъ берегу Днѣпра, многія изъ этихъ причинъ являются болѣе понятными автору, чѣмъ наблюдателю стороннему, знакомому съ Украиной только мимолетно и поверхностно.

Въ общихъ-же чертахъ исторія появленія и

дѣятельности атамана Коцура представляется слѣдующей.

III.

Впервые имя Коцура стало повторяться въ средѣ украинскихъ крестьянъ еще въ 1917 году, когда онъ началъ работать въ родныхъ и знакомыхъ ему селахъ въ качествѣ эмиссара Кіевской Центральной Рады.

Въ этотъ періодъ времени дѣятельность его представлялась вполнѣ легальной, не имѣвшей ничего общаго съ какими-либо бурными революціонными выступленіями. Пользуясь лѣтнимъ временемъ и свободно представляемыми ему властями средствами передвиженія отъ села къ селу, Коцуръ энергично объѣзжалъ извѣстныя ему мѣстности, знакомя крестьянъ съ дѣятельностью Центральной Рады и пользуясь широкими полномочіями.

Успѣшно организовывая во многихъ густо заселенныхъ пунктахъ учрежденія Рады, онъ, въ то-же время, не забывалъ укрѣплять и координировать во ввѣренномъ ему районѣ дѣйствія подчинявшихся ему комиссаровъ, тотчасъ-же почуявшихъ въ своемъ руководителѣ человѣка съ рѣшительнымъ характеромъ и недюжиннымъ природнымъ умомъ.

Вскорѣ всѣ эти качества Коцура сдѣлались извѣстными и крестьянамъ, видѣвшимъ въ немъ не только представителя центральнаго учрежденія, но и наиболѣе искренняго защитника своихъ насущныхъ интересовъ, готоваго для достиженія преслѣдуемыхъ цѣлей на самые рѣшительные шаги.

Завоевавъ популярность среди крестьянской массы, Коцуръ не позабылъ расположить къ себѣ и всю такъ называемую сельскую полуинтеллиген-

цію, къ каковой относился довольно многочисленный классъ всякаго рода людей, не бывшихъ крестьянами, но въ то-же время тѣсно соприкасавшихся съ ихъ средою и безвыѣздно жившихъ по деревнямъ и селамъ. Къ числу такихъ деревенскихъ полуинтеллигентовъ слѣдуетъ отнести сельскихъ учителей, фельдшеровъ, писарей, и, наконецъ, весьма размножившихся за послѣдніе мѣсяцы офицеровъ военнаго времени, т. е. такихъ офицеровъ, которые на театрѣ войны производились, за военные подвиги, въ первый офицерскій чинъ прямо изъ простыхъ „нашивочниковъ", не имѣя никакого спеціальнаго образованія.

Всѣ эти офицеры, въ дѣйствительности бывшіе въ прошломъ простыми солдатами, взятыми въ армію прямо отъ сохи, впослѣдствіи возвратились въ родныя деревни украшенными офицерскими знаками отличія, оставаясь въ то-же время тѣми-же крестьянами, какими они были до своего призыва подъ знамена.

Вполнѣ понятно, что такого рода элементъ былъ вполнѣ подходящій для развитія всего дѣла, взятаго въ свои руки Коцуромъ.

Передъ своимъ вступленіемъ въ число дѣятелей Центральной Рады, Коцуръ самъ довольно долгое время былъ простымъ сельскимъ учителемъ, вслѣдствіе чего не только его сотоварищи по прежней педагогической дѣятельности, но и другіе сельскіе полуинтеллигенты относились къ нему какъ къ „своему человѣку", отдавая въ то-же время должное уваженіе его одаренности и энергіи.

. . . .

Съ лѣта 1918 года на Украинѣ начала быстро и замѣтно слабѣть власть гетмана.

Причины этого процесса отчасти слѣдуетъ искать въ весьма неудовлетворительной дѣятельности гетманскихъ чиновниковъ на мѣстахъ, начавшихъ во многихъ случаяхъ поступать не только опрометчиво, но и прямо преступно.

Пользуясь вооруженными силами австрійцевъ, оккупировавшихъ многія мѣстности Украины, многочисленные чиновники-гетманцы начали неумѣстно рѣзко проявлять свою власть надъ крестьянской массой, психологически въ это время весьма неустойчивой.

Основываясь на доносахъ и не провѣренныхъ слухахъ, администраторы гетмана, между прочимъ, поставили себѣ задачею отобрать у крестьянъ все добро, захваченное ими при памятныхъ разгромахъ помѣщичьихъ имѣній и, производя „административные налеты" на уже успокоившихся въ своихъ деревняхъ крестьянъ, впадали въ крайности, порождавшія въ средѣ послѣднихъ вполнѣ понятную ненависть и недовѣріе.

А крестьянская масса, въ громадномъ своемъ большинствѣ, побывавшая на фронтѣ и возвратившаяся съ войны въ свои деревни, порядкомъ „революціоннымъ", т. е. самочинно бросивъ фронтъ и унося съ собою винтовки — представляла собою плохую среду для такихъ рискованныхъ дѣйствій гетманскихъ администраторовъ.

Прошло немного времени, и заволновавшееся крестьянство Правобережной Украины почти поголовно стало во враждебную позицію по отношенію ко всему гетманскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и австрогерманскому.

Уже пользовавшійся широкою популярностью и полнѣйшимъ довѣріемъ крестьянъ, Коцуръ тотчасъ -же оцѣнилъ положеніе и рѣшился на весьма рискованный шагъ, дабы не быть низверженнымъ съ занятаго имъ пьедестала.

Власть гетмана шаталась, оккупировавшіе Украину австрійцы были окружены врагами и ненавистью, администрація на мѣстахъ сознала свои прежнія ошибки, но уже ничѣмъ не могла возстановить своего утеряннаго положенія.

Коцуръ взвѣсилъ обстановку и открыто заявилъ себя противникомъ гетманской власти, готовымъ на всякія выступленія для защиты инте-

ресовъ близкаго ему крестьянства. И рядовые „землеробы“ деревень Правобережной Украины почти поголовно стали на сторону своего любимца, всецѣло подчиняясь его совѣтамъ и распоряженіямъ.

Недавній скромный сельскій учитель Коцуръ неожиданно превратился въ широко извѣстнаго политическаго вождя, котораго стали опасаться не только окончательно дискредитировавшіе себя гетманскіе чиновники, но и оккупировавшіе Украину австрійцы, давно уже мечтавшіе о скорѣйшемъ возвращеніи на родину.

Но оставаться исключительно политическимъ руководителемъ своихъ многочисленныхъ деревенскихъ друзей и сторонниковъ, честолюбивому и властному Коцуру уже не только не хотѣлось, но не представлялось возможнымъ: чтобы сохранить себя и защитить отъ весьма крупныхъ непріятностей своихъ сторонниковъ, требовалась дѣятельность болѣе активная, связанная иногда съ прямыми вооруженными выступленіями. Онъ не остановился передъ смѣлымъ разрѣшеніемъ и этой задачи — и спустя короткій срокъ уже носился по Правобережной Украинѣ въ качествѣ настоящаго боевого атамана, имѣвшаго за собою прекрасно вооруженный отрядъ, крѣпко спаянный своеобразной полуразбойничьей дисциплиной.

Численность повстанческой вольницы атамана Коцура увеличивалась съ каждымъ днемъ.

Ведя теперь уже вполнѣ опредѣленную и безпощадную агитацію противъ гетманской власти, повстанческіе агенты въ изобиліи посылали въ коцуровскіе ряды крестьянскую молодежь, настроенную весьма революціонно и охочую до всякихъ эксцессовъ. Шли въ отрядъ Коцура также и всѣ недовольные элементы, считавшіе себя обиженными и гонимыми гетманско-нѣмецкимъ режимомъ. А число таковыхъ лицъ было особенно значительно въ уѣздахъ Александрійскомъ, Чигиринскомъ и др.

Не мало стало въ вооруженные ряды коцуровцевъ и идейныхъ сторонниковъ Центральной

Рады, совершенно аннулированной гетманскимъ правительствомъ. Къ числу послѣднихъ относились лѣвые украинскіе соціалисты - революціонеры и соціалисты - федералисты.

Будучи загнаны въ подполье репрессіями гетманскаго правительства, всѣ они охотно брали въ руки оружіе и тотчасъ - же устремлялись вслѣдъ за новымъ вождемъ, пользовавшимся ихъ неограниченнымъ довѣріемъ.

Вскорѣ на Украинѣ понеслись первые слухи о нападеніяхъ Коцура на австрійскіе посты и мелкіе отряды, на представителей гетманской администраціи, на правительственныя кассы и т. д.

Всѣ нападенія коцуровцевъ отличались организованностью и смѣлостью и въ то же время не обходились безъ пролитія крови и грабежей.

Но вмѣстѣ со слухами объ убійствахъ и ограбленіи правительственныхъ чиновниковъ и австрійскихъ интендантовъ, среди крестьянъ распространялась другая вѣсть, окружавшая имя ихъ любимаго атамана еще большимъ ореоломъ: производя свои нападенія, Коцуръ ничего не бралъ изъ награбленнаго въ свою пользу, а цѣликомъ отдавалъ всю свою добычу крестьянамъ, заявляя имъ при этомъ, что онъ имъ даетъ не чужое, а только возвращаетъ законнымъ владѣльцамъ, находившееся въ рукахъ „узурпаторовъ“, народное добро...

Вполнѣ понятно, что такого рода тактикой Коцуръ еще прочнѣе спаивалъ себя съ деревенскою массой.

. . . .

О дѣйствіяхъ коцуровскихъ повстанцевъ вскорѣ усиленно заговорили въ Кіевѣ.

Власти заволновались, но еще не отдавали себѣ должнаго отчета въ дѣйствительной опасности повстанческаго движенія.

— Бандитскія шайки!... На нихъ нельзя смотрѣть серьезно! — успокоительно замѣчали гетмановскіе министры, читая донесенія о выступленіяхъ

Коцура, приходившія съ мѣстъ. — Существуетъ дѣло поважнѣе на очереди, а съ этимъ справимся!...

Но „справляться" съ повстанцами становилось труднѣе съ каждымъ днемъ.

Вскорѣ къ Коцуру примкнули атаманы Богданъ и Квашня, имѣвшіе свои собственные и такъ же хорошо вооруженные отряды.

Оставивъ въ сторонѣ случайные „реквизиціонныя" нападенія на одиночныхъ лицъ и правительственныхъ чиновниковъ, Коцуръ уже перешелъ къ смѣлымъ и организованнымъ налетамъ на уцѣлѣвшія богатыя имѣнія, желѣзнодорожныя станціи, стоянки небольшихъ австрійскихъ отрядовъ.

Во многихъ мѣстахъ взволнованной Украины небо озарилось заревомъ пожаровъ и обильно полилась человѣческая кровь.

Принимавшіе участіе въ коцуровскихъ нападеніяхъ повстанцы - крестьяне сводили счеты со своими врагами и прежними „утѣснителями", мстили жестоко и звѣрски издѣвались надъ попадавшимися въ ихъ руки жертвами.

Въ этомъ имъ не могъ даже воспрепятствовать и самъ атаманъ, вышедшій, какъ извѣстно, изъ сельской полуинтеллигенціи; да и въ своемъ заступничествѣ, за ненавистныхъ его повстанцамъ „враговъ народа", Коцуру приходилось соблюдать крайнюю осторожность, дабы не омрачить своего собственнаго ореола.

Вокругъ его имени и атаманской дѣятельности уже создавались легенды, которымъ охотно вѣрили жители самыхъ отдаленныхъ районовъ и деревень.

— Коцуръ отъ Бога намъ посланъ! — говорили крестьяне. — Онъ борется за крестьянскую правду, свободу и землю!... Онъ знаетъ, что дѣлаетъ!...

. . . .

Не легко приходилось отъ дѣятельности Коцура и оккупантамъ - австрійцамъ.

Къ концу лѣта 1918 года они оказались уже

подлиннымъ образомъ терроризованными партизанскими налетами повстанцевъ.

Послѣдніе не оставляли безъ вниманія ни одного изъ ихъ мелкихъ отрядовъ, передвигавшихся по проселочнымъ дорогамъ изъ села въ село, а для охраны совершавшихъ такое - же передвиженіе обозовъ требовались уже значительныя воинскія части.

Организуя нападенія, Коцуръ весьма удачно велъ всѣ подготовительныя дѣйствія, до точности зналъ силы противника, а потому всѣ его дѣла заканчивались полною удачей и совершались лихо и стремительно.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ того-же 1918 года весь районъ Александрія - Знаменка - Фундуклеевка - Бобринская былъ хорошо знакомъ съ появленіями коцуровскихъ повстанцевъ и ихъ работою. Визитовъ Коцура не избѣжало ни одно крупное помѣщичье имѣніе края, а также и огромные сахарные заводы, послужившіе хорошими источниками для пополненія повстанческой казны.

Обаяніе Коцура усиливалось, австрійцы слабѣли, крестьяне все выше и смѣлѣе поднимали головы, проявляя, „подъ крыломъ“ повсюду поспѣвавшаго ихъ покровителя и защитника, порою уже одно жестокое озорство...

Спохватившаяся гетманская власть начала періодически посылать въ различные населенные пункты свои отряды, но ихъ появленіе влекло за собою одни отрицательные результаты.

Во главѣ этихъ гетманскихъ отрядовъ „водворенія порядка и спокойствія“ очень часто стояли начальники изъ среды мѣстныхъ помѣщиковъ и другихъ „буржуевъ“, пылавшихъ жаждою мести къ тѣмъ - же крестьянамъ и тотчасъ - же принимавшихся за „репрессіи“, часто носившія характеръ не водворенія закона, а лишь возмѣщенія лично имъ нанесенныхъ убытковъ и обидъ.

Вполнѣ понятно, какое „спокойствіе“ водворялось въ деревняхъ и селахъ, неожиданно видѣв-

шихъ на своихъ улицахъ подобный гетманскій отрядъ!

Мало способствовали водворенію спокойствія въ краѣ и многіе помѣщики, весьма близоруко поддававшіеся въ это грозное время чувству личной обиды и слишкомъ опрометчиво и поспѣшно обращавшіеся за помощью къ гетману, прося его прислать карательные отряды для усмиренія взбунтовавшихся крестьянъ.

Карательные отряды приходили, но вслѣдъ за ними появлялся и всесильный Коцуръ вмѣстѣ съ другими атаманами — и тогда уже все дѣло, опиравшагося на гетманскую власть недальновиднаго помѣщика — пропадало безвозвратно, а иногда и жестоко кроваво...

. . . .

Въ началѣ октября 1918 года силы Коцура возросли до чрезвычайности. У него даже появилась пушка, отнятая у австрійцевъ, а въ ряды повстанцевъ стали вступать настоящіе офицеры, по разнымъ причинамъ не желавшіе служить правительству гетмана.

Украинскія, соціалистическія и анти-германскія организаціи, продолжавшія свою тайную работу въ подпольѣ Кіева и имѣвшія тамъ свой военный штабъ*) — вошли въ тѣсную и постоянную связь съ Коцуромъ и прислали къ нему двухъ своихъ офицеровъ, бывшихъ сельскихъ учителей, но прошедшихъ школу прапорщиковъ и опытный военный стажъ въ великую войну.

Постоянное безпокойство и значительныя потери, наносимыя повстанцами австрійскимъ отрядамъ, заставили высшее командованіе послѣднихъ обратить на районъ Знаменка-Бобринская самое серьезное вниманіе.

Къ концу октября 1918 года австрійцы нахо-

---

*) Въ этомъ штабѣ видную роль игралъ генеральнаго штаба генералъ Грековъ, бывшій гвардейскій офицеръ.

дились уже въ положеніи настоящей войны съ Коцуромъ и другими атаманами, въ силу чего въ указанный выше районъ и были посланы большія силы подъ командою полковника Кирхгофа, немедленно же приступившаго къ правильнымъ военнымъ дѣйствіямъ.

И на этотъ разъ Коцуру пришлось впервые столкнуться съ серьезнымъ и весьма многочисленнымъ противникомъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ прежними плохо спаянными и мало дисциплинированными отрядами гетманскихъ войскъ.

Полковникъ Кирхгофъ, имѣя въ своемъ распоряженіи два крупныхъ австрійскихъ отряда общею численностью до 2000 человѣкъ, повелъ ихъ правильнымъ наступленіемъ со стороны Павлыша и Знаменки, тѣсня Коцура къ казеннымъ лѣсамъ, сплошною массою тянувшимся до Черкассъ.

Смѣлый и привыкшій къ успѣхамъ атаманъ принужденъ былъ отступить, углубиться со своими повстанцами въ лѣсныя дебри и временно засѣсть въ такъ называемомъ Холодномъ Яру, щадя своихъ людей и приберегая силы для будущаго.

Австрійцы, впрочемъ, не намѣревались прерывать начатой ими кампаніи до окончательной ликвидаціи „повстанчества“ и уничтоженія своихъ жестокихъ противниковъ, и предполагали цѣлою дивизіей пройти чрезъ лѣсъ, скрывавшій Коцура, что при наличіи ихъ силъ и вооруженія представлялось вполнѣ возможнымъ.

Но дальнѣйшее развитіе успѣховъ полковника Кирхгофа было прервано обстоятельствами, не имѣвшими ничего общаго съ повстанчествомъ украинскихъ крестьянъ и военнымъ значеніемъ отрядовъ Коцура.

Подошелъ ноябрь 1918 года, а вмѣстѣ съ нимъ и рядъ знаменательныхъ событій въ Западной Европѣ: начался разгромъ союзниками австро-германскихъ армій; палъ императоръ Вильгельмъ; было заключено давно жданное прочное перемиріе, по-

влекшее за собою цѣлый рядъ новыхъ настроеній въ побѣжденныхъ австро-германскихъ арміяхъ.

Вполнѣ естественно, что всѣ эти новыя настроенія охватили и австрійцевъ-оккупантовъ, занимавшихъ Правобережную Украину.

Среди австрійскихъ солдатъ, быстро начавшихъ деморализоваться, пронеслись слухи о скорой эвакуаціи и возвращеніи на родину, почти немедленно же повлекшіе за собою окончательный развалъ оккупаціонныхъ частей. Австрійское командованіе потеряло власть, его солдаты стали въ оппозицію по отношенію къ офицерамъ и уже ни о чемъ болѣе не хотѣли слышать, какъ только объ отъѣздѣ домой „во что бы то ни стало"...

При такомъ положеніи, конечно, не могло быть и рѣчи о дальнѣйшей борьбѣ полковника Кирхгофа съ Коцуромъ, который благополучно остался сидѣть въ Холодномъ Яру, набираясь силъ и выжидая дальнѣйшихъ событій.

Тѣмъ временемъ назрѣвало и паденіе гетмана...

Растерявшіеся и спасавшіе свою личную безопасность сподвижники Скоропадскаго покидали его одинъ за другимъ. Высоко поднявшая голову Центральная Рада, соединившись со сторонниками Петлюры, усиленно вела гибельную для гетмана пропаганду среди озлобленной крестьянской массы. Покидали гетмана и его недавніе друзья и помощники, высшіе офицеры-нѣмцы, сами весьма обезпокоенные своею дальнѣйшею судьбою...

По селамъ и деревнямъ Украины безпрепятственно разъѣзжали эмиссары Центральной Рады, и спѣшно организовывали свои отряды петлюровскіе офицеры.

Узнавъ о всемъ происходящемъ на Украинѣ и не рискуя болѣе столкнуться съ отрядомъ полковника Кирхгофа, Коцуръ уже смѣло покинулъ Холодный Яръ и вышелъ на просторъ окружающихъ селъ.

Войско его къ этому времени снова значительно пополнилось и, набравшись свѣжихъ силъ

за время вынужденнаго своего отдыха въ лѣсныхъ дебряхъ, готово было съ удвоенною энергіей приняться за новые нападенія и набѣги.

Австрійская армія разложилась окончательно; къ ея частямъ вскорѣ примкнули и многочисленные нѣмецкіе солдаты, также деморализованные и проникнутые революціоннымъ духомъ. Вскорѣ вся эта масса оккупантовъ въ безпорядкѣ двинулась на западъ, къ своимъ границамъ, оставляя Украину и еще болѣе увеличивая царившую въ ней разруху.

Отъ Елисаветграда, Екатеринослава, Знаменки по желѣзнодорожнымъ путямъ потянулись безчисленные австрійскіе и нѣмецкіе эшелоны, въ которыхъ отсутствовали всякій порядокъ и хотя-бы малѣйшіе признаки военной организаціи.

По направленію къ той-же границѣ тянулись и безконечныя колонны обозовъ, перегруженныхъ австрійскимъ военнымъ имуществомъ. Но не одно только военное имущество увозили съ собою спѣшившіе на родину оккупанты. Львиною долей ихъ нескончаемыхъ грузовъ являлось всякаго сорта русское добро, реквизированное австро-германцами съ разграбленныхъ заводовъ, фабрикъ, складовъ, изъ помѣщичьихъ имѣній или просто изъ квартиръ состоятельныхъ частныхъ лицъ.

Случалось, что безпорядочныя колонны австрійскихъ мародеровъ прерывались на своемъ пути враждовавшими съ ними германцами, двигавшимися въ сторону своихъ границъ все-же въ значительно большемъ порядкѣ и сохранявшими кое-какую дисциплину.

Тогда среди недавнихъ союзниковъ разыгрывались грозныя и безобразныя сцены, весьма часто не обходившіяся безъ человѣческихъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ...

А вокругъ непрерывнаго движенія на западъ этой деморализованной массы бывшихъ непріятельскихъ солдатъ бушевало грозное море вооруженныхъ и озлобленныхъ крестьянъ Украины, питавшихъ непримиримую ненависть къ своимъ быв-

шимъ утѣснителямъ и готовыхъ мстить послѣднимъ съ безчеловѣчною жестокостью.

Въ результатѣ, измученные австрійцы, не будучи болѣе въ силахъ охранять и отстаивать увозимое ими добро, бросали его на произволъ судьбы и „налегкѣ“ устремлялись въ сторону своей границы.

Но и въ этихъ случаяхъ имъ не всегда благополучно удавалось вырваться изъ, бушевавшей въ анархіи, враждебной страны и достигнуть личнаго спасенія...

. . . .

Вполнѣ понятно, что безпорядочная эвакуація австро-германцевъ изъ объятой революціоннымъ пожаромъ Россіи являлась подлинною жатвой для Коцура и его сподвижниковъ, не оставлявшихъ безъ вниманія въ своемъ районѣ почти ни одинъ, двигавшійся въ сторону границы, эшелонъ.

И жатва, собираемая повстанцами при этихъ обстоятельствахъ, была успѣшною и обильною. У австрійцевъ коцуровцы отбирали все, что только было возможно, включая сюда и провіантъ, и запасы обмундированія, обуви и оружія самаго разнообразнаго сорта и, наконецъ, всевозможные предметы роскоши и домашняго обихода, въ свою очередь награбленные оккупантами въ оставленныхъ ими городахъ и помѣщичьихъ усадьбахъ.

Между прочимъ, весьма интересны воспоминанія германскаго маіора Франца, въ которыхъ онъ очень образно разсказываетъ о мало-героическихъ временахъ австро-германской эвакуаціи:

„Всѣ нѣмецкіе эшелоны становились жертвой нападеній, производимыхъ на узловомъ пунктѣ—Знаменка, черезъ которую приходилось слѣдовать и всѣмъ эшелонамъ, прибывшимъ изъ района, какъ Екатеринослава, такъ равно и Азовскаго моря. Планомѣрно и заранѣе подготовленныя нападенія эти близъ Знаменки получили съ

теченіемъ времени такую огласку, что нѣмецкія войска стали предпочитать болѣе долгій путь моремъ.

„...Части гарнизоновъ, находившихся даже въ мѣстности восточнѣе Днѣпра, вынуждены были близъ Знаменки сворачивать. Но часто это происходило лишь послѣ тяжелыхъ боевъ, сопряженныхъ для нихъ съ большими потерями“...

Уже изъ этихъ нѣсколькихъ строкъ нѣмецкаго маіора можно вывести заключеніе о серьезномъ значеніи украинскихъ повстанческихъ отрядовъ, представлявшихъ въ описываемое время столь крупную боевую силу, что для избѣжанія столкновенія съ ними австро-германцы принуждены были отдавать предпочтеніе „болѣе долгому пути моремъ“...

. . . .

Производя свои нападенія на австрійскіе эшелоны и непрерывно черпая изъ нихъ большіе запасы военной добычи, Коцуръ, вмѣстѣ со своими помощниками-атаманами, старался, тѣмъ не менѣе, не удаляться отъ своей базы, Холоднаго Яра, и не ослаблять своихъ частей слишкомъ отдаленными экспедиціями въ другіе районы.

Послѣ окончанія удачнаго нападенія, — вся добыча, необходимая для дальнѣйшей вооруженной борьбы, обыкновенно увозилась повстанцами въ Холодный Яръ, все-же продовольствіе и имущество „гражданскаго характера“, награбленное изъ австрійскихъ эшелоновъ, обычно раздавалось крестьянамъ.

Послѣднее обстоятельство, конечно, еще болѣе популяризировало имя Коцура среди мѣстнаго населенія и привлекало въ ряды его вольницы все новыхъ и новыхъ бойцовъ.

Въ коцуровскіе отряды теперь шли не только бывшіе солдаты и идейные рабочіе, но широкою струей потянулась и удалая крестьянская молодежь,

стремившаяся „погулять“, повеселиться и въ волю попьянствовать.

Такого рода бойцы, конечно, мало приносили пользы укрѣпленію въ отрядахъ Коцура необходимой для ихъ цѣлости и спайки повстанческой дисциплины. Но производить строгій выборъ среди стремившихся въ волницу добровольцевъ или дѣлать какія-либо оздоровительныя чистки среди уже находившихся въ его рядахъ повстанцевъ — Коцуръ не имѣлъ ни времени, ни возможности.

И сознавая въ глубинѣ души, что неумѣстное удальство и веселая гульба молодыхъ соратниковъ не принесетъ всѣмъ его начинаніямъ ничего, кромѣ вреда и дезорганизаціи, популярный атаманъ, тѣмъ не менѣе, былъ принужденъ мириться съ подобнымъ зломъ и продолжать свое дѣло при сотрудничествѣ многочисленныхъ безобразниковъ-пьяницъ.

Послѣдніе, смѣшавшись съ безработными рабочими и другими искателями легкаго хлѣба, потянулись къ нему даже изъ района Елисаветграда и Нижнеднѣпровска.

. . . .

Вскорѣ по всей Украинѣ разнеслась вѣсть о паденіи гетмана.

По обѣимъ сторонамъ Днѣпра установилась новая сумбурная власть, весьма схожая по своимъ методамъ и принципамъ съ властью большевицкой.

Эта была власть правительства Симона Петлюры, которая въ сущности, была ни чемъ инымъ, какъ полнымъ безвластіемъ, сдобреннымъ всякаго рода жестокостями и актами кровавой мести по отношенію къ представителямъ низверженнаго гетмана, не успѣвшими, по разнымъ причинамъ, бѣжать въ болѣе безопасныя мѣста.

Пользуясь создавшимся положеніемъ, Коцуръ сдѣлался полновластнымъ правителемъ нѣсколькихъ уѣздовъ на правомъ берегу Днѣпра и размѣстилъ по разнымъ центрамъ крупные отряды, ко-

торыми командовали его наиболѣе вѣрные и энергичные помощники.

Но такого рода „самодержавное“ правленіе бывшаго скромнаго сельскаго учителя не было продолжительнымъ.

Событія развивались съ кинематографической быстротой.

Укрѣпившіеся въ Москвѣ большевики спѣшили приводить въ исполненіе свои замыслы, и вскорѣ по Украинѣ разнеслись вѣсти о приближеніи отрядовъ красной арміи, поспѣшно двигавшихся съ сѣвера на югъ.

Встревоженный Петлюра не замедлилъ отдать Коцуру приказъ о необходимости употребить всѣ силы для защиты Украины отъ вторженія врага и выступить на „фронтъ“ во главѣ подчиненныхъ ему повстанческихъ силъ.

Лихой атаманъ тотчасъ же исполнилъ приказаніе новаго кіевскаго диктатора и, поспѣшно приведя въ порядокъ свои силы, выступилъ для борьбы съ большевиками, направившись имъ навстрѣчу съ большимъ отрядомъ дивизіонной организаціи.

. . . .

Но отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій противъ красной арміи Коцуръ по вполнѣ понятнымъ причинамъ уклонился, оставивъ петлюровско-большевицкій фронтъ ранѣе столкновенія съ непріятелемъ.

Вооруженная борьба съ послѣднимъ, конечно, приходилась теперь мало по вкусу большинству рядовыхъ представителей вольницы, привыкшимъ къ удалымъ налетамъ на австрійскіе эшелоны, совершавшіеся почти безъ всякаго риска и дававшіе возможность тотчасъ-же въ волю поживиться забранною добычею. Встрѣчи же съ приближавшимися къ Украинѣ большевицкими отрядами, въ рядахъ которыхъ двигались многіе идейные и самоотверженные коммунисты, не обѣщали повстанцамъ ничего легкаго и веселаго.

Дѣло кончилось тѣмъ, что, пробывъ на фронтѣ весьма непродолжительное время, Коцуръ оставилъ его незадолго до появленія первыхъ большевиковъ и направился къ роднымъ мѣстамъ.

Но это возвращеніе Коцура къ пенатамъ носило на этотъ разъ характеръ подлиннаго тріумфа: всякаго рода добыча, набранная повстанцами за время послѣдняго похода, была настолько обильна, что мѣстные крестьяне въ теченіе нѣсколькихъ дней разгружали цѣлые коцуровскіе поѣзда, биткомъ набитые мануфактурой, сахаромъ, мебелью и разнообразнымъ военнымъ снаряженіемъ, не исключая и артиллерійскихъ орудій и снарядовъ. Въ числѣ послѣднихъ грузовъ находился даже одинъ аэропланъ, которымъ, кстати сказать, впослѣдствіи никто не сумѣлъ воспользоваться.

Все военное имущество повстанцами было тотчасъ увезено вглубь лѣсовъ, что же касается продовольствія, мануфактуры и многочисленныхъ предметовъ роскоши, то все это было разобрано благодарными крестьянами, быстро скрывшими эти богатства въ своихъ деревняхъ.

Слѣды послѣдней коцуровской эпопеи внимательному наблюдателю можно было обнаружить на Правобережной Украинѣ значительно позднѣе, когда въ какой-нибудь захудалой крестьянской хатѣ ему неожиданно попадались на глаза шедевры произведеній иностранныхъ художниковъ или цѣннѣйшая античная мебель, какимъ позавидовалъ бы любой парижскій антикварный магазинъ.

Но военный грабежъ и легкое обогащеніе бойцовъ — во всѣ времена въ исторіи — были плохими помощниками въ дѣлѣ сохраненія цѣлости и благоустройства какой угодно арміи... Сказалось это въ концѣ концовъ и на коцуровскихъ отрядахъ, постепенно разложившихся подъ вліяніемъ пьянства и безудержной гульбы большинства повстанцевъ, ни о чемъ уже болѣе не думавшихъ, какъ только о новыхъ грабежахъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія Коцура съ фронта,

его армія стала постепенно таять. Облѣнившаяся и имѣвшая въ карманахъ кое-какія деньги, молодежь убѣгала продолжать веселую гульбу по городамъ; наиболѣе энергичные повстанцы уходили „партизанить“ на свой личный страхъ и отвѣтъ небольшими группами; не желавшіе болѣе рисковать своею жизнью, — старики — возвращались въ свои деревни.

Въ результатѣ къ началу 1919 года при Коцурѣ остался лишь небольшой отрядъ, состоявшій изъ бездомныхъ бродягъ, не имѣвшихъ мѣста, куда они могли-бы возвратиться для мирной жизни.

Утомленный вынужденнымъ бездѣйствіемъ въ своихъ лѣсныхъ берлогахъ, Коцуръ попробовалъ однажды выступить со своимъ отрядомъ „бездомниковъ“ противъ большевиковъ, направившись для этого въ спеціальную экспедицію. Но счастье и успѣхъ, всегда ранѣе сопутствовавшіе удалому украинскому атаману, на этотъ разъ ему круто измѣнили: столкновеніе съ красноармейцами, двигавшимися на Украину для ея оккупаціи и готовыми встрѣтить всякаго рода сопротивленія, — не было похоже на былыя „дѣйствія“ противъ деморализованныхъ австрійцевъ, ни о чемъ болѣе не думавшихъ, какъ только о скорѣйшемъ возвращеніи на родину.

Въ первомъ-же незначительномъ бою съ большевицкими частями отрядъ Коцура потерпѣлъ пораженіе, послѣ чего былъ благоразумно отведенъ атаманомъ въ глубину излюбленныхъ имъ лѣсовъ, въ заповѣдную берлогу...

Но и большевики Коцура не преслѣдовали. Ихъ части, появившіяся на Украинѣ въ началѣ 1919 года, были въ этомъ районѣ еще слишкомъ слабы, разрозненны и малочисленны, чтобы пускаться на рискованное предпріятіе прохожденія лѣса, въ дебряхъ котораго засѣлъ съ остаткомъ своей вольницы еще недавно грозный и популярный украинскій атаманъ. Правда, большевики знали, что сила его теперь была сломлена, но наносить послѣдняго

удара ему не рѣшались по причинѣ собственной неподготовленности и слабости.

Коцуръ-же по временамъ еще давалъ о себѣ знать періодическими кровавыми выходками: неожиданно появляясь со своими молодцами изъ лѣса то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, онъ безжалостно вырѣзывалъ по дорогѣ попадавшіяся ему мелкія большевицкія части и искалъ случая соединиться съ Григорьевымъ, уже оперировавшимъ въ районѣ Херсонъ-Одесса. Влекла Коцура и возможность соединенія съ другими атаманами, продолжавшими бродить по Украинѣ въ разныхъ ея районахъ и не забывавшихъ поддерживать связи со своимъ излюбленнымъ вождемъ черезъ всякаго сорта вѣрныхъ курьеровъ и лазутчиковъ.

Вылазки Коцура изъ его дремучихъ лѣсовъ и невѣдомыхъ берлогъ носили характеръ настоящихъ дерзкихъ разбойничьихъ походовъ, воскрешавшихъ въ памяти лихіе набѣги запорожцевъ, и отличавшихся средневѣковою дикостью и нетерпимостью.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и въ это время украинское крестьянство не измѣняло въ вѣрности своему любимцу-атаману и слѣпо подчинялось его приказамъ, исходившимъ изъ глубины Холоднаго Яра.

Какъ уже было упомянуто выше, численность основного ядра коцуровскаго отряда была незначительной, съ каковою разумный вождь повстанцевъ не могъ пускаться на рискъ какой-бы то ни было серьезной операціи. Но, опираясь на вѣрность и послушаніе крестьянъ, онъ всегда очень легко выходилъ изъ этого положенія, быстро увеличивая свой отрядъ въ 15-20 разъ благодаря своеобразнымъ „мобилизаціямъ“, производившимся въ нужный моментъ съ молніеносной быстротой.

Задумавъ, обычно, какую-либо операцію, Коцуръ немедленно-же отдавалъ черезъ своихъ агентовъ самыя категорическія распоряженія по деревнямъ и хуторамъ, вызывая свой „крестьянскій

запасъ“ къ опредѣленному времени и въ опредѣленное мѣсто.

Всѣ такіе приказы исполнялись крестьянами почти безпрекословно, и спустя самый незначительный промежутокъ времени вокругъ властнаго атамана вновь собирался отрядъ въ нѣсколько тысячъ, готовый для серьезной борьбы со всякаго рода врагомъ.

На вовъ Коцура крестьяне прибывали вооруженными и снабженными сытыми лошадьми, приводя съ собою въ случаѣ надобности тачанки и подводы, а иногда даже предоставляя въ распоряженіе Коцура по 1-2 артиллерійскихъ орудія, искусно скрываемыхъ ими въ деревенской глуши еще со времени развала русской арміи.

Послѣднія, точно такъ же какъ и многочисленные пулеметы, обыкновенно прятались крестьянами въ лѣсной чащѣ или въ стогахъ сѣна, оставаясь въ этихъ укрытіяхъ совершенно неуловимыми для постороннихъ глазъ.

Приходилъ коцуровскій приказъ — и всѣ эти смертоносныя орудія снова вытаскивались, покорными своимъ атаманамъ, крестьянами, на просторъ украинскихъ полей. А вчерашніе мирные землеробы, невозмутимо отдыхавшіе въ своихъ тѣсныхъ хатахъ, мгновенно превращались въ храбрыхъ и суровыхъ наѣздниковъ, совершавшихъ необычныя дѣла, представлявшія изъ себя кровавую смѣсь изъ удальства, необузданной жестокости, украинскаго патріотизма и постыднаго корыстолюбія.

Въ теченіе всего 1919 года разбушевавшаяся украинская вольница XX вѣка широко разгуливала по всему краю, появляясь не только по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и просторамъ Новороссіи, но доходя и до самаго моря.

И гдѣ только ни проходили повстанцы — повсюду оставался за ними печальный слѣдъ изъ огня, крови, слезъ и безутѣшнаго человѣческаго горя. . .

Между прочимъ, время повстанческихъ не-

истовствъ весьма хорошо описано А. Цариннымъ въ его интересномъ трудѣ „Украинское Движеніе". Считаемъ не лишнимъ привести изъ этого труда хотя-бы слѣдующую выдержку:

„Кровавый изъ кровавыхъ 1919 годъ — пишетъ А. Царинный — былъ временемъ непрерывной гражданской войны въ Россіи... Деникинъ, Колчакъ, Миллеръ, Юденичъ... и украинскіе соціалисты разныхъ толковъ примазались къ противобольшевицкому движенію. Петлюра съ помощью бывшихъ австрійскихъ генераловъ организуетъ въ Галиціи армію для наступленія на Кіевъ. По всей южной Россіи появились партизанскіе отряды, которые вели партизанскую войну и грабили мирное населеніе. Особенно были извѣстны банды: Зеленаго — около Триполья, Струка и Соколовскаго — на Кіевскомъ Полѣсьѣ, Тютюнника — въ окрестностяхъ Черкассъ, Ангела — въ Полтавской губерніи, а такъ-же какой-то „Маруси", — оперировавшей на границахъ Кіевщины и Херсонщины. Изъ болѣе крупныхъ вождей слѣдуетъ упомянуть Махно*).

Хотя предводители всѣхъ этихъ бандъ и выступали подъ украинскимъ флагомъ, но, въ сущности, малорусское національное чувство было имъ совершенно чуждо и непонятно, главными-же стимулами ихъ дѣятельности были — грабительскій инстинктъ, да упоеніе своеволіемъ и разнузданностью при полной безнаказанности.

Въ самыхъ бандахъ духъ царилъ большевицкій, хотя онѣ якобы и боролись съ большевиками"...

---

*) Извѣстный „батько" Махно впослѣдствіи бѣжалъ въ Польшу, гдѣ былъ интернированъ польскимъ правительствомъ и содержался въ концентраціонномъ лагерѣ Щеперно. Изъ Польши Махно попалъ во Францію, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и умеръ, оставивъ послѣ себя весьма интересный архивъ всякаго рода документовъ, къ которому еще вернемся въ своемъ другомъ трудѣ.

IV.

Въ это-то наиболѣе сумбурное время и происходило наше спѣшное передвиженіе къ Кременчугу для участія въ дѣйствіяхъ вновь сформированнаго отряда доблестнаго генерала Абрамовича въ качествѣ его единственной конницы.

Еще въ Знаменкѣ мы узнали, что уже хорошо знакомый всѣмъ Коцуръ, вскорѣ послѣ столкновенія съ нами подъ Фундуклеевкой, рѣшилъ оставить линію желѣзной дороги Знаменка - Бобринская и перенесъ операціи своихъ бандъ въ районъ Кременчуга.

Этотъ важный желѣзнодорожный центръ привлекалъ собою вниманіе Коцура, во-первыхъ, множествомъ сосредоточенныхъ въ немъ складовъ и цѣлаго арсенала, а во-вторыхъ, почти полнымъ отсутствіемъ въ немъ какихъ либо добровольческихъ вооруженныхъ силъ, предназначенныхъ для охраны тѣхъ-же арсеналовъ и складовъ.

Достаточно указать, что въ описываемое время громадный Кременчугъ, насчитывавшій до 150.000 населенія, охранялся... комендантомъ города, доблестнымъ полковникомъ Л. Гв. Павловскаго полка А. П. Рѣдькинымъ и всего лишь одной сборной ротой!!..

Къ концу сентября Коцуръ приблизился къ Кременчугу.

Его отрядъ былъ снова значительно пополненъ новыми охотниками грабежа и лихихъ повстанческихъ приключеній, влившимися въ ряды коцуровской вольницы во время ея движенія черезъ рядъ деревень и селъ.

Подойдя къ недалекому отъ Кременчуга посаду Крюкову (на правомъ берегу Днѣпра), Коцуръ остановился на мѣстѣ, не рѣшаясь двигаться далѣе и угрожая въ то-же время, гигантскому желѣзнодорожному мосту на Кременчугъ, являвшемуся важнѣйшимъ звеномъ въ связи сѣвера съ Новороссіей.

Причина, заставившая удалого атамана удержаться отъ немедленнаго занятія Кременчуга, — была боязнь его коменданта, полковника Рѣдькина... Въ дѣйствительности - же эта операція ему ничего не сулила бы, кромѣ полной удачи: въ городѣ никого не было, кромѣ безоружнаго населенія и упомянутой выше слабой комендантской роты; а потому повстанцы Коцура могли бы овладѣть Кременчугомъ и всѣми его богатствами положительно безъ всякихъ усилій и жертвъ.

Но такихъ дѣйствій со стороны Коцура не послѣдовало.

Весьма возможно, что на этотъ разъ ему не удалось собрать вѣрныхъ информацій о находившихся въ Кременчугѣ силахъ противника, причемъ, весьма возможно, что и полученныя имъ свѣдѣнія о таковыхъ были умышленно преувеличены тайными сторонниками добровольцевъ, искренно желавшими утвержденія „бѣлой“ русской власти, какъ наиболѣе законной и естественной...

Какъ выяснилось впослѣдствіи, эта остановка Коцура передъ Крюковскимъ мостомъ оказалась для него роковой и разрушила всѣ его дальнѣйшіе планы.

. . . .

Въ концѣ сентября въ Кременчугѣ появились части отряда генерала Абрамовича, въ составъ котораго, какъ уже упоминалось, входилъ и нашъ Гвардейскій Конно-Подрывной полуэскадронъ.

Входъ отряда въ Кременчугъ произошелъ совершенно спокойно, послѣ слѣдованія черезъ Крюковъ и гигантскій днѣпровскій мостъ, около которыхъ еще продолжали рыскать коцуровскіе разъѣзды. Но оставаться въ Кременчугѣ не входило въ задачи и намѣренія генерала Абрамовича, и — почти немедленно же послѣ нашего прихода въ этотъ городъ — нами былъ полученъ приказъ о выступленіи въ дальнѣйшій путь.

Операція, которую начиналъ генералъ Абра-

мовичъ, далеко не обѣщала быть легкой: цѣлью ея являлась борьба съ Коцуромъ и его сподвижниками, а послѣдніе не могли считаться противникомъ не серьезнымъ, а тѣмъ болѣе брагороднымъ и великодушнымъ.

Слухи о всякаго рода безобразіяхъ и неистовствахъ, творимыхъ повстанцами при столкновеніяхъ съ бѣлыми, уже давно были извѣстны добровольцамъ, и безъ того уже измученнымъ предыдущими походами. Тѣмъ не менѣе, отряду генерала Абрамовича приходилось спѣшно приступать къ дѣйствіямъ, несмотря на его „сборность“ и разношерстность, весьма обычную при спѣшныхъ формированіяхъ Добровольческой арміи.

Изъ послѣдующаго будетъ видно, что недостатокъ этотъ былъ совершенно парализованъ умѣлымъ руководствомъ самого генерала Абрамовича, сумѣвшаго благодаря своей опытности и личной отвагѣ превратить свои „разношерстныя“ части въ грозную для врага силу, нанесшую всему дѣлу всесильнаго дотолѣ на Украинѣ Коцура неотразимый ударъ.

Произошло это въ слѣдующемъ порядкѣ.

. . . .

Въ одну изъ ночей конца сентября 1918 года изъ Кременчуга выступила въ походъ единственная конная часть генерала Абрамовича, а именно — нашъ, уже достаточно знакомый читателю, Гвардейскій Подрывной полуэскадронъ.

Путь, намъ указанный, лежалъ черезъ тотъ же днѣпровскій желѣзнодорожный мостъ и посадъ Крюковъ, за которыми намъ пришлось прослѣдовать черезъ двѣ деревни, до послѣдняго момента являвшіяся стоянками коцуровскихъ частей.

Послѣднія, повидимому, не желали ввязываться съ нами ни въ какія передряги и заблаговременно очистили эти деревни при нашемъ приближеніи.

Мы безпрепятственно шли все дальше и дальше, очищая путь для слѣдовавшихъ за нами дру-

гихъ частей отряда, на разсвѣтѣ того же дня выступившаго въ полномъ своемъ составѣ изъ Кременчуга. Причемъ, къ генералу Абрамовичу присоединился и доблестный полковникъ А. П. Рѣдькинъ съ комендантской ротой.

Вечеромъ мы уже заняли городъ Новогеоргіевскъ, извѣстный русскимъ довоеннымъ кавалеристамъ, какъ бывшая стоянка 9 запаснаго кавалерійскаго полка, а въ военное время — крупныхъ частей запаса русской конницы.

Этотъ вечеръ, проведенный нами въ Новогеоргіевскѣ, навсегда запечатлѣлся въ моей памяти, благодаря одному весьма важному обстоятельству: здѣсь генералъ Абрамовичъ собралъ на совѣщаніе начальниковъ всѣхъ частей своего „юнаго“ отряда для составленія плана дальнѣйшей борьбы съ Коцуромъ, преслѣдовавшей цѣли полнѣйшей ликвидаціи послѣдняго.

Были взяты на учетъ всѣ силы нашей весьма незначительной „арміи“, каковыя необходимо было спаять въ одно цѣльное ядро для достиженія хотя бы минимальнаго успѣха. А силы эти были слѣдующія: 1) Гвардейскій Конно-Подрывной полуэскадронъ въ 132 сабли при пяти пулеметахъ, 2) учебная команда 5 пѣхотной дивизіи, 3) желѣзнодорожная охранная рота, 4) кременчугская офицерская полурота, 5) одно тяжелое и одно легкое орудіе...

Это было все, съ чѣмъ приходилось выступать для настоящей и весьма серьезной войны противъ повстанческихъ отрядовъ Коцура, насчитывавшаго въ это время въ рядахъ своей удалой вольницы до двухъ тысячъ человѣкъ!!...

Но успѣху дѣйствій генерала Абрамовича содѣйствовали хорошія качества большинства его частей, исключительныхъ по своему составу. Таковыми являлись: гвардейскіе конно-саперы, почти поголовно состоявшіе изъ студентовъ-вольноопредѣляющихся, кадетъ, юнкеровъ и нѣмцевъ колонистовъ, а затѣмъ образцовая учебная команда изъ тѣхъ же нѣмцевъ колонистовъ Тавріи. Почти ка-

ждый изъ этихъ бойцовъ, въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ юныхъ, являлся образцомъ дисциплинированности и преданности дѣлу борьбы противъ произвола и анархіи.

Кромѣ кадетъ и другихъ молодыхъ добровольцевъ-интеллигентовъ, въ тѣхъ-же частяхъ находилось и достаточное число отличныхъ солдатъ мирнаго времени, въ совершенствѣ знавшихъ свое дѣло и не терявшихся ни при какихъ обстоятельствахъ.

. . . .

Ночью весь отрядъ генерала Абрамовича выступилъ изъ города Новогеоргіевска.

Мѣстность, по которой приходилось слѣдовать, была пересѣченной, покрытой холмами съ крутыми и неровными подъемами и спусками.

Еще до разсвѣта мы прошли черезъ большія украинскія села — Малую Андрусовку и Андрусовку Польскую, послѣ чего стали головными частями спускаться въ плавни, выславъ впередъ боевое охраненіе изъ конныхъ разъѣздовъ.

Стало свѣтать, и когда взощедшее сентябрьское солнце освѣтило еще зеленыя поля и холмы, передъ нашими глазами открылась богатая и живописная панорама, какую рѣдко можно было гдѣ-либо встрѣтить, кромѣ благодатной Украины, на просторахъ которой теперь разыгрывались столь кровавыя и жестокія трагедіи.

Мы увидѣли Чигиринъ, тотъ самый знаменитый городокъ Чигиринъ, около котораго вьется столько древнихъ легендъ и красивыхъ историческихъ былинъ... Теперь этотъ городокъ потонулъ въ зелени своихъ густыхъ садовъ и огородовъ, кое-гдѣ показывая бѣлыя стѣны маленькихъ домиковъ и мирныя вышки церковныхъ колоколенъ.

Съ лѣвой стороны къ Чигирину почти вплотную подступали внушительные склоны горъ, тогда какъ справа, слегка подернутыя сизыми туманами,

раскидывались густыя плавни, тянувшіяся до самаго горизонта.

Широкій и свѣтлый — ихъ перерѣзывалъ на двѣ части Днѣпръ, невольно заставлявшій забывать о жуткой дѣйствительности, толкавшей множество людей въ братоубійственную и кровавую бойню на родной землѣ.

. . . .

Живописные холмы и поля, окружающіе Чигиринъ, впрочемъ, уже не разъ обильно впитывали въ себя горячую человѣческую кровь, орошавшую ихъ на протяженіи столѣтій.

Въ началѣ XVI столѣтія здѣсь не было ничего, кромѣ принадлежавшихъ Литвѣ необъятныхъ сосновыхъ лѣсовъ, съ рѣдкими селеніями, только кое-гдѣ ютившимися на берегахъ Днѣпра и его притоковъ. Но въ 1569 году всѣ русскія земли, лежавшія по берегамъ Днѣпра, перешли отъ Литвы къ Польшѣ, привлекая въ этотъ край разгульную и своевольную польскую шляхту, разселявшуюся на привольныхъ и плодородныхъ украинскихъ мѣстахъ.

Появленіе на Украинѣ польскихъ шляхтичей мало способствовало миру и благоденствію спокойнаго и тихаго дотолѣ Приднѣпровья.

Землевладѣльцевъ въ тѣ времена на Украинѣ не было, но жители тамъ все-же кое-гдѣ попадались. Этими жителями были „казаки", т. е. всякаго рода выходцы изъ московскаго государства, отчасти ведшіе осѣдлый образъ жизни, отчасти-же охотившіеся и „казаковавшіе" въ степяхъ, сражаясь съ татарами или предаваясь грабежамъ.

Появленіе среди казаковъ польской шляхты, желавшей обратить ихъ въ крѣпостныхъ холоповъ по образцу, привезенному съ собою изъ Рѣчи Посполитой не могло, конечно, нравиться свободолюбивому казачеству.

Казаки начали уходить все дальше и дальше въ степи, недоступныя польскимъ властямъ. Тамъ они устраивали себѣ укрѣпленныя убѣжища, и, въ

результатѣ, образовали знаменитую „Запорожскую Сѣчь“, одинаково опасную какъ для татаръ, такъ и для правительства Рѣчи Посполитой.

Всѣ попытки польскаго правительства подчинить казаковъ своей власти и власти землевладѣльцевъ — ни къ чему не приводили. Казачья вольница, утвердившаяся въ Запорожьи, не желала прекращать своихъ грабежей и набѣговъ и, стягивая въ Сѣчь все больше и больше охотниковъ, быстро возрастала численно.

Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ казаки уже не довольствовались одними легкими экскурсіями на татаръ и поляковъ съ цѣлью грабежей, а уже совершали для этого цѣлые походы и организовывали возстанія... Подъ начальствомъ своихъ гетмановъ Косинскаго, Наливайко, Лободы и др. — они съ мечомъ и огнемъ вторгались въ разныя области польскаго королевства, а у себя на Украинѣ вырѣзывали шляхту и освобождали отъ нея крестьянъ, обращая послѣднихъ въ казаковъ своей вольницы.

Сидѣвшій въ то время на польскомъ тронѣ Король Сигизмундъ III, будучи занятъ Московскою войною и покореніемъ Смоленска, не могъ удѣлить много вниманія малороссійскимъ дѣламъ и принужденъ былъ поручать ихъ своимъ наиболѣе виднымъ и энергичнымъ замѣстителямъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ, между прочимъ, и извѣстный магнатъ, Черкасскій староста князь Адамъ Вишневецкій, одинъ изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ польскихъ вельможъ на Волыни и Украинѣ. Ему-то Сигизмундъ III разрѣшилъ основать на мѣстѣ Чигирина польскій укрѣпленный лагерь и построить замокъ, положивъ начало будущему городу.

Упроченіе польской власти на Украинѣ, конечно, не могло нравиться казакамъ, и они при первомъ-же удобномъ случаѣ отвѣтили Рѣчи Посполитой новыми возстаніями (Тараса, Павлюка и др.)

Но побѣдить поляковъ на этотъ разъ казакамъ все-же не удалось.

Адамъ Вишневецкій и другіе польскіе магнаты повели противъ казачьей вольницы весьма серьезную войну, заняли весь край своими войсками и казнили много казаковъ.

У жителей Украины было отнято самоуправленіе и все начальство надъ краемъ — съ уже въ достаточной мѣрѣ неподвижнымъ населеніемъ, было поручено тѣмъ-же шляхтичамъ.

Но казачество могло терпѣть такое положеніе не болѣе десятка лѣтъ и въ 1648 году поднялось всею массою подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго, бывшаго чигиринскаго сотника, наголову разбившаго польскіе отряды на рѣкѣ Желтыя Воды и подъ Корсунемъ въ томъ же году.

Чигиринъ въ это время считался главнымъ городомъ всей Малороссіи — резиденціей Богдана Хмѣльницкаго — и представлялъ собою грозный военный станъ, снабженный всякаго рода оружіемъ того времени и укрѣпленный, какъ настоящая большая крѣпость.

Хмѣльницкій чувствовалъ за собою цѣлый православный народъ, Польша-же не могла легко примириться съ отказомъ отъ притязанія на Украину, представлявшую собою настоящую житницу.

Въ 1650 году въ Чигиринѣ состоялся съѣздъ (рада) русскихъ, польскихъ и турецкихъ пословъ, пытавшихся придти къ какому-либо миролюбивому соглашенію съ казаками и предлагавшими Богдану Хмѣльницкому всевозможныя блага за дружбу со своими государями. Но казаки требовали отъ пословъ признанія ихъ полной независимости отъ Польши, и всѣ старанія Чигиринской рады остались безрезультатными.

Началась новая война казаковъ съ поляками, шедшая неудачно для Хмѣльницкаго, вслѣдствіе измѣны помогавшихъ ему татаръ. Тогда Богданъ Хмѣльницкій остановился на мысли просить помощи у Москвы и втянуть ее въ войну съ Польшею. Правившій въ то время Московскимъ государствомъ Царь Алексѣй Михайловичъ, по соглашенію съ

Земскимъ Соборомъ, рѣшилъ, наконецъ, принять Малороссію въ число своихъ земель, что и было закрѣплено договоромъ 1654 года на общей радѣ въ Переяславлѣ.

Послѣ этого городъ Чигиринъ неоднократно являлся пунктомъ, около котораго происходили кровопролитныя сраженія, заканчивавшіяся то побѣдами казаковъ, то поляковъ, татаръ или войскъ московскихъ государей.

Въ исторіи, одна за другою, отмѣчены осады Чигирина Юріемъ Хмѣльницкимъ (сыномъ Богдана, умершимъ въ 1657 году), приведшимъ съ собою поляковъ и татаръ, и гетманомъ Брюховецкимъ, бывшимъ сторонникомъ Москвы и пользовавшимся поддержкой ея государя.

Наступилъ 1676 годъ, и царь Ѳедоръ Алексѣевичъ предпринялъ первый Чигиринскій походъ для борьбы съ турками, которые вмѣшивались въ малороссійскія дѣла.

Вслѣдствіе обращенія гетмана Дорошенко къ султану, турки предъявили свои права на Правобережную Украину и пытались овладѣть Чигириномъ, какъ столицею правобережныхъ гетмановъ. Московскіе воеводы засѣли въ Чигиринѣ и уступили его туркамъ только послѣ упорной обороны, стоившей множества жизней съ обѣихъ сторонъ.

Долгія войны и постоянные набѣги татаръ и турокъ къ концу XVII столѣтія совсѣмъ разорили правый берегъ Днѣпра, вслѣдствіе чего правобережное казачество стало постепенно уходить оттуда, переселяясь въ область Сѣвернаго Донца и другія земли.

Но Чигиринъ, какъ основная база всѣхъ удалыхъ дѣйствій казачьей вольницы, еще долгое время напоминалъ о своемъ существованіи. За право обладанія этимъ городомъ поочередно дрались — то Дорошенко съ царскими войсками, то Самойловичъ съ загонами Кара-Мустафы, то царскія войска съ гайдамаками... Послѣдними въ 1750 году онъ былъ сожженъ до тла, такъ что всѣ жители города раз-

бѣжались по окрестнымъ лѣсамъ, безъ всякой надежды когда-либо возвратиться на оставленное пепелище.

Но впослѣдствіи Чигиринъ все-же опять отстроился, хотя его дальнѣйшее существованіе не было уже связано съ какими либо крупными историческими событіями или потрясеніями.

Съ завоеваніемъ всего края Россіей онъ превратился въ маленькій заштатный городокъ, на долгіе годы приспособленный, казалось-бы, исключительно для одной мирной жизни своихъ богоспасаемыхъ гражданъ. И болѣе ста лѣтъ такъ благодушествовалъ Чигиринъ, пока судьбѣ не угодно было снова превратить его въ мѣсто междоусобной вражды и пролитія человѣческой крови.

Моментъ этотъ наступилъ въ то самое памятное утро, когда нашъ отрядъ подошелъ къ чигиринскимъ окраинамъ, двигаясь со стороны Новогеоргіевска.

. . . .

Мы двигались безъ задержки впередъ, оставивъ позади себя пѣхоту съ артиллеріей, нѣсколько задержавшимися во время походнаго движенія.

Весь Чигиринъ съ его садами и бѣлыми домиками былъ виденъ намъ, какъ на ладони, освѣщенный лучами поднявшагося надъ горизонтомъ солнца. Мы ясно различали стѣны древняго запорожскаго монастыря и улицы предмѣстья, на которыхъ царили полнѣйшія спокойствіе и тишина.

Доступные наблюденію простымъ глазомъ, наши дозоры вошли въ пригородную деревню и начали осторожно продвигаться впередъ вдоль ея улицы и огородовъ. За ними стали вливаться въ селеніе и конно-саперы.

Дозоры благополучно прошли базарную площадь, находившуюся на пригоркѣ, подлѣ церкви, и мы ясно видѣли, какъ они стали спускаться къ самой рѣкѣ, гдѣ уже зеленѣли городскіе огороды.

— Здѣсь никого нѣтъ! — замѣтилъ кто-то

изъ нашихъ. — Ни о какихъ повстанцахъ въ Чигиринѣ нѣтъ и помину!

— Ушли совсѣмъ, не желая съ нами связываться! — добавилъ другой голосъ. — И хорошо сдѣлалъ Коцуръ... что за удовольствіе воевать, когда въ этомъ нѣтъ никакой необходимости!..

И вдругъ — не успѣлъ говорившій окончить своей фразы, какъ всѣ вздрогнули, услышавъ знакомый сухой звукъ, раздавшійся на противоположномъ берегу рѣки.

Это былъ выстрѣлъ, за которымъ послѣдовали второй и третій, перейдя затѣмъ въ характерное таканье пулеметовъ.

— Вотъ тебѣ и ушли! — съ горечью замѣтилъ мой сосѣдъ. — Это Коцуръ, господа, самый чистокровный Коцуръ!..

Говорившій былъ правъ: прискакавшій черезъ минуту дозорный привезъ донесеніе, что коцуровская пѣхота съ пулеметами стояла совсѣмъ близко, за рѣкою, около мостовъ...

— Рысью ма...а...ршъ!

Подъ таканье пулеметовъ, мы на рысяхъ ушли въ одинъ изъ переулковъ и стали за школой. Тотчасъ-же спѣшились, разсыпались въ цѣпь и огородами вышли къ рѣчкѣ.

Находившіеся на другомъ берегу, коцуровцы щедро осыпали насъ свинцовымъ дождемъ, ни на минуту не прерывая пулеметнаго таканія.

Начался бой, упорный и трудный, въ особенности для насъ, еще остававшихся безъ пѣхоты и артиллеріи, сильно поотставшихъ за время походнаго движенія.

Только къ вечеру, когда эти части подоспѣли къ намъ на помощь, и вся пѣхота отряда генерала Абрамовича оказалась на лицо — добровольцамъ удалось сломить сопротивленіе противника, который сталъ весьма осторожно отходить отъ рѣки.

Причиною отхода коцуровцевъ послужило, весьма вѣроятно, одно обстоятельство, каковое первоначально было извѣстно только намъ, чинамъ

Гвардейскаго Конно-Подрывного полуэскадрона. Этимъ обстоятельствомъ оказался приказъ генерала Абрамовича, въ силу котораго конно-подрывники должны были зайти противнику въ тылъ и занять небольшую переправу черезъ рѣку, находившуюся въ трехъ верстахъ отъ Чигирина.

Такой маневръ, въ случаѣ его выполненія, отрѣзалъ Коцуру путь отступленія къ Холодному Яру и лишалъ его всякой связи съ городомъ.

Но Коцуръ, повидимому, разгадалъ этотъ замыселъ и постарался не попасть въ ловушку: Этапъ за этапомъ онъ отвелъ своихъ людей отъ рѣки и сталъ проходить черезъ Чигиринъ, почти соприкасаясь своими тыловыми частями съ авангардомъ добровольцевъ.

. . . .

Смеркалось, когда нашъ головной разъѣздъ на плечахъ у противника ворвался въ тотъ самый городъ, который во тьмѣ вѣковъ видѣлъ Хмѣльницкаго, Сомойловича и орды Кара-Мустафы...

Добровольцы устремлялись впередъ, по широкой и прямой улицѣ мѣстечка, тѣсня передъ собою послѣдніе ряды спѣшно очищавшихъ его повстанцевъ. И у всѣхъ на глазахъ, за ними уходилъ послѣднимъ... ихъ вождь, — уходилъ эффектно, картинно, возбуждая еще большее преклоненіе своихъ послѣдователей и почитателей.

Слѣдуетъ отдать полную справедливость Коцуру: онъ умѣлъ сыскать себѣ популярность не только словами и распоряженіями, — въ чемъ убѣдились и многіе изъ насъ, воочію наблюдавшіе его знаменитое „отступленіе" вдоль чигринской улицы.

Представляя своею видною фигурой какъ бы единственный арьергардъ всей вольницы, этотъ недюжинный человѣкъ во весь опоръ мчался на тачанкѣ, влекомой парою бѣшеныхъ и крѣпкихъ коней... Стоялъ Коцуръ на тачанкѣ во весь ростъ, въ лихо заломленной на бекрень шапкѣ, и упорно

отстрѣливался отъ слѣдовавшаго за нимъ непрiятеля изъ пулемета, ни на минуту не перестававшаго поливать свинцовымъ дождемъ наши ряды...

Густыми клубами вилась за мчавшейся тачанкой дорожная пыль, неистово голосили искавшiя укрытiя чигиринскiя бабы, ввучали отвѣтныя выстрѣлы нашихъ развѣдчиковъ, а смѣлый атаманъ все продолжалъ красоваться на своей колесницѣ, играя со смертью и подавая своимъ „гайдамакамъ" подлинный примѣръ неустрашимости и отваги...

На его тачанкѣ виднѣлись двѣ человѣческихъ фигуры: первая принадлежала Коцуру, лихо правившему парой мчавшихся во весь опоръ коней, а вторая — извѣстному атаману Богдану, неподвижно лежавшему у ногъ своего популярнаго повелителя и друга.

Атаманъ Богданъ былъ раненъ въ предыдущемъ бою, повидимому, весьма серьезно и Коцуръ, уходя изъ Чигирина послѣднимъ, увозилъ раненаго сподвижника съ собою, держа путь на свою лѣсную берлогу.

Спустя нѣсколько минутъ послѣднiе ряды повстанцевъ и колесница ихъ вождя исчезли изъ нашего поля зрѣнiя.

Прекратилась безпорядочная стрѣльба изъ винтовокъ, умолкло таканiе коцуровскаго пулемета, наступила тишина на широкой чигиринской улицѣ.

Городокъ былъ взять добровольцами.

. . . .

До крайности утомленные всѣми предыдущими переживанiями, чины отряда генерала Абрамовича свободно вздохнули и стали разбредаться по обывательскимъ квартирамъ, надѣясь обрѣсти заслуженный отдыхъ и возможность хотя-бы на короткiй срокъ улечься и забыться сномъ...

Многимъ этого удалось достигнуть не сразу: добровольцы очутились въ томъ мѣстѣ гдѣ недавно учинили свою звѣрскую расправу большевики,

и, не взирая на страшную усталость, пришлось въ этотъ памятный вечеръ долго выслушивать разсказы о коцуровцахъ, ушедшихъ, казалось-бы, навсегда въ свои заповѣдные лѣса.

Увѣренность въ полномъ разгромѣ Коцура у всѣхъ насъ была полная — настолько полная, что, тѣмъ, кому надлежало о томъ вѣдать, не позаботились даже выставить достаточнаго охраненія вокругъ Чигирина, вскорѣ заснувшаго глубокимъ сномъ послѣ дневныхъ потрясеній...

. . . .

На слѣдующее утро всѣ начальники были приглашены на совѣщаніе къ генералу Абрамовичу, привѣтливо встрѣтившему ихъ въ дверяхъ своей квартиры.

Переговорить предстояло о многомъ, такъ какъ и въ дальнѣйшемъ наше положеніе не представлялось легкимъ, несмотря на побѣду, одержанную надъ отрядомъ Коцура наканунѣ.

Но ранѣе, чѣмъ приступить къ обсужденію плана дальнѣйшей работы своего отряда, обаятельный генералъ Абрамовичъ сталъ благодарить своихъ сотрудниковъ за доблестную службу ихъ частей въ теченіе послѣднихъ тяжелыхъ дней.

Не успѣлъ генералъ произнести нѣсколькихъ словъ, какъ всѣ собравшіеся въ комнатѣ офицеры невольно вздрогнули отъ знакомаго, но мало ласкавшаго слухъ, звука, раздавшагося совсѣмъ близко...

— Что за исторія? Вѣдь это граната!... Что сей сонъ значитъ?

Вопрошавшій не ошибся.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ генеральской квартиры разорвалась граната, за нею другая, третья...

— Что... что такое?...

Но далѣе уже никто болѣе ничего не спрашивалъ...

За первымъ гранатнымъ разрывомъ начался уже настоящій артиллерійскій обстрѣлъ города, неизвѣстно гдѣ находившимся, противникомъ, са-

мымъ серьезнымъ образомъ громившимъ злосчастный Чигиринъ изъ орудій.

Поспѣшно выскочившіе изъ генеральской квартиры, старшіе офицеры застали на городскихъ улицахъ уже настоящее столпотвореніе вавилонское... По тротуарамъ и дорогѣ, густо и безпорядочно, толпой неслись солдаты, офицеры и растерянные чигиринскіе обыватели, вопили женщины и дѣти, съ крикомъ которыхъ смѣшивалось конское ржаніе и жутко тревожное завываніе собакъ... Перегоняя одна другую и безжалостно сбивая съ ногъ попадавшихся на пути пѣшеходовъ, стремительно мчались куда-то кухни, повозки, линейки и отдѣльные верховые солдаты нашихъ частей.

Всюду наблюдалась полнѣйшая паника.

Вдали опять такали пулеметы, усиливая и безъ того уже достаточно охватившую чигиринцевъ панику.

Съ трудомъ отыскивая нужное направленіе, съ быстротою лани пробѣжалъ я нѣсколько незнакомыхъ мнѣ переулковъ, добравшись, въ результатѣ, до своихъ конно-подрывниковъ.

Стрѣльба все усиливалась.

Снаряды рвались надъ горой и предмѣстьемъ.

Какіе-то обыватели лѣзли черезъ заборъ, озлобленно ругаясь площадною бранью, билась въ предсмертныхъ судорогахъ подстрѣленная гранатнымъ осколкомъ корова посреди дороги, горькимъ плачемъ заливался около пустой хаты ребенокъ, брошенный на произволъ судьбы...

. . . .

Спѣшенные, ведя коней въ поводу, стали мы укрыто пробираться переулками предмѣстья къ намѣченной новой позиціи для болѣе выгоднаго соприкосновенія съ противникомъ. А послѣдній все быстрѣе наступалъ на Чигиринъ, ни на мгновеніе не прерывая своего жестокаго огня.

Пули жужжали повсюду. Все чаще попадались намъ на глаза новые раненые, ковыляя, продвигав-

шіеся вдоль заборовъ и искавшіе укрытія и помощи...

Коцуровцы наступали со все увеличивающейся дерзостью, грозя полнѣйшимъ пораженіемъ застигнутому врасплохъ отряду добровольцевъ.

— Конецъ! — слышалось изъ рядовъ послѣднихъ. — Развѣ мы въ силахъ противостоять этимъ чертямъ?.. Сколько ихъ и сколько насъ?.. Теперь Коцуръ возьметъ насъ голыми руками!..

. . . .

Но доблестный генералъ Абрамовичъ не растерялся и, повидимому, былъ совершенно противоположнаго мнѣнія.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ уже очутился со своимъ ближайшимъ окруженіемъ на сравнительно высокомъ холмѣ, господствовавшемъ около Чигирина надъ всею округой и дававшемъ возможность широко оріентироваться.

Для такого одареннаго военачальника, какимъ былъ генералъ Абрамовичъ, послѣдняя задача не представляла собой большой трудности. Онъ быстро ознакомился съ обстановкой, угадалъ намѣренія противника и тотчасъ отдалъ соотвѣтствующія распоряженія:

— Ничего!.. Не такъ страшно!

И вслѣдъ за тѣмъ обратился къ намъ, своей единственной конницѣ:

— А вы... постарайтесь ударить въ тылъ господамъ повстанцамъ!.. Проберитесь укрыто и возможно быстрѣе вокругъ горы!.. Обойдите эту знаменитую гору!..

Гора, на которой находился нашъ доблестный генералъ, дѣйствительно была знаменитой: на ней, во тьмѣ вѣковъ, и былъ воздвигнутъ княземъ Адамомъ Вишневецкимъ тотъ самый историческій замокъ, о которомъ упоминалось выше въ нашемъ очеркѣ. За обладаніе этимъ холмомъ и замкомъ много разъ ожесточенно боролись турки, поляки,

русскіе и отдаленные предки теперешнихъ гайдамаковъ - коцуровцевъ...

Прошли столѣтія, и снова обагрила зеленые склоны чигиринскаго холма горячая славянская кровь, пролитая благодаря нелѣпой и жестокой междоусобной распрѣ...

. . . .

Исполняя приказъ генерала Абрамовича, мы стали осторожно пробираться садами и огородами, стараясь не быть замѣченными коцуровцами.

Оставшійся позади насъ, на горѣ, генералъ со штабомъ былъ намъ хорошо виденъ, какъ на ладони, что въ значительной степени ободряло и воодушевляло шедшихъ исполнять не легкую задачу конно-подрывниковъ.

Но не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ съ генераломъ и его офицерами произошло нѣчто неожиданное: стоявшая на вершинѣ холма штабная группа внезапно заколебалась, разсыпалась — и вслѣдъ затѣмъ мы ясно увидѣли, какъ генералъ Абрамовичъ вмѣстѣ со своими помощниками стремительно сбѣжалъ по горному склону внизъ, встревоженный какимъ то новымъ обстоятельствомъ.

Черезъ секунду это обстоятельство сдѣлалось явнымъ: на вершинѣ горы ясно обозначились фигуры коцуровскихъ стрѣлковъ, двигавшихся цѣпью и уже пустившихъ въ ходъ пулеметы, изъ которыхъ обильно поливалось свинцовымъ дождемъ чигиринское предмѣстье.

Положеніе добровольцевъ осложнялось до крайности, ибо непрерывный огонь повстанцевъ не давалъ имъ возможности сгруппировать свои силы и задержаться на одномъ мѣстѣ. А Коцуръ, тѣмъ временемъ окружалъ Чигиринъ своимъ болѣе, чѣмъ двухтысячнымъ отрядомъ, приготовляя намъ подлинный Седанъ на малороссійскихъ просторахъ...

Силы отряда генерала Абрамовича быстро истощались. Помощи отъ главныхъ силъ Добровольческой арміи ждать было болѣе, чѣмъ наивно:

эти силы были расположены на разстояніи 40-45 верстъ отъ Чигирина, въ Знаменкѣ, Кременчугѣ, Александровкѣ и т. д.

. . . .

Но худа безъ добра, какъ извѣстно, не бываетъ, и то обстоятельство, что нашъ крошечный, но доблестный отрядъ не могъ разсчитывать на чью-либо помощь и оставался до конца предоставленный исключительно своимъ силамъ — только придало еще болѣе отваги его бойцамъ, ни на минуту не терявшимъ воли къ побѣдѣ...

И эта побѣда, въ результатѣ, все-же пришла, хотя и не скоро...

. . . .

Нашъ Конно-Подрывной полуэскадронъ продолжалъ свое укрытое движеніе вокругъ горы упорно и отважно, но не безъ горькихъ потерь и жертвъ.

. . . .

Во время нашего памятнаго движенія въ обходъ противника, генералъ Абрамовичъ прислалъ вторичное приказаніе: довести наше дѣло до конца и, возможно скорѣе, обойти знаменитую чигиринскую гору.

Въ результатѣ мы все-же эту задачу выполнили, заставили коцуровцевъ покинуть дорогой для нихъ холмъ и оттянуть отъ него свои силы.

Жесточайшій бой съ повстанцами тянулся весь день, при неумолкаемомъ трескѣ пулеметовъ, орудійныхъ выстрѣлахъ и громадныхъ потеряхъ съ обѣихъ сторонъ. Но стойкость, проявленная малочисленнымъ и сборнымъ отрядомъ генерала Абрамовича рѣшила все дѣло въ нашу пользу и заставила Коцура умѣрить пылъ своихъ надеждъ и стремленій.

Къ вечеру онъ рѣшилъ ликвидировать свое военное предпріятіе противъ добровольцевъ, снялъ

осаду и сталъ поспѣшно отводить свой отрядъ въ сторону лѣсовъ.

На этотъ разъ мы уже не желали повторять недавней ошибки, и во избѣжаніе новыхъ неожиданностей со стороны коцуровцевъ, преслѣдовали ихъ своею конницей до полнѣйшаго нашего торжества и изнеможенія...

Къ сожалѣнію при этомъ побѣдномъ преслѣдованіи у насъ опять не обошлось безъ потерь во время дважды повторенной конной атаки...

. . . .

Коцуръ ушелъ въ свои лѣсныя дебри, но его многочисленные партизанскія группы не прекратили своихъ набѣговъ и грабежей.

Послѣ чигиринскаго боя, отрядъ доблестнаго генерала Абрамовича около шести недѣль простоялъ въ Чигиринѣ, постоянно ведя тяжелые бои съ нежелавшими униматься коцуровцами.

Крестьянская масса не переставала сочувствовать своему излюбленному атаману и оказывала ему содѣйствіе при каждомъ удобномъ случаѣ.

Благодаря этому обстоятельству Коцуръ иногда самъ отправлялся „на прогулки“ изъ своего логовища, напоминалъ о своемъ благополучномъ существованіи крестьянамъ личнымъ появленіемъ въ ихъ деревняхъ и причинялъ новое безпокойство измученнымъ добровольческимъ отрядамъ.

Нѣсколько разъ въ средѣ добровольцевъ рождалась мысль рѣшиться на отважный шагъ, направиться въ глубину лѣсовъ и разъ навсегда покончить съ засѣвшимъ въ нихъ Коцуромъ, разгромивъ его гнѣздо. Но здравый смыслъ генерала Абрамовича категорически останавливалъ добровольцевъ отъ подобной авантюры. Для того, чтобы идти на коцуровскую берлогу у насъ не имѣлось и десятой доли тѣхъ силъ, какія были необходимы для достиженія успѣха.

Предыдущіе бои, а въ особенности памятный всѣмъ бой подъ Чигириномъ, вывели изъ строя

значительную цыфру доблестныхъ бойцевъ, непримиримыхъ враговъ безпорядка, насилія и анархіи.

Не мало пострадалъ и нашъ Гвардейскій Конно-Подрывной полуэскадронъ, понесшій невозвратимыя потери въ людяхъ и ихъ вѣрныхъ четвероногихъ сподвижникахъ.

Присылались намъ, правда, неоднократно, пополненія людьми и лошадьми, причемъ первыми являлись всегда прекрасные мобилизованные кавалеристы старыхъ кадровъ и незамѣнимые энтузіасты-добровольцы изъ интеллигенціи.

Но главною цѣнностью Конно-Подрывного полуэскадрона все-же являлись его коренные бойцы, а именно: воодушевленные единымъ и искреннимъ патріотическимъ порывомъ совсѣмъ юные кадеты, юнкера и студенты, неудержимо рвавшіеся къ самымъ отчаяннымъ подвигамъ.

Съ этимъ незамѣнимымъ элементомъ странно объединялись въ одно нераздѣльное цѣлое прекрасные люди совсѣмъ иной среды и иныхъ характеровъ: ими являлись навсегда оставшіеся въ моей памяти нѣмцы-колонисты, въ значительномъ числѣ заполнявшіе ряды нашего славнаго полуэскадрона.

Всегда уравновѣшенные, безукоризненно честные и проникнутые искреннею ненавистью ко всѣмъ нарушителямъ законности и права собственности — эти недавно еще мирные сельскіе хозяева отличались необыкновенною исполнительностью и самымъ серьезнымъ и вдумчивымъ отношеніемъ къ возлагаемымъ на нихъ задачамъ.

. . . .

Надвигалась зима...

А вмѣстѣ съ ея приближеніемъ стали шириться слухи и о порчѣ многихъ дѣлъ въ Добровольческой арміи. Въ особенности не все обстояло благополучно въ ея дѣлахъ, по многимъ причинамъ начавшимъ разлагаться съ неудержимой быстротой.

Безъ отдыха несшій свою тяжелую службу, отрядъ генерала Абрамовича замѣтно таялъ. И по

мѣрѣ того, какъ таяли и теряли свои силы добровольцы — прямо пропорціонально возрастали силы Коцура, вновь твердо ставшаго на ноги и къ концу 1918 года сдѣлавшагося уже фактически полновластнымъ хозяиномъ всего района.

Почти игнорируя теперь власть добровольцевъ, окончательно увѣровавшіе въ Коцура, какъ въ Бога, крестьяне исполняли безпрекословно всѣ его приказы, не смѣя даже размышлять о непослушаніи. Всякаго рода продовольствіе, необходимое для вполнѣ сытаго существованія вольницы, безъ малѣйшей задержки и широкою рѣкой вливалось въ заповѣдный станъ знаменитаго атамана. Не было недостатка и въ пополненіи коцуровской „арміи“ людьми и лошадьми, о чемъ, конечно, не могли и мечтать уже начавшія заболѣвать добровольческія части.

Въ это время началъ о себѣ давать знать и Махно, оперировавшій въ районѣ Екатеринослава и Нижне-Днѣпровска.

Операціи этого пресловутаго атамана, правда, не всегда были удачны.

Нѣсколько разъ Махно пришлось потерпѣть весьма серьезныя пораженія отъ добровольцевъ. И послѣ такихъ пораженій махновская вольница, обыкновенно, стремительно распылялась по деревнямъ и селамъ, пряча оружіе и превращаясь въ самыхъ безобидныхъ мирныхъ гражданъ.

Нѣкоторые же изъ наиболѣе удалыхъ махновцевъ пробивались правымъ берегомъ Днѣпра къ тому-же Коцуру или же шли въ отряды атамана Шубы, бродившаго въ районѣ Константинограда и дважды осенью 1919 года бравшаго Полтаву.

Переправлялись эти махновцы и на лѣвый берегъ Днѣпра почти всегда въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, а именно у м. Келеберды.

. . . .

Бѣжали дни и недѣли, и все больше и больше сгущались тучи надъ Добровольческой арміей, а,

вмѣстѣ съ нею, и надъ всѣмъ бѣлымъ дѣломъ, во имя конечнаго успѣха котораго было принесено столько бязкорыстныхъ жертвъ...

И вотъ наступилъ день, когда сначала въ штабахъ и тыловыхъ канцеляріяхъ впервые робко зашептали о роковой вѣсти, принесенной телеграфомъ съ передовыхъ позицій... Но вскорѣ эта вѣсть уже не была секретомъ и для всего населенія обширныхъ южно-русскихъ земель, находившихся подъ властью бѣлыхъ. Всѣмъ стало извѣстно, что незадачливая Добровольческая армія потерпѣла непоправимое пораженіе на Курскомъ и Кіевскомъ направленіяхъ...

Главною причиной такой грозной русской бѣды многіе знатоки выставляли непомѣрную растянутость фронта добровольцевъ и неорганизованность ихъ громаднаго тыла, въ результатѣ ослабѣвшаго до полнаго маразма.. Весьма возможно, что были и другія причины, повлекшія за собою впослѣдствіи наше многолѣтнее изгнаніе, которому и по сей день нѣтъ конца...

Но въ мою задачу не входитъ изысканіе и разсмотрѣніе этихъ причинъ, уже въ достаточной степени извѣстныхъ изъ обширнаго матеріала печатныхъ трудовъ, посвященныхъ печальной эпопеѣ Добровольческой арміи.

. . . .

Въ ноябрѣ 1919 года эта армія, уже въ достаточной степени пораженная неизлѣчимымъ недугомъ, начала откатываться на югъ, освобождая для большевиковъ обширные сѣверные районы.

Отъ Полтавы, Ромоданъ и Кременчуга грустно потянулись мелкіе, малочисленные и дезорганизованные отряды, торопившіеся достигнуть Знаменки; отъ Кіева же и Черкассъ — такіе-же отряды устремлялись къ Бобринской.

Потерявшіе вѣру въ успѣхъ своего дѣла добровольцы шли разбросанно, безпорядочно, безъ всякой связи между таявшими въ пути частями,

на которыя иногда было трудно смотрѣть безъ искреннихъ слезъ...

Распрощался съ бѣлыми и несчастный Чигиринъ, изъ котораго по приказу свыше долженъ былъ уйти отрядъ доблестнаго генерала Абрамовича.

. . . .

И опять на приднѣпровскую сцену выскочилъ изъ своихъ лѣсныхъ дебрей Коцуръ.

Торжествующій, дерзкій и упивающійся своимъ успѣхомъ и властью, онъ теперь такъ-же беззастѣнчиво „щипалъ" дезорганизованныхъ добровольцевъ, какъ когда-то продѣлывалъ то же самое съ австрійцами и нѣмцами.

Опять неистовствовали и „гуляли" повсюду, уже окончательно сдѣлавшіеся хозяевами всего этого края, „побѣдители" - повстанцы.

И „побѣдителями" ихъ можно было называть не только въ кавычкахъ.

Въ началѣ декабря взлетѣла на воздухъ значительная часть громаднаго моста черезъ Днѣпръ у посада Крюкова, подорваннаго добровольцами.

12 декабря добровольцы сдали съ боемъ коцуровцамъ станцію Користавку.

А черезъ четыре дня, т. е. 16 декабря 1919 года Коцуръ побѣдоносно вошелъ въ Знаменку, почти безъ всякихъ усилій вытѣснивъ изъ нея вконецъ измученный и малочисленный отрядъ генерала Скалона.

Власть „бѣлыхъ" на Украинѣ кончилась.

Коцуръ сдѣлался опять полнымъ властелиномъ огромнаго района Александрія - Елисаветградъ - Знаменка - Бобринская, вплоть до самаго Днѣпра распространивъ свое владычество надъ крестьянами и пользуясь отъ нихъ всѣми благами, какими только могла одарить его въ это время уже достаточно обобранная украинская деревня.

На этотъ разъ, однако, владычество Коцура не было особенно продолжительнымъ и его удалой

вольницѣ пришлось скоро прекратить свою веселую жизнь, пьяную гульбу и безнаказанный грабежъ еще уцѣлѣвшаго кое-гдѣ помѣщичьяго имущества.

Прошло еще немного времени, и съ сѣвера стали подходить регулярные совѣтскіе полки, уже въ достаточной степени дисциплинированные и организованные Троцкимъ, энергично принявшимся за постройку новой „красной" арміи.

Тотъ-же Троцкій приказалъ повести и упорную борьбу противъ Коцура и вообще всѣхъ повстанцевъ, отряды коихъ возглавлялись другими атаманами.

Всесильный въ то время красный главнокомандующій былъ въ особенности раздраженъ предательскимъ поведеніемъ украинской вольницы, заставившей Троцкаго дважды обмануться въ своихъ надеждахъ и подарившихъ большевикамъ измѣну и борьбу за самостійность взамѣнъ союзничества съ красною Москвою.

И покорные Троцкому красныя части энергично принялись за полнѣйшую ликвидацію всякаго повстанчества.

Усилія ихъ оказались не напрасными: то, чего не удалось выполнить добровольцамъ — въ результатѣ было съ успѣхомъ достигнуто большевиками, безпощадно уничтожившими спустя нѣкоторый срокъ всѣ стремленія къ украинскому сепаратизму, при посредствѣ самыхъ крутыхъ и безпощадныхъ мѣръ.

Иначе большевики и не могли поступить безъ риска проиграть свое собственное дѣло.

Хлѣбородная и обширная Украина была необходима красной арміи, какъ тылъ, для ихъ окончательной борьбы съ добровольцами на югѣ, послѣ неудачи Деникина вновь воспрянувшихъ подъ водительствомъ Врангеля.

Въ то же время большевики хорошо понимали, что только при полномъ замиреніи взволнованной Украины возможно превращеніе ея въ надежный тылъ для красныхъ армій, а потому стали

достигать своей цѣли самыми рѣшительными средствами, вплоть до террора.

Въ занимаемыхъ красною арміей украинскихъ городахъ и мѣстечкахъ теперь заработала чрезвычайка, и снова потекла человѣческая кровь, проливаемая теперь во имя торжества III интернаціонала.

Наступилъ тогда закатъ и для солнца, столь широко прославленнаго на Украинѣ, — Коцура.

Его вольница стала быстро слабѣть и таять.

Убѣдившіеся въ непреодолимой силѣ большевиковъ, крестьяне покидали своего недавняго кумира, укрываясь отъ жестокой большевицкой расправы въ своихъ родныхъ селахъ подъ видомъ, никогда не бравшихъ въ руки оружія, мирныхъ землеробовъ.

Покинули своего атамана и украинскіе офицеры, безъ долгихъ колебаній избравшіе „благую часть“ въ видѣ неожиданнаго „ухода“ въ Каноссу и поступленія на совѣтскую службу.

А въ началѣ 1920 года покинулъ родныя мѣста и самъ Коцуръ, съ небольшою группой преданныхъ людей, направившійся къ польской границѣ въ цѣляхъ соединенія съ Петлюрой.

Удалось ли ему достигнуть этой цѣли, и какой была дальнѣйшая судьба этого недюжиннаго человѣка — намъ русскимъ добровольцамъ такъ и осталось неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, на Украинѣ вскорѣ никто уже не произносилъ его имени, еще такъ недавно бывшаго у всѣхъ на устахъ.

Капризная рѣка исторіи снова измѣнила теченіе и помчала свои воды по новому и неизвѣстному руслу.

Терроризованные большевиками крестьяне притаились въ своихъ деревняхъ и уже не рѣшались даже и говорить о своихъ массовыхъ выступленіяхъ во имя украинской самостійности. Не вспоминали они болѣе и своихъ удалыхъ атамановъ, возродившихъ на Украинѣ XX вѣка подлинныя времена

Запорожской Сѣчи, хотя-бы и на весьма недолгій срокъ.

По обѣимъ сторонамъ Днѣпра теперь воцарились новые и небывалые порядки, опять ничего не приносившіе измученнымъ жителямъ когда-то цвѣтущаго и благодатнаго края, кромѣ горя, животнаго страха, голода и слезъ.

Сколь долго будутъ царить на Украинѣ, точно такъ же какъ и на всѣхъ необъятныхъ пространствахъ русскихъ земель, эти новые порядки — покажетъ, наконецъ, вѣроятно, уже недалекое будущее...

. . . .

На этомъ я и заканчиваю свой очеркъ повстанческаго движенія на одной части Украины, написанный мною на основаніи личныхъ наблюденій и не всегда легкихъ переживаній во времена гражданской войны.

Подводя итогъ всему тому, что было мною замѣчено за описанный выше періодъ борьбы добровольцевъ съ украинскими повстанцами, считаю своимъ долгомъ вывести нѣкоторыя заключенія, могущія оказать впослѣдствіи существенную пользу будущимъ историкамъ и вообще тѣмъ лицамъ, для которыхъ интересно прошлое нашихъ обширныхъ, но многострадальныхъ земель.

Какъ уже можно было усмотрѣть изъ моего очерка, неоднократно упоминаемый въ немъ атаманъ Коцуръ и его сподвижники въ теченіе сравнительно долгаго промежутка времени пользовались на Украинѣ почти неограниченной властью, огромной популярностью среди широкихъ массъ украинскихъ крестьянъ и вполнѣ искренно владѣли сердцами послѣднихъ.

Чѣмъ же можно объяснить такого рода успѣхъ повстанцевъ, а въ особенности ихъ пресловутыхъ атамановъ, въ большинствѣ случаевъ людей безъ всякой военной и политической подготовки въ прошломъ и оказавшихся, тѣмъ не менѣе, способ-

ными одерживать со своими бандами настоящія побѣды надъ регулярными частями добровольцевъ, находившимися подъ командой испытанныхъ спеціалистовъ военнаго дѣла.

На этотъ вопросъ можно дать нѣсколько отвѣтовъ, изъ которыхъ наиболѣе опредѣленными и вѣскими я считаю слѣдующіе:

1) Причину необычайной популярности Коцура и другихъ атамановъ слѣдуетъ искать въ стремительномъ вихрѣ украинскаго національнаго подъема, облетѣвшемъ всю Украину во времена россійской революціи и породившаго во многихъ мѣстахъ крайній шовинизмъ съ весьма нездоровой окраской.

2) Причину стремленія украинскихъ крестьянъ къ вполнѣ сознательному сепаратизму, во имя котораго они не останавливались даже передъ рискомъ собственной жизни — слѣдуетъ искать, прежде всего, въ отношеніи украинцевъ къ праву собственности: издревле привыкнувъ владѣть и пользоваться своею собственной, а не общинной землею, украинскіе крестьяне сознательно стали въ опредѣленную оппозицію къ большевицкимъ новшествамъ, не признававшимъ никакой собственности, вводившимъ коммунизмъ и угрожавшимъ каждому отдѣльному украинцу-хуторянину полнѣйшимъ разореніемъ.

3) Причинъ искренняго довѣрія и непритворныхъ симпатій украинскихъ крестьянъ къ повстанцамъ-самостійникамъ и ихъ популярнымъ атаманамъ — слѣдуетъ искать также и въ крупныхъ недостаткахъ гетманской и добровольческой администрацій на мѣстахъ. Неумѣлая, а часто и прямо преступная дѣятельность многихъ представителей обѣихъ властей — подъ конецъ заставляла крестьянъ не только терять всякое уваженіе къ гетманцамъ и добровольцамъ, но порою прямо толкала ихъ на самое озлобленное сопротивленіе. Весьма сильно вліяло также на образованіе и воспитаніе украинской вольницы длительное оставленіе многихъ селъ и мѣстечекъ безъ всякой государственной власти,

что въ результатѣ создавало анархію, каковою и пользовались энергичные атаманы, дѣлавшіеся со своими вооруженными отрядами полновластными хозяевами обширнѣйшихъ областей.

4) Что касается исключительной популярности самого Коцура, то она легко объясняется его личными качествами и непритворною щедростью по отношенію къ крестьянамъ, а также и беззавѣтными личною храбростью и отвагой, неоднократно проявлявшимися на глазахъ у всей его вольницы, весьма ей импонировавшими.

Повстанцы не разъ имѣли случай убѣждаться, какъ ихъ разгульный и веселый атаманъ искренно бросался навстрѣчу смерти въ минуты опасности, совершенно пренебрегая своей молодой жизнью. Не было ни одного серьезнаго боя, во время котораго Коцуръ не шелъ бы впереди всѣхъ остальныхъ бойцовъ и не уходилъ бы послѣднимъ, отчаянно отстрѣливаясь отъ насѣдавшаго на него противника и забирая съ собою раненыхъ и отставшихъ.

Таковы были причины, способствовавшія возрожденію на Украинѣ въ XX вѣкѣ временъ былой Запорожской Сѣчи съ ея обычаями, кровавыми набѣгами и удалыми атаманами.

Теперь и эти времена постепенно отходятъ въ область отдаленныхъ воспоминаній, нѣкоторою долей которыхъ я рѣшилъ подѣлиться съ моими читателями.

ВЪ СУМЕРКАХЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

Великая россійская армія, предательски отравленная ядомъ сатанинской измѣны, умирала въ невыразимыхъ мукахъ.

Ея гигантское тѣло, когда-то полное красоты и непобѣдимой мощи, заживо разлагалось отъ гангрены, наполняя тлѣтворнымъ запахомъ необозримыя пространства русскихъ земель.

Потомки воиновъ Великаго Петра, давшихъ ему подъ Полтавой еще болѣе Великую Россію, и прославленные „чудо-богатыри" Суворова — превратились въ безобразную массу распущенныхъ и обнаглѣвшихъ трусовъ, готовыхъ ежеминутно быть разбойниками и убійцами, если этому не препятствовала опасность лишиться собственныхъ шкуръ.

Жестокій ядъ, брошенный въ солдатскіе ряды еще раннею весною 1917 года въ видѣ знаменитаго приказа № 1, дѣтища самоувѣренныхъ идіотовъ и негодяевъ измѣнниковъ, — къ глубокой осени тогоже года добилъ армію окончательно, превративъ когда-то грозныя для врага позиціи въ мѣсто для крикливыхъ митинговыхъ собраній и безстыдной агитаціи всякаго рода авантюристовъ и мерзавцевъ, уже окончательно добивавшихъ въ бѣдныхъ солдатскихъ мозгахъ всякія понятія о чести, долгѣ и самой простой человѣчности.

Слова „Богъ", „родина" и „Россія" — уже больше не употреблялись на фронтѣ, а если и

произносились какимъ-либо наивнымъ смѣльчакомъ, то уже ничѣмъ инымъ не встрѣчались, какъ только насмѣшками, свистками и дикимъ ревомъ, вылетавшимъ изъ тысячи огрубѣвшихъ глотокъ.

. . . .

Пытавшійся бороться со страшною болѣзнью значительно дольше многихъ другихъ частей, былъ все-же подъ конецъ сраженъ ею и Гвардейскій корпусъ, расколовшійся въ ноябрѣ 1917 года на великороссовъ, малороссовъ и частью поляковъ.

Убійственная работа знаменитыхъ „комитетовъ“ сдѣлала свое дѣло и въ Гвардейскомъ корпусѣ: возстановивъ солдатскую массу противъ ея офицеровъ, комитеты заставляли послѣднихъ подъ разными предлогами покидать фронтъ въ предвидѣніи всякаго рода печальныхъ и оскорбительныхъ неожиданностей.

Грубыя и дерзкія выступленія противъ отдѣльныхъ лицъ, носившихъ офицерскіе погоны, все учащались и учащались... Еще недавніе доблестные солдаты Императорской Гвардіи, съ гордостью носившіе на своихъ боевыхъ гимнастеркахъ георгіевскіе кресты и другіе знаки отличія, — наперебой спѣшили теперь причислить себя къ врагамъ „стараго режима“ и записываться въ революціонныя партіи и національныя группировки.

Въ „старорежимники“ неожиданно попадали самые лучшіе и храбрѣйшіе офицеры, совсѣмъ еще недавно бывшіе любимцы тѣхъ-же солдатъ, — и никакая сила уже не могла измѣнить настроенія солдатской массы, обнаглѣвшей до крайности...

Господствовавшіе теперь на фронтѣ проходимцы и „ораторы“ съ каждымъ днемъ выставляли все новыя и новыя глупѣйшія требованія, передъ которыми безкомпромисснымъ начальникамъ приходилось уже попросту умолкать, ибо никакіе разумные доводы не могли привести къ желаемому результату.

И все это отчаянное положеніе несчастныхъ

офицеровъ вдобавокъ осложнялось еще опасною игрою нѣкоторыхъ генераловъ неожиданно ставшихъ на сторону комитетовъ и безстыдно заявившихъ о своей ненависти къ „старому режиму“, каковую, якобы, они тайно всосали въ себя чуть-ли не съ молокомъ матери...

Увы, были такіе генералы!.. И ихъ великолѣпныя рѣчи намъ, бѣднымъ офицерамъ-старорежимникамъ, приходилось слушать съ низко опущенной головой и краской стыда на лицѣ... Нечего уже и говорить о той враждѣ, какую раздували въ солдатахъ по отношенію ко всему честному офицерству такіе патентованные негодяи, какъ Дзевалтовскій, Даниловъ и др.

. . . .

Наша рота въ эти горькіе дни далеко оторвалась отъ полка и его штаба, что еще болѣе осложняло положеніе ея командного состава. Старыхъ и испытанныхъ офицеровъ около насъ не было; не къ кому было обратиться за совѣтомъ и духовной поддержкой.

А „комитеты“ въ это время уже работали во всю и, хорошо понявъ наше положеніе, не способствовали, конечно, его улучшенію... Узнавъ стороной о томъ, что штабъ намѣревался насъ вытребовать и устроить гдѣ-нибудь къ себѣ поближе, ротный комитетъ этому рѣшилъ воспрепятствовать и принудить насъ оставаться на мѣстѣ.

Мы принуждены были остаться. И вслѣдъ за этимъ для насъ потянулись долгіе и полные тоски дни пребыванія въ полу-арестномъ состояніи среди враждебной солдатской массы, въ атмосферѣ разнузданности, тупой ненависти и злобы.

Наконецъ, въ одинъ изъ наиболѣе унылыхъ осеннихъ дней состоялись у насъ „выборы“ въ печальной памяти Учредительное Собраніе, не принесшіе съ собою ничего новаго, кромѣ еще большаго и уже окончательнаго развала солдатской массы.

Все, что ранѣе было полкомъ, ротою, эскадрономъ, батареей, и, наконецъ, цѣлою многомилліонною арміей — перестало существовать, обратившись въ такую-же многомилліонную толпу, да еще вдобавокъ вооруженную и озлобленную.

Кто-то изъ нашего высшаго начальства все-же пытался что-то еще сдѣлать, чтобы „спасти" когда-то славный Гвардейскій корпусъ... Насъ рѣшили направить для этого спасенія въ глубокій тылъ, въ районъ станціи Жмеринки.

Но попытка такого спасенія привела къ еще болѣе печальнымъ результатамъ.

Частямъ корпуса, направленнымъ въ тылъ, приходилось двигаться походнымъ порядкомъ по дорогѣ, слѣдуя черезъ деревни, наполненныя одурѣвшей отъ революціоннаго угара крестьянской массой. Обезумѣвшіе и озвѣрѣвшіе крестьяне встрѣчались съ еще болѣе одурѣвшею и озвѣрѣвшею солдатчиной, имѣвшей при себѣ еще вдобавокъ винтовки и пулеметы. Не знаю, съ чѣмъ можно было сравнить это памятное движеніе къ Жмеринкѣ когда-то славнаго корпуса Россійской Императорской Гвардіи, былой опоры трона и гордости русскихъ царей!

Полагаю, что для описанія всѣхъ ужасовъ, творимыхъ ими на своемъ пути, оказалось бы безсильнымъ и перо Данте, изображавшаго картины ада...

Не осталось по дорогѣ ни одного помѣщичьяго имѣнія и крупнаго „буржуйскаго" хозяйства, которое самымъ безобразнымъ образомъ не было-бы разграблено; не осталось ни одного казеннаго склада не развороченнаго и не разнесеннаго въ пухъ и прахъ; рѣдкій день проходилъ безъ убійствъ, увѣчій и насилій, наводившихъ панику на мѣстное населеніе... Но самыми страшными, самыми, если можно такъ выразиться, „демоническими" — были часы и минуты, когда солдатчина нарывалась въ пути на винокуренный заводъ и, разбивъ его, принималась опиваться водкою и спиртомъ...

Картины, какія приходилось молча наблюдать во время теченія этихъ безобразнѣйшихъ и полныхъ неистовствъ оргій, — подлинно заставляли убѣждаться въ томъ, что водка была придумана и пущена въ міръ самимъ дьяволомъ, и что никто другой, какъ онъ, былъ на землѣ первымъ винокуромъ...

Не зная удержу и мѣры, недавніе ораторы и выборщики въ Учредительное Собраніе, опившись водкою, превращались въ звѣрей, избивали и убивали другъ друга, выпускали одинъ другому штыками внутренности... Напившись до изступленія, ловили и извлекали изъ укрытій обезумѣвшихъ отъ страха мѣстныхъ женщинъ, насиловали ихъ, проламывали ружейными прикладами черепа пробовавшимъ вступиться за своихъ женъ и дочерей мѣстнымъ мужикамъ...

И, совершая всѣ эти мерзости, во множествѣ гибли сами — гибли безчестно и безславно, оставляемые безъ погребенія, позади себя уходившими въ даль, другими пьяными безобразниками.

Нечего говорить о томъ, сколь отчаяннымъ было въ это время положеніе офицеровъ, всякіе выпады противъ которыхъ съ каждымъ днемъ принимали все болѣе гнусный и грозный характеръ... Но, это достойно удивленія: въ качествѣ зачинщиковъ офицерской травли, неожиданно выступали тѣ изъ солдатъ, кому, казалось-бы, слѣдовало занимать совсѣмъ противоположную позицію.

Помню, напримѣръ, удивительное по своей подлости поведеніе подпрапорщика Холодкова и ст. унтеръ-офицера Упыря, пользовавшихся всегда исключительною любовью и вниманіемъ офицеровъ и не видѣвшихъ отъ нихъ ничего, кромѣ самаго хорошаго. Эти два неблагодарныхъ негодяя какъ-бы бравировали своею всѣмъ замѣтною подлостью и, очевидно стремясь къ новымъ, открытымъ имъ „великой и безкровной революціей“, цѣлямъ — безсовѣстно порочили все начальство въ глазахъ остальныхъ солдатъ и щеголяли гру-

быми и дерзкими выходками по отношенію къ офицерамъ.

Разумъ, честность, справедливость и самая примитивная логика почти безслѣдно исчезли изъ солдатской массы, сдѣлавшейся къ декабрю 1917 года сплошь „сознательно большевицкой“. Сохраненіе выше перечисленныхъ качествъ въ комъ-либо было только рѣдкимъ исключеніемъ, не приносившимъ никому никакой пользы и не бывшимъ въ состояніи отвратить неизбѣжное.

Даже изъ числа подпрапорщиковъ сохранилъ свое прежнее приличное лицо только одинъ подпрапорщикъ Дудченко, фельдфебель роты мирнаго времени, до конца оставшійся по отношенію къ офицерамъ вѣжливымъ, подтянутымъ и дисциплинированнымъ.

Курьезною была и исторія молодого и развитого солдата Куликова, еще до службы состоявшаго въ партіи соціалъ-революціонеровъ и неожиданно во время всеобщаго развала объявленнаго солдатами роты „старорежимникомъ“?!... „Старорежимничество“ бѣднаго Куликова заключалось въ томъ, что онъ тщетно пытался доказывать на безпрерывно происходившихъ митингахъ — о необходимости сохраненія дисциплины въ арміи и о недопустимости грабежей и насилій со стороны солдатскихъ массъ... „Праваго“ соціалъ-революціонера освистывали и гнали прочь.

Не обходилось и безъ глупо-комическихъ эпизодовъ, какъ нельзя лучше характеризовавшихъ тупость революціонной солдатчины. Вспоминается мнѣ, напримѣръ, интересная исторія съ орденами, вызвавшая не мало насмѣшекъ со стороны самихъ же солдатъ, впослѣдствіи осознавшихъ всю непослѣдовательность своихъ поступковъ и сужденій... Выступавшіе на митингахъ ораторы неоднократно старались изобличить офицеровъ въ безнадежномъ пристрастіи къ старому режиму, главнымъ признакомъ чего они очень часто считали ношеніе

орденовъ и другихъ знаковъ отличія, совсѣмъ не соотвѣтствовавшихъ духу революціонной эпохи...

— Всѣ ордена и кресты... долой! — раздавалось съ „трибунъ“. — Теперь не царское время...

Въ отвѣтъ на эти призывы сѣрая солдатская толпа кричала: „правильно“ и „долой всѣ кресты“...

Но однажды, случайно попавъ на какой-то митингъ по порученію командира роты, кап. С. И. Ковалевскаго, я прямо ушамъ своимъ не повѣрилъ, услыхавъ долгіе и ожесточенные дебаты по вопросу о... награжденіи георгіевскими крестами всѣхъ солдатъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ какимъ либо боевымъ подвигамъ.

Какъ оказалось, многимъ изъ денщиковъ, обозныхъ и другихъ глубоко-тыловыхъ героевъ было желательно украсить и себя георгіевскими крестами за послѣднее наступленіе, въ которомъ они, конечно, не принимали никакого участія... Былъ составленъ длиннѣйшій списокъ „достойныхъ“, съ зачисленіемъ въ него даже тѣхъ „воиновъ“, которые только что пришли съ пополненіями въ Жмеринку, послѣ отвода Гвардейскаго корпуса въ глубокій тылъ.

Было смѣшно, обидно и невыразимо стыдно...

Невыразимо стыдно за солдатъ родной и безконечно любимой арміи, потерявшихъ теперь не только молодецкій духъ минувшихъ славныхъ лѣтъ, но и вообще приличный обликъ людей разумныхъ и нормальныхъ.

. . . .

Вѣсть о страшныхъ дняхъ октябрьскаго переворота въ Петербургѣ застала насъ въ д. Кудіевцахъ, гдѣ была расквартирована наша рота, стоявшая поблизости къ другимъ частямъ Гвардейскаго корпуса. Мы, офицеры, довольно удобно устроились въ домѣ мѣстной попадьи, жены священника Амурскаго полка, женщины молодой и гостепріимной, старавшейся со своей стороны сдѣ-

лать все возможное, чтобы облегчить наше грустное существованіе.

Оно было, дѣйствительно, не веселымъ: приходилось жить замкнуто и однообразно, прервавъ всякое общеніе съ солдатами, окончательно сдѣлавшимися нашими смертными врагами... А когда вѣсть о захватѣ власти большевиками достигла нашего района, весь Гвардейскій корпусъ былъ взятъ въ руки знаменитой полусумасшедшей авантюристки, революціонерки Евгеніи Бошъ, которой усиленно помогалъ нашъ старшій ветеринарный фельдшеръ Емельяновъ.

Благодаря ихъ энергичной „работѣ",— былой славный Гвардейскіи корпусъ пересталъ существовать вовсе...

Нашъ командиръ долженъ былъ въ началѣ декабря уѣхать „въ отпускъ". Насилія надъ другими офицерами участились и все чаще раздавались солдатскіе разговоры о необходимости „конфисковать" личныя вещи г. г. офицеровъ и раздѣлить войсковыя суммы, принадлежащія теперь „освобожденному" народу!..

Мы усиленно просили штабъ полка поскорѣе изъять насъ изъ этой озлобленной солдатской массы и отозвать въ свое распоряженіе. Но старшіе офицеры почему-то не отдавали себѣ отчета въ остротѣ и рискованности положенія и опредѣленно оттягивали наше отозваніе. Подобное отношеніе къ намъ штаба и высшаго начальства отчасти объяснялось ихъ сравнительно терпимымъ сожительствомъ съ комитетами, проявлявшими тенденцію даже совмѣстно работать на пользу укрѣпленія новыхъ демократическихъ началъ въ арміи съ нѣкоторыми „передовыми" офицерами...

Съ этой цѣлью къ намъ подъ конецъ былъ даже присланъ изъ полкового штаба поручикъ баронъ В. Р. Пфейлицеръ фонъ Франкъ, человѣкъ сердечный, способный, разсудительный и въ то-же время разумный демократъ по убѣжденіямъ, выработаннымъ еще въ студенческіе годы. Баронъ вы-

шелъ на войну простымъ вольноопредѣляющимся, долгое время жилъ въ солдатской средѣ и имѣлъ не мало искреннихъ друзей въ числѣ старослужащихъ.

Но изъ командировки барона Франка въ атмосферу нашего бедлама рѣшительно ничего не вышло, ибо Гвардейскій корпусъ уже корчился въ послѣднихъ предсмертныхъ судоргахъ... Давно уже не производилось никакихъ занятій, солдаты лодырничали, быстро утрачивали прежнюю выправку и ходили безъ поясовъ на гимнастеркахъ, что почиталось особымъ революціоннымъ шикомъ.

Мало по малу обострился и вопросъ національный. И тогда изъ общей солдатской массы стали выдѣляться и большими группами уходить въ разныя стороны латыши, казаки и украинцы, безцеремонно захватывая съ собою казенныхъ лошадей, подводы и другое добро. Замѣтно иначе держали себя при этихъ уходахъ поляки, стройно и дисциплинированно направлявшіеся въ сторону границъ своего возрожденнаго государства или къ штабу легіона генерала Довборъ-Мусницкаго.

Постепенно оставаясь съ одними солдатами - великороссами, окончательно обольшевиченными Евгеніей Бошъ и ея ретивыми сотрудниками, офицеры очутились болѣе чѣмъ въ трагическомъ положеніи: развращенная солдатская масса бушевала, предъявляя офицерамъ съ каждымъ днемъ все новыя требованія и предлагая то идти вмѣстѣ съ ними противъ Каледина, то противъ Петлюры, противъ Корнилова и т. д.

Выхода изъ такого положенія для офицеровъ почти не было: начальство находилось далеко, категорическій отказъ отъ солдатскихъ требованій могъ повлечь за собой самые жестокіе эксцессы со стороны одичавшей массы, прямому - же подчиненію этимъ требованіямъ препятствовали элементарная честность и голосъ совѣсти...

А изъ сосѣднихъ деревень уже доходили до

насъ грозные слухи о кровавыхъ расправахъ съ офицерами.

Крестный путь этихъ „мучениковъ передъ Господомъ Богомъ"*) начинался...

Пріѣхавшій для „примирительной" работы изъ штаба полка, баронъ В. Р. Пфейлицеръ фонъ Франкъ, видя ея безполезность и безсмысленность, поспѣшилъ уѣхать въ штабъ корпуса, къ нашему же полковнику барону Б. В. Фредериксу. Насъ оставалось при ротѣ всего трое**) офицеровъ, уподоблявшихся тремъ голубямъ, посаженнымъ въ одну клѣтку съ сотнями вороновъ.

Нашелся подъ конецъ все-же одинъ спокойный и разсудительный человѣкъ, убѣдившій насъ въ безсмысленности подобнаго „голубинаго" положенія. Былъ этимъ человѣкомъ милѣйшій поручикъ А. Э. Серкъ изъ штаба дивизіи, одновременно подавшій намъ и мысль о скорѣйшемъ уходѣ изъ части куда-бы то ни было.

И наступилъ часъ, когда съ безконечно горькимъ чувствомъ мы должны были рѣшиться на этотъ печальный шагъ.

Къ моменту нашего „исхода" изъ Кудіевцевъ, уже возвратился въ свой домъ и отсутствовавшій его хозяинъ — симпатичнѣйшій полковой батюшка Амурскаго полка. Съ молодымъ священникомъ пріѣхалъ въ Кудіевцы и его вѣрный вѣстовой сибирякъ, дѣловитый и серьезный парень, ничуть не зараженный духомъ революціи. Благодаря сердечности и отзывчивости этихъ двухъ людей, намъ и удалось въ одну изъ темныхъ ночей отбыть на тройкѣ выносливыхъ сибирскихъ лошадокъ къ станціи Жмеринка, оставивъ навсегда позади опостылѣвшій станъ озлобленной солдатчины и отряхнуть со своихъ ногъ прахъ всего того, что творилось въ ея средѣ за послѣдніе мѣсяцы...

---

*) См. „Отъ Двуглаваго Орла къ Красн. знамени" П. Краснова.

**) И. А. Саввичъ, Г. М. Меркуловъ и авторъ.

Обстановка нашего бѣгства была жуткой до крайности...

Тронулись мы въ путь задолго до разсвѣта, не взявъ съ собою ничего, кромѣ самыхъ необходимыхъ ручныхъ вещей: всякій другой багажъ только отягчилъ бы сани и повлекъ бы за собой задержку въ движеніи, а намъ нужно было поскорѣе какъ можно дальше отъѣхать отъ стана нашихъ-же солдатъ, своихъ недавнихъ друзей и соратниковъ, сдѣлавшихся теперь нашими смертными врагами

Невыразимая тоска терзала измученное сердце...

— Вотъ тебѣ и Лейбъ-Гвардія... Лейбъ-Гвардія Его Величества! — неожиданно сказалъ мой другъ, когда наши сани безшумно тронулись по снѣжной дорогѣ. — Вотъ тебѣ и Лейбъ-Гвардія... Боже мой, Боже мой!..

И, не видя за темнотою лица своего пріятеля, я въ то-же время ясно почувствовалъ, что онъ плачетъ горькими слезами...

Былъ близокъ и я къ тому, чтобы зарыдать, какъ ребенокъ.

А спѣшить было необходимо: малѣйшая оплошность, задержка въ пути, случайное сообщеніе кого-либо въ часть по телефону, — могли бы вызвать неминуемую погоню, которая уже, несомнѣнно, закончилась-бы кровавой расправой съ нами...

И мы ясно отдавали себѣ отчетъ во всей опасности нашего положенія.

Но маленькія сибирскія лошадки, какъ-бы старавшіяся въ особенности доказать свою прыть и прославленную выносливость, — мчали насъ великолѣпно, постепенно приближая къ Жмеринкѣ... Обострившіеся до крайности нервы понемногу опадали, уступая мѣсто спокойствію и новымъ надеждамъ. Намъ хотѣлось только поскорѣе достичь станціи, чтобы попасть на первый же отходящій поѣздъ...

Начинался разсвѣтъ. И въ его туманной мглѣ мы вдругъ не безъ непріятнаго чувства узрѣли

двухъ нашихъ солдатъ, шедшихъ намъ навстрѣчу и возвращавшихся изъ Жмеринки въ село Кудіевцы. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что встрѣчные насъ узнали, несмотря на полумракъ и быстро пронесшіяся мимо нихъ сани...

Солдаты остановились и, оглянувшись назадъ, долго смотрѣли намъ вслѣдъ, повидимому, весьма удивляясь нашему раннему путешествію.

Эти два гвардейскихъ солдата, мелькнувшіе передо мною въ предразсвѣтной мглѣ декабрьской ночи, показались мнѣ какъ-бы послѣднимъ призрачнымъ звеномъ, соединявшимъ мою жизнь съ прекраснымъ прошлымъ въ, ушедшей въ вѣчность, славной императорской арміи...

. . . .

Далѣе все обошлось уже сравнительно благополучно... Добравшись, съ Божьей помощью, до Жмеринки, мы весьма быстро и удачно заручились на эвакуаціонномъ пунктѣ соотвѣтствующими удостовѣреніями и, не теряя времени, вскочили въ первый отходившій товарный поѣздъ, затерявшись въ солдатской массѣ...

На слѣдующій день, мы всѣ разстались для того, чтобы уже никогда болѣе не встрѣчаться при прежнихъ служебныхъ условіяхъ...

Съ моимъ другомъ Г. М. Меркуловымъ, впрочемъ, я снова встрѣтился сначала черезъ годъ въ мирной обстановкѣ кіевской жизни, а затѣмъ въ 1919 году — въ боевой, когда мы оба сошлись въ Добровольческой арміи. Что-же касается милѣйшаго Саввича, упорно стремившагося пробраться къ своимъ роднымъ въ Великороссію и подъ конецъ добившагося своей цѣли, судьба меня болѣе съ нимъ нигдѣ не сводила, и продолжаетъ ли онъ теперь занимать мѣсто подъ солнцемъ — мнѣ неизвѣстно...

ВЪ КОШМАРѢ РЕВОЛЮЦІИ.

— Стойте! Вы арестованы!..

Передо мною неожиданно выросла фигура какого-то гиганта матроса, вооруженнаго до зубовъ, перевитого пулеметными лентами и весьма явственно обдававшаго меня отвратительнымъ запахомъ водочнаго перегара.

— Давайте оружіе! — еще болѣе грозно бросилъ представитель „красы и гордости“.

Оружія у меня никакого не было, но ничѣмъ не прикрытая офицерская форма съ блестящими погонами и императорской кокардой на фуражкѣ оказалась вполнѣ достаточной, чтобы рѣшить мою дальнѣйшую судьбу.

Протестовать и сопротивляться было безполезнымъ: за спиною мастодонта-матроса одна за другою выплывали изъ ночной тьмы фигуры новыхъ бандитовъ, бѣжавшихъ въ мою сторону отъ извозчичьихъ пролетокъ, остановившихся около тускло мерцавшаго вдали фонаря.

— Забрать его въ штабъ! — грозно распорядился полупьяный великанъ въ пулеметной лентѣ, водворяя меня въ извозчичій кузовъ. — На вокзалъ, живо!.. А остальнымъ... продолжать объѣздъ!..

Черезъ минуту меня уже везли по пустыннымъ мертвенно-безмолвнымъ улицамъ на вокзалъ, въ то время какъ нѣсколько другихъ пролетокъ, отдѣлившись, съ грохотомъ исчезли во тьмѣ.

Какъ нелѣпо и странно закончился тогда этотъ вечеръ, спокойно и мило проведенный въ уютной и тихой семьѣ моихъ друзей, отъ которыхъ я и возвращался по главной улицѣ, безпечно, звеня шпорами и совсѣмъ позабывъ о возможныхъ на каждомъ шагу „прелестяхъ" новыхъ временъ.

Но откуда мнѣ тогда могло быть извѣстнымъ, что въ тѣ самыя минуты, когда я безпечно пилъ чай у моихъ милыхъ друзей, въ нашъ городъ прибылъ очередной эшелонъ разнузданной и буйной фронтовой рвани подъ начальствомъ самыхъ отъявленныхъ большевиствующихъ главарей?

Какъ потомъ оказалось, остановившіе меня на улицѣ бандиты, во главѣ съ матросомъ, представляли собою „летучій отрядъ" этого эшелона, спѣшно высланный въ городъ для занятія главнѣйшихъ учрежденій и ловли враговъ революціи... Къ такимъ врагамъ, конечно, принадлежалъ и я, безапелляціонно уличенный въ самыхъ жестокихъ преступленіяхъ противъ „освобожденнаго" народа: своими офицерскими погонами и кокардой...

Вокругъ стояла темная ночь.

Расхлябанная пролетка покорнаго и перепуганнаго извозчика быстро мчалась по хорошо знакомымъ мнѣ улицамъ и вскорѣ остановилась у зданія вокзала, ярко освѣщеннаго, какъ снаружи такъ и изнутри.

— Ну, вылѣзайте господинъ монархистъ!.. Живо!..

У входа красовались, подобные моимъ конвоирамъ, матросы тоже перевитые пулеметными лентами.

Меня повели куда-то черезъ рельсы и шпалы, и не прошло двухъ - трехъ минутъ, какъ я уже сидѣлъ въ темномъ товарномъ вагонѣ за наглухо задвинувшейся дверью.

— Вотъ и еще одинъ! — громко сказалъ своему коллегѣ пьяный часовой, прибавляя къ произнесенной фразѣ отборную площадную брань по

моему адресу. — Ничего, всѣхъ васъ выловятъ, любезные!.. Да-а-вольно!

Оставшись въ темнотѣ я тотчасъ-же вспомнилъ о лежавшихъ въ карманѣ спичкахъ и, быстро воспользовавшись ихъ услугами, съ радостью убѣдился, что не оставленъ въ одиночествѣ... Кромѣ меня, въ вагонѣ находились еще нѣсколько человѣкъ арестованныхъ, среди которыхъ я узналъ хорошо знакомыхъ мнѣ лицъ изъ числа нашихъ уѣздныхъ дворянъ и интеллигентовъ, къ которымъ присоединились и два моихъ пріятеля-офицера, подобно мнѣ попавшіеся въ лапы большевиковъ по пути эшелона.

Увидѣвъ меня, освѣщеннаго огнемъ спички, одинъ изъ послѣднихъ громко назвалъ меня по имени:

— Ну, вотъ... и ты здѣсь... Какъ все это быстро дѣлается!..

Закрытая за минуту до того дверь вновь съ грохотомъ отодвинулась и просунувшаяся въ ея щель голова изрекла весьма опредѣленно:

— Я тебѣ дамъ разговаривать.... с....чь!.. Вотъ погоди, ужо вамъ покажутъ, какъ пить народную кровушку!.. И чтобы у меня никакихъ огневъ въ вагонѣ не зажигать... помни, а то сейчасъ выволоку — и готово!..

Подобный визитъ нашихъ тѣлохранителей не былъ послѣднимъ. Въ теченіе всей ночи пьяные стражи нѣсколько разъ производили намъ „провѣрки", неистово грохоча дверью и освѣщая внутренность вагона фонаремъ. И не было ни одной такой провѣрки, когда бы изъ устъ красноармейцевъ не неслась по нашему адресу, вмѣстѣ съ запахомъ водки, и самая отчаянная ругань, постоянно напоминавшая о нашей неминуемой и скорой „ликвидаціи".

— Погодите, ужо!.. Ужо будетъ вамъ... полетятъ ваши душонки въ „штабъ Духонина"!

Время проходило медленно, но подъ конецъ сквозь узкія вагонныя окошечки подъ потолкомъ

сталъ пробиваться голубовато-сѣрый свѣтъ, не обѣщавшій намъ, впрочемъ, ничего кромѣ новыхъ и самыхъ жестокихъ непріятностей.

Когда совсѣмъ разсвѣло, я попытался попросить у стоявшаго около вагона молодого красноармейца воды, чтобы умыться... Нѣсколько сонный послѣ выпивки, бѣлобрысый парень нерѣшительно посмотрѣлъ на другого часового.

— Ишь чего захотѣлъ!.. Еще и умыться имъ давай!.. На кой дьяволъ тебѣ умываться-то, когда все одно скоро...

Любезный часовой такъ и не договорилъ о томъ, что именно должно было съ нами „скоро" произойти, но подъ конецъ, къ нашему величайшему удивленію, воду для умыванія все же принесли, да еще вмѣстѣ съ кускомъ весьма приличнаго мыла, взятаго, вѣроятно, изъ вокзальной парикмахерской, которую они же наканунѣ и разграбили.

Нѣсколько ободренные этимъ необычнымъ вниманіемъ, мы всѣ, становясь по очереди на порогѣ вагона, съ удовольствіемъ умылись, пользуясь вмѣсто полотенца носовымъ платкомъ, а я, не безъ радости вспомнивъ о имѣвшихся у меня по обыкновенію карманныхъ гребешкѣ и зеркальцѣ, сталъ пользоваться ихъ услугами для того, чтобы окончательно привести свою внѣшность въ порядокъ и даже устроить на головѣ тщательно проложенный проборъ...

Но именно послѣднее обстоятельство до крайности взволновало нашихъ церберовъ, и они снова разразились бѣшеною площадною бранью, на этотъ разъ уже исключительно по одному моему адресу.

— Ишь ты, прилизывается!... Подожди... теперича ждать-то недолго!... Прилизанный явишься къ с....чи, своему генералу Духонину на рапортъ!... Сегодня подохнешь...

. . . .

Солнце поднялось надъ горизонтомъ. День обѣщалъ быть теплымъ и „веселымъ"; вокругъ

насъ отрывисто посвистывали маневрировавшіе паровозы.

Я вспомнилъ о моихъ близкихъ... о матери, которая несомнѣнно подняла тревогу; вспомнилъ и о милыхъ знакомыхъ, у которыхъ былъ наканунѣ вечеромъ, мирно распивая чай съ вареньемъ и совсѣмъ не подозрѣвая, что спустя нѣсколько часовъ мнѣ придется смотрѣть на все окружающее совсѣмъ иными глазами...

Сомнѣваться, а тѣмъ болѣе надѣяться на что либо хорошее — было нечего...

Всѣ мы были обречены — и обречены на нѣчто самое жестокое и скорое...

. . . .

Не прошло у получаса, какъ наши печальныя предположенія начали оправдываться.

— Ну, маршъ! — скомандовалъ кто-то изъ стражниковъ, число которыхъ было къ этому моменту удвоено или даже утроено. — Живо, и чтобы все было въ порядкѣ...

Одинъ за другимъ мы выскочили изъ вагона и очутились въ кольцѣ конвойныхъ.

Насъ повели — сначала черезъ еще сырыя отъ утренней росы шпалы желѣзнодорожныхъ путей, затѣмъ черезъ помѣщенія вокзала и его ресторанный залъ, такъ хорошо знакомый мнѣ еще со временъ дѣтства и юности...

Поторапливаемые конвойными, мы очутились въ бывшей дамской комнатѣ, гдѣ въ раннемъ дѣтствѣ просиживалъ я съ матерью въ ожиданіи поѣзда. Воздухъ этой „дамской" теперь былъ пропитанъ запахомъ табачнаго дыма и водочнаго перегара... За столомъ, покрытымъ объѣдками и недопитыми стаканами, сидѣлъ уже знакомый мнѣ гигантъ-матросъ съ пулеметною лентою черезъ плечо и красными отъ безсонной ночи и непрерывнаго пьянства глазами.

Матросъ, повидимому, занималъ постъ предсѣдателя всесильнаго революціоннаго трибунала. По

сторонамъ его не менѣе величественно возсѣдали два полуинтеллигентныхъ солдата въ гимнастеркахъ съ растегнутыми воротами и еще два какихъ то вихрастыхъ „судьи“ въ шикарнѣйшихъ френчахъ, уже одинъ вызывающій, но безмолвный видъ которыхъ достаточно ясно говорилъ объ ихъ національности... Это были молодые евреи, что еще болѣе подтвердилось, когда первый изъ нихъ — кучерявый, очкастый и въ особенности отвратительный по внѣшности — открылъ свой громадный ротъ для начала моего допроса. Рѣзкій акцентъ выдавалъ его окончательно.

Я не стану воспроизводить подробностей всего того издѣвательства, которое состояло изъ ряда грубостей и цинично-наглыхъ шутокъ по нашему адресу... Насъ, имѣвшихъ несчастье попасть въ лапы „власти народнаго гнѣва“ нужно было подольше помучить для своего удовольствія, передъ тѣмъ, какъ „вывести въ расходъ“ по приговору того же замѣчательнаго трибунала.

Въ особенности изощрялся въ своихъ издѣвательствахъ надъ нами молодой, кучерявый еврей въ очкахъ, которому не безъ своеобразной лихости аккомпанировалъ и одинъ изъ солдатъ, не позабывшій обратить свое „пролетарское“ вниманіе даже и на нашу буржуазно-офицерскую внѣшность. Въ особенности раздражалъ его мой злосчастный проборъ на прическѣ, сдѣланный незадолго до того въ арестномъ вагонѣ...

Прошло около получаса.

— Ну, баста... шлюсъ! — сказалъ, наконецъ, матросъ, которому, повидимому, самому надоѣло еврейское многоглаголаніе. — Отвести ихъ обратно, откуда привели, да держать построже! — приказалъ онъ конвойнымъ. — Веди ихъ!...

Черезъ минуту мы уже снова сидѣли въ вагонѣ, переживая самыя неопредѣленныя настроенія.

Потянулись минуты и часы, медленно приближая насъ къ вечернимъ сумеркамъ... Сидѣли мы уже цѣлый день голодными, такъ какъ никто, ко-

нечно, и не вспомнилъ о нашемъ обѣдѣ. Только, когда уже совсѣмъ стемнѣло, какой-то новый и довольно симпатичный рябой солдатикъ изъ конвоя неожиданно принесъ намъ кипятку, чаю и нѣсколько приличныхъ порцій хорошаго хлѣба, совсѣмъ простодушно заявивъ при этомъ:

— Приказано выдать... Сказали, что такъ всегда полагается... передъ этимъ самымъ...

— Передъ какимъ „этимъ самымъ", дубина ты стоеросовая? — спросилъ кто-то изъ насъ довольно равнодушно. — Что же съ нами будетъ дальше-то?

— А присудили! — не менѣе спокойно отвѣтилъ солдатикъ, ставя на полъ вагона большой чайникъ съ кипяткомъ. — Всѣхъ васъ троихъ... господъ... ахвицеровъ присудили... къ разстрѣлу, значитъ... Новый законъ введенъ, говорятъ...

Послѣ этихъ словъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ потолкался съ минуту на одномъ мѣстѣ, а затѣмъ исчезъ изъ вагона.

Несмотря на весьма невеселыя мысли, вихремъ проносившіяся въ головѣ, чай и хлѣбъ все же были нами уничтожены безъ остатка.

Наступила ночь.

Часовые попрежнему бродили около нашей передвижной тюрьмы, но уже не ругались, подобно тому, какъ наканунѣ...

. . . .

Какъ мнѣ удалось впослѣдствіи узнать, какъ разъ въ это время въ городѣ совершались другія знаменательныя событія... Одинъ изъ моихъ большихъ друзей юности и бывшій соученикъ, весьма культурный и порядочный еврей, узнавъ въ тотъ же день о моемъ арестѣ, а затѣмъ и смертномъ приговорѣ — пришелъ въ ужасъ и рѣшилъ спасти во что бы то ни стало и меня и моихъ товарищей по несчастью.

Онъ энергично поднялъ на ноги многихъ вліятельныхъ евреевъ города, сжившихся съ нами еще

со времени далекаго дѣтства и не питавшихъ ничего, кромѣ самыхъ глубокихъ и искреннихъ симпатій къ мѣстнымъ дворянамъ и помѣщикамъ, съ которыми были въ дѣловыхъ и дружескихъ отношеніяхъ.

Одинъ за другимъ бросились евреи къ представителямъ новой власти съ просьбами, завѣреніями и объясненіями, — но ихъ работа не оказалась столь простою и легкою... Осудившіе насъ на смерть „судьи“ всячески упирались, и въ особенности мѣшалъ тотъ изъ нихъ, что носилъ очки, кудрявые волосы и изощрялся въ издѣвательствахъ при нашемъ допросѣ... Самымъ же тяжелымъ обстоятельствомъ во всемъ этомъ кошмарѣ было то, что узнавшій о постигшей меня судьбѣ еврей не задумался поставить о ней въ извѣстность и мою мать, находившуюся въ томъ же городѣ и уже съ утра обезпокоенную моимъ отсутствіемъ.

Несчастная старуха бросилась на вокзалъ умолять о моемъ спасеніи.

Результатъ былъ только тотъ, что мольбы ея не помогли, и обезумѣвшая отъ горя женщина не была даже допущена къ „штабному“ вагону, въ которомъ пьянствовали наши тогдашніе „правители“ и вершители судебъ...

Свои оргіи именно въ вагонѣ они устраивали не безъ основанія, боясь разсаживаться въ помѣщеніяхъ изъ опасенія быть застигнутыми врасплохъ какимъ-либо противникомъ. А для большаго спокойствія они даже держали неизмѣнно подъ парами паровозъ своего эшелона.

Что дѣлала послѣ своей неудачной попытки исходатайствовать мнѣ освобожденіе моя мать — я не знаю... Во всякомъ случаѣ, я впослѣдствіи ее объ этомъ не посмѣлъ разспрашивать.

. . . .

Наши часы, казалось, были сочтены.

Мы молча сидѣли въ темномъ вагонѣ, ожидая каждую минуту, что дверь его съ шумомъ распах-

нется для нашего послѣдняго путешествія въ... „штабъ Духонина"...

Помню, что я даже подъ конецъ началъ дремать, утомленный переживаніями этого ужаснаго дня и проведенной безъ сна предыдущей ночи. Вѣроятно, въ такое же состояніе погрузились и всѣ мои товарищи, даже шопотомъ не произносившіе ни единаго слова.

И вдругъ мы всѣ вскочили на ноги, охваченные неопредѣленными, рѣзкими чувствами, вызванными неожиданными явленіями, происходившими гдѣ-то снаружи... За стѣнками вагона, повидимому, творилось что-то новое и грозное, смѣшанное съ шумомъ, грохотомъ, свистками и безпорядочною стрѣльбой... Гдѣ-то совсѣмъ близко отъ насъ, отдѣленныхъ только одною вагонною стѣнкой, съ топотомъ и крикомъ промчалась цѣлая толпа, гдѣ-то четко ударили въ дерево пули, чей-то хриплый голосъ въ изступленіи кричалъ машинисту:

— Давай!... Давай жива-а-а!... Чего ждешь, стерва?... Говорю давай!...

Затѣмъ всѣ крики, топотъ и пальба такъ же быстро стихли, какъ и начались, и вокругъ насъ воцарилось снова гробовое молчаніе, еще болѣе жуткое, чѣмъ до начала всего этого неожиданнаго происшествія.

Ничего не понимая и теряясь въ догадкахъ, мы неподвижно сидѣли среди непроглядной тьмы въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, показавшихся намъ вѣчностью.

Дверь вагона попрежнему оставалась закрытой, и только часовые, разгуливавшіе подъ нею совсѣмъ еще недавно, по всѣмъ признакамъ куда-то исчезли...

Тѣмъ не менѣе никто изъ насъ не ожидалъ отъ грядущаго ничего хорошаго и невольно рисовалъ въ своемъ воображеніи всякіе ужасы, готовые обрушиться на наши бѣдныя головы каждую секунду... А въ добавленіе ко всему мы не имѣли вовсе оружія.

И вдругъ умолкнувшіе-было крики возобно-

вились, постепенно усиливаясь и приближаясь къ мѣсту нашего заключенія.

— Вали въ эту дверь! — загремѣлъ чей - то голосъ. — Ломай, а то все одно... заперта!... Вали!..

Зазвенѣло въ ушахъ отъ неистоваго грохота — въ дверь стали бить чѣмъ - то очень тяжелымъ, и били до тѣхъ поръ, пока сквозь открывшуюся брешь мы не увидѣли суетившейся у вагона группы вооруженныхъ людей, въ барашковыхъ шапкахъ, слабо освѣщенной отблескомъ единственнаго ручного фонаря.

Часъ отъ часу все было не легче...

Кто то незнакомый просунулъ голову въ образовавшееся отверстіе.

— Мать пречистая... вотъ гдѣ они!

Узрѣвшіе насъ люди приказали намъ немедленно вылѣзти — и на этотъ разъ дѣло очень быстро закончилось къ нашему благополучію.

Оказалось, что на занятую нашими жестокими и буйными властителями станцію, ночью налетѣлъ повстанческій отрядъ, заставшій врасплохъ пьянствовавшихъ бандитовъ... Благодаря поровозу, стоявшему, какъ уже упоминалось выше, всегда подъ парами — большинству нашихъ тюремщиковъ все же удалось удрать вмѣстѣ съ вагонами штаба и конвоя. Наша же печальной памяти подвижная „камера смертниковъ“ — счастливо осталась на мѣстѣ, будучи отцѣпленной отъ эшелона не то умышленно, не то случайно.

Во всякомъ случаѣ, Провидѣнію было угодно насъ спасти, ниспославъ на мою долю одно лишь страшное испытаніе.

Какъ потомъ оказалось, лихіе повстанцы, среди которыхъ оказался и мой бывшій солдатъ, совершенно не подозрѣвая о нашемъ арестѣ и критическомъ положеніи, накапливали въ уѣздѣ свои силы и готовили черезъ нѣсколько дней захватъ нашей узловой станціи и нашего большого промышленнаго города. Но о мукахъ и волненіяхъ моей матери такъ много въ этотъ день говорили

сосѣди, изыскивая способы помочь мнѣ, что вѣсть объ этомъ докатилась въ посадъ, гдѣ жила замужняя родная сестра атамана уѣздныхъ повстанцевъ. Ей въ свое время оказалъ я большую услугу... Услыхавъ объ угрожавшей мнѣ смертной опасности, благодарная женщина, находившаяся въ тѣсной связи съ братомъ и его повстанцами, сама бросилась къ нимъ, умоляя о моемъ спасеніи... Ея просьбу поддержалъ и мой вѣрный бывшій солдатъ - землякъ.

И вотъ, не закончивъ всѣхъ сборовъ и приготовленій, этой же ночью повстанцы рискнули напасть на станцію...

Вскорѣ послѣ этого я уже находился около своей матери.

. . . .

Жизнь моя была спасена, — но безуміе и кровавый ужасъ продолжали изо дня въ день носиться надъ несчастной страною, охваченной безвластіемъ и анархіей.

Уже давно пересталъ существовать великій русскій фронтъ, разсыпавшійся теперь въ неисчислимую и безобразную массу бандитовъ, грозною лавиной надвигавшуюся на свои собственные города и села, неся за собою смерть и разрушеніе.

Сдѣлавшіеся настоящими разбойниками, бывшіе русскіе солдаты буйствовали, нападая на проходившіе поѣзда и обозы, взаимно уничтожая другъ друга при безобразныхъ дѣлежахъ, подвергали разграбленію полковыя имущества, жгли попадавшіяся имъ на пути усадьбы, перепивались до смерти, убивали и рѣзали, повергая въ панику населеніе своихъ же деревень и селъ... Города стояли беззащитными, наполненные стенаніями вдовъ и сиротъ, охваченные безнадежнымъ отчаяніемъ и уныніемъ...

Кое - гдѣ пробовали „властвовать" самочинные комитеты изъ одурѣвшихъ недоучекъ, воображавшихъ себя русскими Дантонами и Маратами и за-

частую вскорѣ безславно погибавшихъ отъ руки своихъ же учениковъ... Не мало безобразій творили и нѣкоторые наши неистовые „интеллигенты“, паясничавшіе передъ одурѣвшею толпою, среди которой наиболѣе видную роль играли озлобленные лѣнтяи, недоучки и обыкновенные отбросы общества, которымъ еще такъ недавно никто не хотѣлъ подавать руки.

Но никакіе комитеты и вновь возникшія организаціи уже не могли сдержать того, чему было суждено принять стихійный характеръ... „Великая и безкровная“ разгуливалась во всю, наполняя несчастную Россію запахомъ тлѣнія свѣже-пролитой крови и подлинно адскимъ хохотомъ сатаны, на каждомъ шагу воспроизводя картины, передъ которыми въ смущеніи и безсиліи остановился бы Данте...

То, чему было, очевидно, суждено совершиться — совершилось...

И многіе, кто еще могъ бы, взявшись за оружіе, стать въ проникнутые Христовыми вѣрою и любовью ряды бойцовъ за права несправедливо разграбляемыхъ и убиваемыхъ, — почему-то безсильно опустили руки и, превратившись въ „непротивленцевъ“, — покорно дожидались своей участи, спрятавшись до наступленія неизбѣжно-рокового часа по своимъ унылымъ угламъ.

И, воцарившійся въ Россіи, Князь Тьмы не переставалъ творить свое страшное дѣло, которое — увы! — онъ не перестаетъ творить еще и до сихъ поръ...

Доколѣ-же, о Господи!

ОСЕНЬ 1918 ГОДА.

Мы возвращались изъ румынскихъ Яссъ въ Россію, закончивъ порученную намъ политическую миссію.

И много всякаго рода русскихъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей возвращалось тогда оттуда же послѣ нѣсколькихъ дней участія въ „Особомъ Совѣщаніи“, стремившемся выяснить рядъ вопросовъ, касавшихся бѣдственнаго положенія нашей громадной, но несчастной родины и Добровольческой арміи на югѣ Россіи.

Совѣщаній въ тѣ времена созывалось много, даже болѣе, чѣмъ слѣдовало. Но суровый рокъ дѣлалъ свое дѣло — и пожаръ революціи, охватившій Россію, разгорался съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, не взирая ни на какія человѣческія постановленія и слова.

Къ осени 1918 года по всей Украинѣ уже бушевала настоящая политическая буря, порождавшая, въ еще такъ недавно мирныхъ и спокойныхъ городахъ и селахъ обширнаго края, подлинную анархію.

Подъ давленіемъ союзниковъ, въ безпорядкѣ покидали благодатную Украину окончательно разложившіеся горнизоны оккупантовъ - австрійцевъ, поспѣшно направлявшіеся къ своимъ границамъ и бросавшіе по пути цѣлые желѣзнодорожные составы и обозы со всякимъ добромъ. Это добро тот-

часъ-же расхищалось рыскавшими повсюду бандами, внезапно вынырнувшихъ изъ всякихъ низовъ, головорѣзовъ-атамановъ, и тѣ же банды ежедневно преподносили различные печальные сюрпризы еще державшимся въ своихъ гнѣздахъ украинскимъ помѣщикамъ, хуторянамъ и крупнымъ желѣзнодорожнымъ центрамъ.

Болѣе компактно и дисциплинированно держались германцы, двигавшіеся къ тѣмъ же западнымъ границамъ въ относительномъ порядкѣ и не терявшіе вида и достоинства старыхъ нѣмецкихъ солдатъ.

Что касается войскъ гетмана Скоропадскаго, уже успѣвшаго къ этому времени пасть, то они также представляли собою жалкую, деморализованную и разрозненную массу, разорвавшуюся на отдѣльные отряды, безцѣльно сновавшіе по разнымъ направленіямъ въ поискахъ безопасныхъ убѣжищъ.

Съ сѣвера уже наступала красная армія, — сформированная Троцкимъ, при помощи царскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, — подъ давленіемъ которой быстро катились къ югу и западу части Петлюры; главныя силы атамана Григорьева (быв. офицеръ) „оперировали“ въ районѣ Херсона-Николаева и угрожали Одессѣ; а за ними, въ видѣ арьергарда, продвигались къ черноморскимъ берегамъ опять же „петлюровцы“ во главѣ съ генераломъ Грековымъ — кореннымъ гвардейцемъ и генераломъ генеральнаго штаба.

Повсюду шли грабежи, полыхали пожары и широкой рѣкой лилась водка и человѣческая кровь.

Люди звѣрѣли и теряли послѣдніе признаки человѣческаго облика...

. . . .

Когда нашъ поѣздъ находился еще на румынской территоріи, какой то заботливый и разумный комендантъ одной изъ пригpаничныхъ русскихъ станцій далъ депешу о необходимости всѣмъ намъ

держать путь прямо на Одессу. Встревоженные, мы запросили коменданта о причинахъ такого сообщенія.

Путь къ другимъ пунктамъ сопряженъ съ осложненіями, — послѣдовалъ краткій отвѣтъ. — Можете безопасно двигаться только на Одессу.

Разсуждать не приходилось.

. . . .

До Одессы мы добрались, дѣйствительно, вполнѣ благополучно... Но зато какое столпотвореніе вавилонское застали на желѣзнодорожныхъ путяхъ вокзала этого прелестнаго города, увеличившаго въ тѣ времена свое населеніе по меньшей мѣрѣ въ два раза.

Станція Одесса была биткомъ забита всевозможными поѣздными составами, стянувшимися сюда со всѣхъ концовъ южной Россіи и переполненными всякаго рода начальствующими и вліятельными лицами... Помню шикарные пульмановскіе вагоны съ салонами, прилизанныхъ и сохранявшихъ свое полное достоинство генеральскихъ и „министерскихъ“ адъютантовъ, секретарей, лакеевъ, вѣстовыхъ и проводниковъ, высокомѣрно глядѣвшихъ изъ роскошныхъ вагоновъ; помню между прочимъ, вагонъ и Ф. А. Лизогуба*), стоявшій на путяхъ рядомъ съ нашимъ и недавно только прибывшій изъ Крыма: Федоръ Андреевичъ только что побывалъ тамъ у Великаго Князя Николая Николаевича съ порученіемъ отъ гетмана П. П. Скоропадскаго и теперь ѣхалъ обратно въ Кіевъ. Пробраться туда ему не удалось по той-же причинѣ, что и намъ, и онъ долженъ былъ остаться въ Одессѣ „ждать у моря погоды“.

Такая же участь постигла и всѣхъ остальныхъ представителей тогдашняго генералитета и власти,

*) Ф. А. Лизогубъ былъ въ 1918 году предсѣдателемъ Совѣта министровъ въ гетманскомъ правительствѣ.

неожиданно превратившихся въ одесскихъ жителей на неопредѣленное время.

„Одесса-мама“, впрочемъ, принимала ихъ всѣхъ недурно...

Что касается меня лично, — то я, будучи адъютантомъ у генерала, съ которымъ возвращался изъ Румыніи, располагался въ удобномъ салонъ-вагонѣ, имѣя подъ бокомъ вѣстового.

Начиная съ перваго дня нашего прибытія, мы съ генераломъ ежедневно по два раза отправлялись въ городъ на обѣдъ и ужинъ, проводя ихъ въ пресловутой Лондонской гостиницѣ, самой фешенебельной въ городѣ.

И кого только можно было ни встрѣтить тогда въ этой „Лондонской“!... Бурное время согнало въ тѣ дни въ Одессу такихъ людей, какіе, пожалуй, ранѣе никуда и не двигались далѣе параллели петербургскаго Колпина или московской Обираловки, — а теперь эти петербуржцы или москвичи поневолѣ очутились на югѣ Россіи, гонимые суровыми обстоятельствами судьбы... Не было въ ресторанномъ залѣ „Лондонской“ и недостатка въ нашихъ генералахъ, адмиралахъ и младшихъ офицерахъ всѣхъ родовъ оружія и положенія, временно обезопасившихся подъ защитой остатковъ гетманской администраціи и подумывавшихъ о переходѣ подъ укрытіе трехцвѣтнаго флага Добровольческой арміи и Бѣлаго дѣла.

Здѣсь, — за столиками „Лондонской“, въ ея коридорахъ и холлахъ — ежечасно ловились всѣ новости и слухи, прилетавшіе съ фронта и изъ другихъ мѣстностей оставленнаго сѣвера; здѣсь же создавались всевозможные проекты спасенія и умиротворенія Россіи; высказывались негодованія, произносились проклятія и... обрѣтались надежды.

Все здѣсь шумѣло, волновалось, было охвачено суетою... вкусно ѣло, пило и даже веселилось.

. . . .

Въ одесскій портъ, тѣмъ временемъ, вошло

нѣсколько французскихъ военныхъ судовъ, съ которыхъ на берегъ высадился лишь незначительный отрядъ, занявшій портъ и часть Николаевской набережной съ Лондонской гостиницей включительно.

Что касается охраны желѣзнодорожной станціи со всѣми сбившимися на ея путяхъ эшелонами — объ этомъ, повидимому, никто особенно не думалъ и не заботился... И, какъ оказалось впослѣдствіи — весьма напрасно.

Подтвержденія высказываемому мною предположенію пришлось ожидать не долго.

. . . .

Въ этотъ памятный вечеръ мы, по обыкновенію, собирались съ генераломъ на ужинъ въ городъ, и уже готовы были выйти изъ вагона, какъ вдругъ я замѣтилъ, что нашъ вѣстовой подаетъ мнѣ какіе-то знаки, повидимому, желая чтобы я задержался и его выслушалъ.

Незамѣтно отдѣлившись отъ генерала, я исполнилъ просьбу нашего вѣрнаго слуги и быстро вошелъ въ его отдѣленіе.

— Ну, что?... Что такое, Назаренко?

— Нехорошія вѣсти... Простите, что осмѣлился задержать, но иначе не могъ!...

Солдатъ былъ блѣденъ и взволнованъ не на шутку. А вѣсти, которыя онъ мнѣ тотчасъ же полушопотомъ передалъ, оказались дѣйствительно „нехорошими"... Нашъ преданный слуга, какъ оказалось, успѣлъ уже завести дружбу съ желѣзнодорожными рабочими и они въ одной изъ послѣднихъ бесѣдъ сообщили ему „по секрету" о готовящемся этою ночью налетѣ „григорьевцевъ" на одесскій вокзалъ.

— Сказывали, что безпремѣнно займутъ нашу станцію, какъ только смеркнется... Сказывали также, что всѣхъ золотопогонниковъ перерѣжутъ... Простите, ваше высокоблагородіе!...

Не вѣрить Назаренко у меня не было никакихъ основаній — и едва я нагналъ моего генерала

по выходѣ изъ вагона, какъ тотчасъ - же доложилъ ему объ услышанномъ изъ устъ вѣстового.

— Не прикажете - ли, ваше превосходительство, перевезти хотя бы наши вещи въ Лондонскую гостиницу? — спросилъ я. — Информаціи желѣзнодорожныхъ рабочихъ могутъ быть весьма основательны... И я утромъ слыхалъ, что „григорьевцы" въ 12 - 15 верстахъ отъ города...

Но генералъ въ отвѣтъ на эти слова съ насмѣшкой взглянулъ на меня и отрицательно покачалъ головою.

— Нѣтъ, это ужъ вы оставьте... Развѣ и сами не понимаете, что это носило бы характеръ трусости, проявленія паники... Ѣдемъ - ка лучше скорѣе ужинать!

И мы поѣхали.

Ресторанный залъ былъ, какъ и всегда, переполненъ; играла музыка, и за нѣкоторыми столиками царило беззаботное веселье.

Прошло примѣрно часа 2 - $2^1/_2$.

Мы съ генераломъ давно уже перешли на кофе, какъ вдругъ подошедшій швейцаръ вызвалъ меня въ ресторанный холлъ по какому - то „весьма важному дѣлу".

Я вышелъ — и увидѣлъ грустную физіономію вѣстового Назаренко, стоявшаго въ выжидательной позѣ у входа вмѣстѣ съ двумя генеральскими чемоданами.

— Заняли, ваше высокоблагородіе! — доложилъ солдатъ. — Едва вы изволили отъѣхать съ ихъ превосходительствомъ, какъ заняли... Налетѣли григорьевцы, значитъ... Грабятъ сейчасъ всѣ вагоны такъ, что упаси Богъ... Только два чемодана и успѣлъ утащить... да и то протащилъ ихъ окольными путями... Бѣда, что творится на станціи!...

Два чемодана, спасенные отъ грабежа, оказались генеральскими. Мои же вещи всѣ пропали, сдѣлавшись достояніемъ григорьевскихъ бандъ.

Но горевать о нихъ было некогда.

Я быстро возвратился въ ресторанъ и доложилъ генералу о полученномъ извѣстіи, которое со словъ французскаго коменданта гостиницы — капитана Ланжерона — успѣло уже взволновать всѣхъ живущихъ въ ней. И настроеніе безпечно веселившихся представителей высшаго петербургско-московскаго общества быстро измѣнилось.

Поднялась суматоха, близкая къ паникѣ.

— Они сейчасъ ворвутся сюда, въ гостиницу!...

А со стороны вокзала въ это время уже ясно доносились звуки ружейныхъ залповъ, производимыхъ, повидимому, ворвавшимися въ городъ „григорьевцами“ на страхъ буржуямъ.

Какія-то дамы бились въ истерикѣ.

Мой генералъ, нервно попыхивавшій сигарой, приказалъ мнѣ немедленно направиться съ вѣстовымъ къ вокзалу.

— Постарайтесь выяснить обстановку и, кстати, спасти и остальныя вещи... Жаль ихъ оставлять этимъ мерзавцамъ!

Дѣлать было нечего.

Я сѣлъ съ вѣстовымъ на его же извозчика, терпѣливо дожидавшагося у подъѣзда гостиницы, и по Пушкинской улицѣ направился къ вокзалу.

Но добраться до него намъ такъ и не пришлось...

Еще на полпути привычнымъ глазомъ мнѣ удалось замѣтить двигавшіяся въ глубинѣ улицы группы всадниковъ — это были разъѣзды знаменитыхъ „гайдамаковъ“ — и я приказалъ извозчику повернуть обратно въ сторону „Лондонской“, ибо встрѣча съ разъѣздомъ предвѣщала бѣду...

Генерала къ моменту моего возвращенія въ гостиницу уже въ ней не оказалось. Какъ я узналъ, незадолго до того онъ укатилъ на автомобилѣ въ портъ, сопровождая туда семью Великаго Князя Михаила Александровича, состоявшую изъ его жены, графини Брасовой, и двухъ дѣтей — дѣвочки и мальчика... Этимъ мальчикомъ и былъ тотъ самый очаровательный и красивый юноша Джерджи,

который спустя четырнадцать лѣтъ трагически погибъ въ автомобильной катастрофѣ на дорогѣ изъ Парижа въ Каннъ.

Все семейство Великаго Князя было тогда принято на бортъ, стоявшаго въ порту, французскаго миноносца и благополучно доставлено въ Царьградъ, откуда гр. Брасова съ дѣтьми уже могла свободно слѣдовать въ любое европейское государство.

Французскій дессантъ, находившійся въ порту, рѣшилъ тѣмъ временемъ приступить къ „энергичнымъ дѣйствіямъ" и „продвинулся" — не далѣе, впрочемъ, какъ на... два квартала по Николаевской набережной.

Это кажется смѣшнымъ, но, тѣмъ не менѣе, было именно такъ.

Углубляться въ городъ и способствовать сохраненію въ немъ порядка и безопасности мирныхъ гражданъ — наши доблестные союзники не пожелали. И, ограничившись установкою пулеметовъ на углахъ набережной, они все свое вниманіе сосредоточили на бдительной охранѣ хорошо извѣстной читателю Лондонской гостиницы, вѣроятно, главнымъ образомъ потому, что въ ней обосновался упитанный, самодовольный и широко извѣстный впослѣдствіи ихъ комендантъ Ланжеронъ.

Охваченные паникой петербуржцы и москвичи, впрочемъ, снова были счастливы и могли на время опять успокоиться и продолжать благодушествовать въ „Лондонской" подъ охраною французскихъ солдатъ...

И кого только не было въ эти памятные дни въ этомъ шикарномъ убѣжищѣ?.. Укрывались въ немъ недавніе царскіе министры и генералы, высшіе сановники рухнувшей Имперіи и извѣстные артисты (Фигнеръ, Смирновъ, Собиновъ), знаменитые писатели (Бунинъ, Чириковъ, Аверченко) оперныя (Липковская) и кинематографическія звѣзды (Вѣра Холодная), финансовые тузы (Манташевъ, Путиловъ, Ліанозовъ) и всякіе дѣльцы... А въ

глубинѣ Одессы, въ это время уже свободно неистовствовали разгульныя банды, грабившія и убивавшія направо и налѣво, ничуть не опасаясь „интервенціи“ союзныхъ военныхъ кораблей и транспортовъ съ войсками, преспокойно стоявшими въ порту и не желавшими ударить палецъ о палецъ, чтобы помочь невиннымъ и несчастнымъ гражданамъ огромнаго города...

Мы знали объ этомъ и недоумѣвали... Недоумѣвали потому, что еще полнымъ сердцемъ вѣрили въ союзниковъ.

Наивными мы перестали быть уже значительно позднѣе...

Но нашелся вскорѣ отважный и энергичный человѣкъ, сумѣвшій на долгій срокъ отогнать отъ Одессы нависшіе надъ нею осенью 1918 года кошмары.

Этимъ человѣкомъ былъ доблестный генералъ Гришинъ-Алмазовъ, только что прибывшій со спеціальнымъ порученіемъ отъ адмирала Колчака и быстро сформировавшій отрядъ изъ подобныхъ себѣ смѣльчаковъ и въ два-три удара очистившій отъ бандъ всю Одессу.

Городъ вздохнулъ свободно и сталъ оправляться.

Начались въ немъ добровольческія формированія и отсюда потекла обильная помощь въ нужныхъ людяхъ на фронты бѣлой арміи Кавказа и Крыма. Записался и я въ армію генерала Деникина, явившись въ особое гвардейское бюро, уже широко развернувшее въ Одессѣ свою работу подъ умѣлымъ руководствомъ энергичнаго капитана Л.-Гв. Преображенскаго полка Литовченко.

Вскорѣ мнѣ удалось встрѣтиться въ Одессѣ и со своими друзьями, старшими однополчанами, къ моей величайшей радости появившимися совсѣмъ неожиданно въ то время, когда я уже намѣревался ѣхать въ Крымъ. Это былъ полковникъ С. И. Энтель, а за нимъ послѣдовали капитанъ Ю. Б. Броневскій и поручики — графъ А. А. Бобринскій, В. Н.

Тютчевъ, В. Р. Вольфъ, а также прикомандированный корнетъ А. Б. Броневскій.

Всѣ мои друзья весьма странно и непривычно для глазъ выглядѣли въ штатскомъ платьѣ: послѣ паденія гетмана имъ съ опасностью для жизни пришлось пробираться въ Одессу изъ Кіева черезъ пылавшій огнемъ всякихъ возстаній районъ...

Оріентироваться — въ обществѣ своихъ товарищей и однополчанъ — сдѣлалось значительно легче. Вскорѣ я, вмѣстѣ съ ними, выѣхалъ въ Севастополь, и даже солидно кутнулъ наканунѣ отъѣзда въ кабарэ „Зеленый попугай“.

А на слѣдующее утро мы уже плыли моремъ, весьма прилично размѣстившись на большомъ океанскомъ пароходѣ „Русь“... Но, когда онъ выходилъ изъ порта, навстрѣчу ему попался какой-то иностранный транспортъ, который тотчасъ-же сталъ подавать намъ сигналы... Нашъ гигантъ „вѣжливо“ задержался, и вскорѣ къ его борту подошелъ большой катеръ, выпустившій но нашъ трапъ нѣсколько десятковъ офицеровъ въ англійской формѣ, но съ русскими погонами.

Какъ оказалось, все это были офицеры Особой русской дивизіи Салоникскаго фронта, оперировавшей тамъ съ 1916 года подъ командой доблестныхъ генераловъ Дитерихса, Тарановскаго и Леонтьева, и дольше всѣхъ остальныхъ частей русской арміи сохранившей внутренній порядокъ. Впослѣдствіи, конечно, и эти македонскія части разложились и перестали существовать.

Среди поднявшихся на нашъ бортъ „салоникцевъ“ находился и нашъ милѣйшій однополчанинъ, поручикъ князь Андрей Анатольевичъ Лобановъ-Ростовскій. Поговорить всѣмъ намъ было о чемъ — и, оживленно бесѣдуя, мы совсѣмъ не замѣтили, какъ къ вечеру, вдали, уже выросъ Севастополь.

И вскорѣ мы вышли на берегъ для новыхъ и пестрыхъ переживаній, ожидавшихъ насъ впереди, вмѣстѣ со всѣми тревогами и невзгодами.

ВЕСНА 1919 ГОДА.

Въ это памятное утро, среднихъ чиселъ апрѣля, я еще спалъ крѣпкимъ сномъ въ номерѣ своей гостиницы, когда кто-то рѣзко сдернулъ съ меня одѣяло, самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушивъ мои мирныя грезы.

— Быстро, быстро!.. довольно нѣжничать!.. вставай, собирайся и направляйся на пристань... Черезъ два часа ѣдемъ съ тобою въ Одессу... Да скорѣе же, мой другъ, уже поздно!

Я открылъ глаза и увидѣлъ нашего старшаго полковника, общаго любимца Николая Михайловича Никонова, прибывшаго съ фронта. Какъ оказалось, полковникъ спѣшно забиралъ меня съ собой въ Одессу для полученія пулеметовъ и другого необходимаго полку имущества.

— Живѣе-же мой другъ! — настойчиво гремѣлъ голосъ Никонова. — Мы съ тобой сейчасъ поплывемъ на большомъ океанскомъ транспортѣ со штабомъ командующаго греческими войсками. Будь готовъ черезъ минутъ двадцать, а я пока побѣгу въ штабъ за документами и литерами... Итакъ до скораго!

Весь — одно движеніе и энергія, милѣйшій полковникъ исчезъ за дверьми... Хорошо уясняя, что для, размышленій мнѣ не было предоставлено даже лишней секунды, я стремительно одѣлся, собрался и, спустя часъ, вмѣстѣ съ тѣмъ-же Нико-

новымъ уже плылъ на шлюпкѣ по направленію къ громадному океанскому мастодонту.

. . . .

Прошло не болѣе двухъ часовъ послѣ моего невольнаго пробужденія въ номерѣ гостиницы, а я уже находился въ открытомъ морѣ, спокойную гладь котораго мощно рѣзалъ зарывшійся впередъ гигантскій носъ океанскаго парохода. Послѣдній былъ наполненъ военными, преимущественно офицерами весьма многолюднаго греческаго штаба, а также солдатами греческой и французской арміи, которыхъ въ общей сложности было около двухъ тысячъ.

Пребывали въ числѣ нашихъ спутниковъ и русскіе офицеры, подобно намъ направлявшіеся въ Одессу во главѣ съ бравымъ адмираломъ кн. Трубецкимъ, являвшимся старшимъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Погода стояла прекрасная, весенняя, дававшая возможность съ пріятностью проводить время на палубѣ, любуясь видомъ и красками погруженнаго въ спокойствіе Чернаго моря.

Пароходныя палубы были запружены разгуливавшей греческой и французской военщиной, что давало возможность спокойно и объективно наблюдать солдатъ этихъ обѣихъ армій и дѣлать соотвѣтствующіе выводы о ихъ внѣшности и поведеніи. При этомъ слѣдуетъ отдать справедливость грекамъ: всѣ они выдѣлялись ростомъ, опрятностью, совершенно новымъ обмундированіемъ и замѣтною склонностью при всѣхъ обстоятельствахъ держать себя въ приличныхъ рамкахъ военной дисциплины солдатъ мирнаго времени. Совсѣмъ не то можно было сказать о представителяхъ арміи „прекрасной“ Франціи, плывшихъ съ нами на этомъ же пароходѣ... Какъ и всегда, они представляли весьма печальную картину солдатской расхлябанности, типичнаго нахальства соединеннаго съ крик-

ливостью и крайнею неопрятностью своихъ одеждъ и тѣлъ.

. . . .

Прекрасно устроившись въ отведенной намъ большой каютѣ, полковникъ Никоновъ и я вечеромъ получили приглашеніе къ штабному ужину греческихъ офицеровъ, каковымъ и воспользовались съ большой охотой.

Принимавшіе насъ въ своей средѣ греки были въ высшей степени любезны, внимательны, хлѣбосольны, и, проведя въ ихъ обществѣ за столомъ и стаканомъ вина добрую половину ночи, я ничего теперь не могу сказать, кромѣ самаго хорошаго, о представителяхъ греческаго народа, которыхъ до того времени я почти не зналъ.

Сидя съ нами за вечернею трапезой, любезные греки, конечно, очень много говорили о Россіи и ея серьезныхъ полныхъ трагизма текущихъ дняхъ... Признаюсь, что разговоры и полныя оптимизма сужденія греческихъ офицеровъ, мнѣ лично было слушать до крайности пріятно и отрадно.

— Не безпокойтесь и вѣрьте намъ! — съ улыбкою увѣрялъ меня милый греческій полковникъ. — Вѣрьте, что мы сумѣемъ ликвидировать всѣ ваши непріятности ранѣе, чѣмъ вы предполагаете... Нашъ корпусъ уже готовъ къ наступленію. Въ теченіе мѣсяца мы съ гарантіей очистимъ весь югъ Россіи. Тогда ваша доблестная армія проширится, укрѣпится и къ осени уже будемъ вмѣстѣ въ Москвѣ... Къ осени мы будемъ съ вами гулять по вашей старой столицѣ. Вѣрьте, что мы васъ не обманемъ...

Я внимательно слушалъ вполнѣ искреннія и простодушныя рѣчи милаго полковника, причемъ мнѣ дѣйствительно хотѣлось вѣрить, что все будетъ такъ, какъ онъ говорилъ.

Но судьба, повидимому, рѣшила иначе.

Прошло всего двѣ недѣли съ момента нашей бесѣды на пароходѣ — и греческіе полки въ пол-

номъ безпорядкѣ бѣжали отъ бандъ „григорьевцевъ“, повидимому, весьма удивлявшихся своей блистательной побѣдѣ надъ иностранною арміей.

. . . .

Въ Одессѣ, куда мы прибыли на слѣдующее утро, намъ пришлось развить максимальную энергію при выполненіи возложенныхъ на насъ порученій.

Наши старанія оказались не безуспѣшными — и необходимые для полка пулеметы и инженерное имущество были получены изъ арсенальныхъ складовъ въ кратчайшій срокъ, въ какіе-нибудь два дня.

Тамъ-же въ Одессѣ, разыскали мы и нашего офицера графа А. А. Бобринскаго, а черезъ сутки уже появился въ нашемъ обществѣ и мой другъ баронъ В. Р. Пфейлицеръ фонъ Франкъ, поспѣшившій изъ Севастополя къ намъ вдогонку. . . Такимъ образомъ, насъ теперь собралось въ Одессѣ четверо — четверо однополчанъ, маленькую и дружную группу коихъ возглавлялъ нашъ милѣйшій полковникъ Н. М. Никоновъ.

Но совмѣстное наше пребываніе въ Одессѣ не могло быть долгимъ.

Уже на четвертый день полковникъ категорически рѣшилъ отбыть обратно на фронтъ, захвативъ съ собою и графа Бобринскаго, которому, по его мнѣнію, въ Одессѣ теперь ничего больше не оставалось дѣлать. Что касается меня, то мои служебныя дѣла укладывались нѣсколько иначе: я долженъ былъ задержаться въ Одессѣ на нѣкоторый срокъ, дабы, погрузивъ полученное имущество на соотвѣтствующій пароходъ, идти съ нимъ вмѣстѣ обратнымъ путемъ на Севастополь. Задерживался по личнымъ дѣламъ въ Одессѣ дня на два и баронъ Франкъ.

Такъ на первыхъ порахъ и порѣшили и, порѣшивъ, — собрались провести послѣдній вечеръ наканунѣ отъѣзда полковника и графа въ одномъ

изъ шумныхъ одесскихъ варьетэ, что и было приведено въ исполненіе безъ всякихъ особенныхъ затрудненій.

Весело объединившись за ресторанным столикомъ, мы прокутили, такимъ образомъ, до ранняго утра, возвратясь въ гостиницу вмѣстѣ съ апрѣльскимъ разсвѣтомъ.

Кое-какъ прилегли, дабы хоть немного отдохнуть передъ утреннимъ отбытіемъ парохода, съ которымъ должны были уѣхать графъ Бобринскій и, увлекавшій его съ собою, полковникъ.

Но забыться сномъ мнѣ не удалось ни на минуту.

Едва я закрылъ глаза, какъ вошедшій номерной осторожно принялся меня будить, прося немедленно выйти въ коридоръ по требованію „одного господина офицера" который очень извиняется за безпокойство...

— Они говорятъ, что очень срочное и важное дѣло, — отрапортовалъ номерной настойчиво. — Просятъ прощенія, но говорятъ, что иначе обойтись не могутъ.

Съ неохотою поднявшись, я исполнилъ странную просьбу „господина офицера", вышелъ въ коридоръ и замеръ отъ удивленія... Передо мною стоялъ милѣйшій графъ Бобринскій, — тотъ самый, съ которымъ я провелъ всю ночь за ресторанным столикомъ и всего какой-либо часъ, какъ разстался у дверей номера, въ которомъ я помѣщался вмѣстѣ съ полковникомъ Никоновымъ.

Изобразивъ всею своею фигурой вопросительный знакъ, я широко открытыми глазами смотрѣлъ на моего однополчанина и друга.

— Въ чемъ дѣло? Въ чемъ дѣло, милый? — едва успѣлъ я пробормотать съ нѣкоторымъ испугомъ. — Что произошло?..

— Прости еще разъ! — началъ милый графъ, на рѣдкость деликатный и воспитанный, сбиваясь и обнаруживая крайнее смущеніе, — но у меня къ тебѣ одна просьба, которую ты, надѣюсь, поймешь

и не откажешься исполнить... Прошу тебя вѣрить, что вопросъ для меня очень серьезный... Ты остаешься здѣсь, а я сейчасъ долженъ уѣхать... Нельзя сдѣлать такъ, чтобы ты поѣхалъ, а я остался въ Одессѣ?.. Вѣдь это не надолго... Всего на нѣсколько еще дней... Очень прошу... Не можешь ли ты уговорить полковника измѣнить распоряженіе...

— Хорошо! — сказалъ я, нѣсколько опѣшившій въ свою очередь. Но въ чемъ дѣло, что случилось? Что нибудь очень важное?..

Бѣдный графъ смутился еще больше.

— Для меня... очень важное, если хочешь! — съ трудомъ проговорилъ онъ. — Все дѣло въ томъ, что черезъ два дня назначена моя свадьба... Прошу тебя...

Мнѣ показалось, что, прямо смотрѣвшіе на меня, глаза графа подернулись тонкою пленкой слезъ.

Создавшееся положеніе было столь необычнымъ и трогательнымъ, что я не могъ остановиться передъ рѣшеніемъ разбудить полковника Никонова, уже крѣпко спавшаго послѣ весело проведенной ночи.

Полковникъ проснулся, и, увы, мое ходатайство за графа Бобринскаго на этотъ разъ представилось не столь легкимъ. Правда, добрѣйшій Николай Михайловичъ въ результатѣ все-же измѣнилъ свое первоначальное распоряженіе, но послѣ долгихъ уговоровъ...

Судьбѣ было угодно, чтобы въ качествѣ его обратнаго спутника въ Севастополь снова оказался я, а не графъ Бобринскій, полный радостныхъ надеждъ на скорое соединеніе съ любимой женщиной.

Спустя какой-нибудь часъ онъ вмѣстѣ съ барономъ Франкомъ явился на пристань дабы проводить насъ.

— Черезъ какихъ-нибудь нѣсколько дней увидимся! — говорили намъ Франкъ и Бобринскій при прощаніи. — Даемъ вамъ слово, что выѣдемъ

изъ Одессы со слѣдующимъ рейсовымъ пароходомъ!

— Да, да скорѣе пріѣзжайте!... А ты, графъ, вези и милѣйшую графинюшку...

Полный самыхъ радужныхъ надеждъ, графъ Бобринскій весь сіялъ отъ счастья.

Бѣдный, милый и, повидимому, не на шутку влюбленный въ эти минуты графъ... Развѣ могъ онъ тогда чувствовать, какія горькія непріятности ждутъ его въ ближайшемъ будущемъ и что не черезъ два дня, а лишь черезъ мѣсяцъ ему удастся соединиться съ любимой женщиной, и не въ Одессѣ, а на турецкомъ островѣ Халки?.... Не приходило въ голову и намъ съ добрѣйшимъ полковникомъ, что новое свиданіе съ провожавшими насъ друзьями-однополчанами тоже произойдетъ не въ ближайшіе дни, а черезъ нѣсколько долгихъ и полныхъ всякихъ тревогъ мѣсяцевъ...

. . . .

Возвратившись въ Севастополь, мы стали ожидать прибытія нашего военнаго груза изъ Одессы и въ то же время понемногу готовиться къ скорому отбытію на фронтъ.

. . . .

Въ теченіе этихъ нѣсколькихъ дней ожиданія сидѣть безвыѣздно въ Севастополѣ было скучно...

Имѣя большихъ друзей въ Балаклавѣ — семью полковника Мессарошъ — я рѣшилъ въ одно изъ ближайшихъ воскресеній направиться къ нимъ на дачу. Мой неизмѣнный пріятель поручикъ В. Р. Вольфъ съ охотою согласился мнѣ сопутствовать.

Балаклава отъ Севастополя — не за горами, а потому, проведя въ домѣ моихъ знакомыхъ все воскресное утро, мы къ обѣденному часу уже возвратились обратно и тотчасъ-же направились въ севастопольское Морское Собраніе. Когда мы туда прибыли, его буфетная и столовая залы были уже переполнены флотскими и сухопутными

офицерами, пребывавшими въ самомъ хорошемъ настроеніи. Всѣ столики были заняты, повсюду раздавались беззаботный смѣхъ и веселыя шутки, проворная прислуга не успѣвала подавать кушанья и откупоренныя бутылки.

Съ трудомъ отыскавъ свободное мѣсто, я кое-какъ „втиснулся" въ небольшую компанію знакомыхъ мнѣ офицеровъ и принялся за ѣду. Съ аппетитомъ съѣлъ супъ и уже готовъ былъ приняться за второе блюдо, какъ кто-то неожиданно и нервно опустилъ мнѣ руку на плечо и чей-то знакомый голосъ, въ которомъ слышалось безпокойство, не громко назвалъ меня по имени и отчеству.

Я вздрогнулъ и обернулся.

За моимъ стуломъ стоялъ членъ Государственной Думы В. М. Пуришкевичъ, выраженіе лица котораго — и безъ того всегда нервнаго и подверженнаго тику праваго глаза — не предвѣщало ничего добраго.

Пуришкевичъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и всею своею фигурой выявлялъ крайнее душевное волненіе.

— Идите за мною въ салонъ!... Я долженъ вамъ сказать нѣсколько словъ... И притомъ очень важныхъ.

Я поспѣшно всталъ и послѣдовалъ за Владиміромъ Митрофановичемъ.

Кругомъ все было такъ-же шумно и весело, гремѣлъ молодой смѣхъ и звенѣла посуда.

Сдѣлавъ быстро нѣсколько шаговъ въ сторону салона, гдѣ должна была произойти наша бесѣда, Пуришкевичъ, повидимому, не выдержалъ и, снова ухвативъ меня за руку какою-то „мертвою хваткой", почти прошипѣлъ мнѣ на ухо:

— Одесса сдана!... сдана большевикамъ... Французы отошли въ Румынію... Понимаете?!...

Совершенно опѣшивъ, я собрался что-то сказать или отвѣтить, но, популярный въ свое время,

русскій трибунъ не далъ мнѣ открыть рта и почти скороговоркой продолжалъ:

— Французы отошли на Румынію, понятно вамъ это? Пароходъ, шедшій послѣ оставленія Одессы въ Севастополь, потерпѣлъ аварію у Балаклавы... Здѣсь уже находится одинъ изъ его пассажировъ... Онъ пріѣхалъ изъ Балаклавы автомобилемъ и знаетъ всѣ подробности...

При этихъ словахъ Владиміръ Митрофановичъ указалъ мнѣ на приличнаго вида господина, стоявшаго вь дальнемъ углу салона и повелъ меня къ нему навстрѣчу.

Мы познакомились.

— Это мой старый сотрудникъ! — сказалъ Пуришкевичъ. — Прошу васъ немедленно же направиться съ нимъ къ коменданту крѣпости, генералу Субботину, которому мой пріятель доложитъ все подробно... Скандалъ невѣроятный!... Вотъ вамъ и французы съ греками!...

Я поспѣшно двинулся исполнять порученіе Владиміра Митрофановича, чувствуя въ эту минуту, что у меня самого пошла кругомъ голова.

Было воскресенье, и проникнуть немедленно къ коменданту оказалось не такимъ простымъ и легкимъ дѣломъ. Пришлось не мало потрудиться и поговорить въ штабѣ крѣпости, такъ какъ генералъ Субботинъ отдыхалъ послѣ обѣда, и намъ удалось увидѣть лишь его начальника штаба.

Спѣша и волнуясь, я передалъ ему сообщеніе Пуришкевича.

Къ моему величайшему удивленію генералъ принялъ его болѣе чѣмъ спокойно и, добродушно улыбнувшись, сказалъ:

— Ну, это что-то не такъ!... Милѣйшаго Владиміра Митрофановича, повидимому, плохо информировали... Во всякомъ случаѣ, извѣстія эти во много разъ преувеличены... Какъ же можетъ быть Одесса сдана, когда мы объ этомъ еще ничего не знаемъ? Развѣ это возможно въ дѣйстви-

тельности?! Нѣтъ, дорогой мой, здѣсь что-то не такъ!...

Я ничего болѣе не сказалъ генералу и, представивъ ему господина, прибывшаго изъ Одессы, молча удалился...

. . . .

Къ величайшему несчастью и горю, правда оказалась на сторонѣ Пуришкевича, а не спокойнаго и добродушно настроеннаго генерала: все то, что еще наканунѣ представлялось невѣроятнымъ и дикимъ, способнымъ даже возбудить негодованіе и насмѣшки оптимистовъ — сегодня оказалось горькою дѣйствительностью.

Одесса находилась въ рукахъ красныхъ...

. . . .

Прошло всего еще нѣсколько дней — и злой Рокъ перепуталъ всѣ наши карты и на сѣверѣ Крыма: обѣщавшіе черезъ мѣсяцъ очистить весь югъ и торжественно двинуться на Москву, французы и греки поспѣшно бѣжали, и ихъ флотъ навсегда покинулъ наши черноморскіе берега...

Севастополь былъ эвакуированъ добровольцами.

. . . .

„Немедленно выѣзжайте въ Новороссійскъ и явитесь военному губернатору генералу Кутепову“ — это мнѣ телеграфировалъ штабъ полка, въ данную минуту неизвѣстно гдѣ пребывавшаго...

Собраться мнѣ было не трудно — и въ тотъ же день я уже плылъ съ эвакуировавшимися штабами въ новомъ направленіи.

. . . .

Новороссійскъ...

Только тотъ, кто самъ былъ непосредственнымъ участникомъ всего того, что творилось въ немъ въ эти кошмарные дни, можетъ понять, въ

какую обстановку я попалъ немедленно же послѣ моего прибытія изъ Севастополя. Достаточно лишь упомянуть, что первую ночь — и то по „протекціи“ моихъ старыхъ друзей — я провелъ подъ роялемъ въ залѣ портоваго кабачка, чему множество другихъ постояльцевъ того же невзрачнаго учрежденія искренно завидовали. Кабачокъ былъ до такой степени забитъ пріѣзжими, что ночлегъ, подобный моему, представлялся подлинною роскошью: подъ роялемъ можно было свободно лечь и вытянуться, тогда какъ большинство моихъ сосѣдей по комнатѣ должны были довольствоваться утомительнымъ ночнымъ сидѣніемъ на собственныхъ чемоданахъ...

Притокъ бѣженцевъ въ Новороссійскъ не прерывался ни на минуту. Ихъ потоки лились по улицамъ, неудержимо проникали въ помѣщенія всевозможныхъ городскихъ учрежденій, штабовъ и канцелярій; чуть-ли не съ бою брали ресторанныя залы, столовки и чайныя. Всѣ эти мѣста превращались въ ночлежки, соединявшія въ своихъ стѣнахъ обездоленныхъ и панически настроенныхъ жителей Одессы, Тавріи, Крыма и Закавказья, кое-какъ успѣвшихъ добраться до превращеннаго въ муравейникъ Новороссійска, казавшагося имъ теперь обѣтованною землей. Были превращены въ ночлежки и всѣ товарные вагоны многочисленныхъ составовъ, стоявшихъ на желѣзнодорожныхъ путяхъ безъ всякой надежды когда-либо двинуться въ путь.

Проведя ночь въ моемъ необычномъ, но достаточно спокойномъ убѣжищѣ, я направился утромъ въ штабъ генерала Кутепова, дабы явиться по случаю своего прибытія въ Новороссійскъ.

На полдорогѣ меня встрѣтилъ знакомый офицеръ — кексгольмецъ, неожиданно задавшій, весьма удивившій меня, вопросъ:

— Вы куда? Къ своимъ на пароходъ?

— Къ какимъ своимъ? — широко открылъ я глаза. — На какой пароходъ?

— Какъ, на какой пароходъ? Развѣ вы еще не знаете?

— Ничего, конечно, не знаю!... Я только вчера пріѣхалъ сюда изъ Севастополя.. Сейчасъ иду являться...

— Въ такомъ случаѣ могу сообщить пріятную для васъ новость: изъ Керчи пришелъ отдѣльный пароходъ съ хозяйственною частью Сводно-Гвардейскаго полка, а съ нею вмѣстѣ пріѣхали въ Новороссійскъ и нѣсколько вашихъ офицеровъ съ солдатами... Я ихъ видѣлъ... Тамъ Петровъ, Вольфъ, Штейнъ и др.

Не помня себя отъ радости, я тотчасъ-же побѣжалъ въ портъ, гдѣ и убѣдился въ томъ, что мой милый кексгольмецъ не вводилъ меня въ заблужденіе...

Моя встрѣча съ однополчанами походила на встрѣчу друзей-мореплавателей, неожиданно встрѣтившихся послѣ многолѣтняго пребыванія на противоположныхъ полюсахъ земного шара... Нечего и упоминать о томъ, что я немедленно же перебрался на жительство на пароходъ, пославъ вѣстовыхъ за вещами въ кабачокъ, любезно пріютившій меня минувшею ночью подъ роялемъ...

. . . .

Черезъ два дня 7-20 апрѣля мы всѣ вмѣстѣ праздновали Пасху 1919 года.

Я хорошо помню Свѣтлую заутреню, отслуженную весьма торжественно на пароходѣ и замѣтно приподнявшую общее настроеніе присутствовавшихъ.

Ярко горѣли свѣчи. Умилительно пѣли „Христосъ Воскресе“ и „Воскресенія день — просвѣтимся торжествомъ“. И многимъ казалось, что все то, что теперь совершается, — является, если не сномъ, то, во всякомъ случаѣ, какимъ-то чудовищнымъ недоразумѣніемъ, каковое должно разсѣяться въ самомъ недалекомъ будущемъ. Казалось страннымъ, почему мы всѣ, ни въ чемъ не повинные русскіе

люди, должны были проводить эту Пасху, эту заутреню, гдѣ-то въ Новороссійскомъ порту, ютясь на пароходѣ, а не пребывая на своихъ родныхъ мѣстахъ, среди близкихъ людей, въ своихъ насиженныхъ гнѣздахъ...

И смотря на тихій блескъ восковыхъ свѣчей и слушая радостныя пѣснопѣнія пасхальной ночи — никто тогда не могъ предположить, что упомянутое выше „недоразумѣніе“ затянется на десятки лѣтъ и принудитъ нѣкоторыхъ изъ насъ вообще не посѣщать накакихъ заутренъ долгіе годы...

. . . .

Но ту Пасху мы встрѣтили радостно пріятно и даже не безъ роскоши...

Послѣднее обстоятельство объяснялось энергіей и дѣловитостью нашей хозяйственной части, которая, эвакуируясь изъ Крыма, погрузила на пароходъ изъ складовъ множество всякаго рода съѣстныхъ припасовъ, муки, сахара, фруктовъ, вина, табаку и т. д. И вотъ, благодаря такимъ запасамъ, розговѣны удались на славу.

Не были нами забыты и наши милые сосѣди по стоянію въ порту — обитатели миноносцевъ „Живого“ и „Жаркаго“, встрѣчавшіе Свѣтлый Праздникъ не такъ роскошно... Узнавъ, что на этихъ миноносцахъ находятся, знакомыя по Севастополю, морскія дамы — я послалъ имъ два ящика лучшихъ яблокъ, дессертнаго вина, папиросъ и орѣховъ.

. . . .

А въ то время, когда происходили въ Новороссійскѣ всѣ эти событія, уже извѣстные читателю мои друзья — поручикъ баронъ Пфейлицеръ фонъ Франкъ и графъ Бобринскій — терзались въ полной неизвѣстности на островѣ Халки съ тѣмъ, чтобы вскорѣ отправиться еще въ болѣе далекое плаваніе... на островъ Мальту.

Къ нимъ присоединился и третій нашъ однополчанинъ князь Лобановъ-Ростовскій.

. . . .

Одновременно съ нами находился въ Новороссійскѣ, эвакуированный изъ Одессы, Кіевскій кадетскій корпусъ. И я не могу не остановиться лишній разъ на свѣтломъ воспоминаніи объ этихъ юношахъ, прямо съ классныхъ скамеекъ ставшихъ въ ряды защитниковъ чести Русской земли и запечатлѣвшихъ свою беззавѣтную любовь къ Россіи безконечнымъ рядомъ славныхъ подвиговъ...

Кадетамъ старшихъ классовъ было объявлено, что, въ виду особенностей переживаемаго времени и неопредѣленности будущаго, — имъ предоставляется право поступать въ качествѣ добровольцевъ въ воинскія части. Нечего и добавлять, что подобный приказъ начальства былъ принятъ всѣми кадетами съ восторгомъ. Благодаря нашему случайному пребыванію въ Новороссійскѣ, большая группа отличнѣйшихъ кадетъ поступила къ намъ и впослѣдствіи образовала ядро Гвардейскаго Конно-Подрывного полуэскадрона, въ число бойцовъ котораго вошли также юнкера, идейные юноши студенты-вольноопредѣляющіеся и кадровые кавалерійскіе солдаты.

Исторія не можетъ забыть подвиговъ кадетъ, этихъ полудѣтей, молодыхъ орлятъ, только расправлявшихъ свои могучія крылья и во времена самыхъ тяжелыхъ боевъ ставшихъ самыми самоотверженными воинами, въ полной мѣрѣ поддержавшими славные завѣты и традиціи воспитавшихъ ихъ корпусовъ... А сколько этихъ полудѣтей съ орлиной отвагой отдали свои жизни за честь Россіи и въ какихъ только мѣстахъ злосчастныхъ полей гражданской войны не лилась ихъ молодая и горячая кровь!...

. . . .

Въ Новороссійскѣ мы пробыли до конца апрѣ-

ля, когда намъ было приказано грузиться въ эшелонъ и слѣдовать въ Таганрогъ для новаго формированія.

Подвижной составъ, поданный намъ для погрузки, былъ уже весьма внушительныхъ размѣровъ, ибо наша часть и ячейки другихъ полковъ замѣтно выросли численно, благодаря удачной вербовкѣ кадетъ, юнкеровъ и другихъ добровольцевъ и массы бѣженцевъ, заполнявшихъ въ тѣ дни злополучный Новороссійскъ.

Къ мѣсту своего назначенія, т. е. въ Таганрогъ, нашъ эшелонъ отходилъ вечеромъ одного изъ послѣднихъ дней апрѣля, но ни я, ни мой другъ пор. В. Р. Вольфъ, по нѣкоторой ироніи судьбы, въ этомъ отбытіи непосредственнаго участія не приняли. Причиною этого послужило, увы, одно мое новое увлеченіе, повлекшее за собою небольшой инцидентъ, закончившійся для меня весьма ощутительною, но справедливою встрепкой со стороны начальства.

Виновницей всей этой маленькой исторіи явилась прелестная Татьяна Николаевна, жена одного извѣстнаго петербургскаго артиста, прехорошенькая женщина - полуребенокъ... Познакомившись съ нею въ первые дни своего пребыванія въ Новороссійскѣ, въ обществѣ кутящихъ гвардейскихъ офицеровъ, я вплоть до дня отъѣзда въ Таганрогъ проводилъ въ обществѣ Татьяны Николаевны все свое свободное время. И не было ничего удивительнаго въ томъ, что въ урочный день нашего прощанія съ Новороссійскомъ, я рѣшилъ поужинать съ предметомъ своего увлеченія въ ресторанѣ „Слонъ", въ каковое предпріятіе вовлекъ и своего вѣрнаго друга.

Получивъ завѣреніе дежурнаго по эшелону офицера въ томъ, что нашъ поѣздъ тронется въ путь не ранѣе, какъ позднимъ вечеромъ, мы незамѣтно провели въ обществѣ очаровательной дамы нѣсколько часовъ, вплоть до полуночи, послѣ чего, завезя домой свою даму, очертя голову бросились на вокзалъ, гдѣ въ эшелонѣ уже давно находились

всѣ наши вещи... Увы! пріятныя минуты въ „Слонѣ“ стоили намъ не только уплаченныхъ по счету большихъ денегъ, но и цѣлаго ряда треволненій, усугубленныхъ весьма непріятными физическими ощущеніями: эшелонъ ушелъ до нашего появленія на вокзалѣ, оставивъ насъ на немъ дожидаться пассажирскаго поѣзда, дабы мчаться вдогонку за своею частью... Остались мы въ Новороссійскѣ въ однихъ кителяхъ, что очень мало подходило къ холодной ночи, заставившей насъ продрогнуть до судорогъ...

Свой эшелонъ мы нагнали лишь черезъ два дня.

. . . .

Стояли прелестные дни начала мая, когда мы, послѣ своего прибытія изъ Новороссійска, начали устраиваться въ Таганрогѣ.

Послѣдній былъ прямо прекрасенъ въ весеннемъ уборѣ своихъ многочисленныхъ садовъ, засыпанныхъ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ яблонь и абрикосовъ и благоухавшихъ черемухой и сиренью. А, вмѣстѣ съ расцвѣтомъ весны, начали снова расцвѣтать и наши надежды на лучшее будущее. Съ фронта стали доходить извѣстія о возобновившихся успѣхахъ добровольцевъ, и жители, успѣвшіе уже въ достаточной степени настрадаться отъ большевиковъ, принимали насъ, какъ истинныхъ и давно жданныхъ освободителей.

Въ Таганрогѣ мы устроились недурно.

Наши солдаты были размѣщены въ павильонахъ городского парка, что же касается насъ, четырехъ офицеровъ, то на нашу долю выпало удовольствіе получить пріютъ въ скромной, но милой семьѣ таганрогскихъ обывателей, о которыхъ я до сихъ поръ вспоминаю съ теплымъ чувствомъ искренной благодарности. Хозяевами дома, насъ пріютившаго, были: скромная вдова съ двумя дочерьми - бѣлошвейками. И вотъ эти милыя женщины окружили насъ, людей въ достаточной степени

утомленныхъ кочевою жизнью и постоянными треволненіями, чисто родственными заботами и лаской.

. . . .

Наступило время формированія и обученія нашей части, за каковое дѣло мы съ Вольфомъ, съ полною вѣрою въ успѣхъ, и принялись съ удвоенной энергіей.

Комендантъ города, доблестный генералъ и георгіевскій кавалеръ Павловскій, дѣлалъ все отъ него зависящее, дабы способствовать наиболѣе блестящему выполненію нашей задачи. Мы получали лучшихъ кадровыхъ солдатъ изъ числа мобилизованныхъ Добровольческой арміей гражданъ, пополнили нашъ конскій составъ прекрасными лошадьми и чуть ли не ежедневно принимали изъ складовъ всевозможное военное имущество, необходимое для безбѣднаго существованія новой части. Работая не покладая рукъ, мы съ моимъ другомъ и блестящимъ организаторомъ Вольфомъ постепенно пустили въ ходъ швальныя, шорныя и другія мастерскія, быстро снабдившія всѣхъ нашихъ солдатъ обмундированіемъ и приведшія въ приличный видъ сѣдла и другое конское снаряженіе.

Конно - Подрывная команда Сводно - Гвардейскаго полка укомплектовалась молодыми добровольцами настолько, что наименованіе команды оказалось для нея недостаточнымъ и вскорѣ она его перемѣнила на Гвардейскій Конно - Подрывной полуэскадронъ, численный составъ котораго превосходилъ большинство существовавшихъ эскадроновъ.

Весна переходила въ лѣто, благоухали таганрогскіе сады. весело улыбалось намъ южное голубое небо.

Настроеніе наше было самымъ радужнымъ. Мы всѣ какъ-бы переживали вторую юность и, какъ дѣти, радовались ежедневнымъ выходамъ на ученье въ обширномъ таганрогскомъ паркѣ, сла-

вившемся своими поэтическими аллеями, или за городъ — на „зеленую травку“.

Одинъ за другимъ стали стягиваться изъ разныхъ мѣстъ наши офицеры, не взирая на различіе возрастовъ, полные тѣхъ-же радужныхъ чувствъ... Изъ ставки Главнокомандующаго прибылъ и полковникъ Н. М. Никоновъ, а вслѣдъ за нимъ — полковникъ Ю. Б. Броневскій; изъ Крыма въ Бердянскъ въ это время перебралась и наша кадровая часть подъ командой полковника В. Г. Авенаріуса; пріѣхали наши офицеры: Н. П. Поморскій, С. Д. Ивановъ и И. Е. Штейнъ.

Теперь, когда прошло семнадцать лѣтъ трудно себѣ представить всю радость и одушевленіе, какія неизмѣнно владѣли нами при обученіи нашихъ добровольцевъ, въ свою очередь полныхъ самыхъ искреннихъ патріотическихъ чувствъ и желаніе до конца послужить страдающей родинѣ. И въ то-же время не было человѣка, который сомнѣвался бы въ успѣхѣ нашего дѣла и не вѣрилъ бы въ скорое возрожденіе Россіи и очищеніе ея отъ революціоннаго угара.

Многіе и изъ старыхъ солдатъ въ прошломъ принесли не малыя жертвы родинѣ: были среди нихъ люди, помнившіе Великую войну; были добровольцы, побывавшіе въ самымъ тяжелыхъ крымскихъ бояхъ.

— Не можетъ быть, что бы все это пропало даромъ, не можетъ быть, чтобы измѣнники и подлецы торжествовали! — говорили старые бойцы. — Россія не пропадетъ... Россія вернетъ вдвойнѣ свою славу!..

Наступилъ Троицынъ день — день нашего полкового праздника.

Къ этому времени все обученіе и снаряженіе нашей новорожденной части было уже закончено настолько, что мы смогли предстать на праздничномъ парадѣ въ столь блестящемъ видѣ, что привели въ восхищеніе не только прибывшаго съ позиціи и принимавшаго парадъ командира Сводно-

Гвардейскаго Полка генерала П. Э. Тилло, но и большую часть мирнаго населенія города Таганрога, собравшагося къ моменту нашего смотра на площадкѣ и въ аллеяхъ городского парка.

Трудно себѣ представить восторгъ, который овладѣлъ всею этою массою мирныхъ гражданъ, когда наши добровольцы двинулись мимо нихъ подъ звуки родного полкового марша...

Щеголеватые, прекрасно обмундированные, съ погонами на плечахъ, — опять стройно шли подъ командою офицеровъ тѣ-же добрые солдаты мирнаго времени, какихъ не только старый Таганрогъ, но и вся Россія привыкла видѣть въ теченіе десятилѣтій. На глазахъ восторженныхъ таганрогцевъ воочію какъ бы возродилась изъ пепла великая Русская армія, столь страшно разрушенная темною силой въ недавно минувшіе дни.

Многіе плакали отъ радости — и врядъ ли въ многотысячной толпѣ восторженныхъ зрителей былъ хотя бы одинъ человѣкъ, сомнѣвавшійся въ эти минуты въ конечномъ успѣхѣ нашего дѣла. А таганрогское небо, безоблачное и чарующе-голубое радостно улыбалось всѣмъ въ эти часы полною улыбкою счастья, какъ и полагалось ему, впрочемъ, улыбаться въ день Святой Троицы.

Полковой праздникъ не могъ, конечно, закончиться однимъ лишь парадомъ въ тѣнистомъ паркѣ, а нашелъ свое естественное продолженіе въ самомъ шикарномъ городскомъ ресторанѣ, взятомъ на цѣлый день и куда нашими офицерами были приглашены въ качествѣ желанныхъ гостей высшіе представители власти.

Радостные и молодые хозяева, во главѣ съ гостепріимнымъ полковникомъ Никоновымъ дѣлали все отъ нихъ зависящее, дабы превратить нашъ военный праздникъ въ подлинный полковой праздникъ Гвардейскихъ саперъ, любящихъ свою славную часть и ея красивыя традиціи. Гости, впрочемъ, хорошо это чувствовали и сами безъ всякихъ усилій со стороны заботливыхъ хозяевъ.

Во время обѣда, предложеннаго нашимъ милымъ гостямъ и проходившаго подъ звуки гарнизоннаго оркестра и нашихъ пѣсенниковъ,— не было конца самымъ искреннимъ и задушевнымъ здравицамъ, полнымъ вѣры въ скорое разсѣяніе краснаго кошмара, и привѣтствіе новыхъ, благодатныхъ дней измученной Россіи.

Вполнѣ понятно, что одновременно съ офицерами, не менѣе оживленно и весело пировали и солдаты. Ихъ праздничный обѣдъ проходилъ въ тѣнистомъ таганрогскомъ паркѣ, гдѣ уже съ утра были разставлены ряды столовъ, уставленныхъ всевозможными яствами. И центральною фигурой на этомъ обѣдѣ являлся неизмѣнный солдатскій любимецъ — поручикъ Вольфъ, ни на минуту не оставлявшій своихъ подчиненныхъ за все время торжества.

Послѣднее закончилось только съ наступленіемъ сумерекъ, когда наши щеголеватые добровольцы понемногу стали расходиться по аллеямъ парка, гдѣ ихъ уже давно ждали новыя интересныя встрѣчи и знакомства, вполнѣ естественныя для молодыхъ и безхитростныхъ душъ и сердецъ.

Такъ прошелъ нашъ памятный полковой праздникъ 1919 года, оставившій по себѣ одно изъ самыхъ радужныхъ воспоминаній.

Какъ хотѣлось тогда жить, работать, отдать свою жизнь для возрожденія Россіи и ея арміи — и какъ искренно вѣрилось въ то, что наша работа не пропадетъ даромъ...

. . . .

Черезъ нѣсколько дней было назначено наше выступленіе на фронтъ.

ВЪ ТЫЛУ У ПРОТИВНИКА.

— Ваше благородіе!... Ваше благородіе!... Извольте вставать... срочное приказаніе!...

Надо мною стоялъ нашъ бравый вахмистръ Архипенко и, хотя и деликатно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно настойчиво теребилъ меня за плечо.

Я быстро пробудился отъ недолгаго сна и вскочилъ на ноги, торопясь одѣться, въ то время, какъ Архипенко съ тою же неумолимою настойчивостью будилъ, спавшихъ со мною въ одномъ помѣщеніи, капитана Поморскаго и поручика Вольфа.

Когда я посмотрѣлъ на часы, то оказалось, что поспать намъ удалось всего два часа — и все это послѣ того, какъ наканунѣ мы цѣлый день проболтались въ утомительномъ переходѣ и отъ сильной усталости не могли даже поужинать.

Но неожиданный подъемъ среди ночи и возможность боя — каждый изъ насъ предвидѣлъ, а потому ничуть и не удивился раннему визиту Архипенки... Шла гражданская война, и при томъ еще самая ожесточенная, и всѣ мы давно привыкли къ полнѣйшему отрѣшенію отъ личныхъ интересовъ, а тѣмъ болѣе отъ интересовъ своего „я", всецѣло подчинившагося духу и до крайности взвинченнымъ нервамъ.

Черезъ минуту — сна какъ не бывало.

Вошелъ нашъ офицеръ, подпоручикъ Штейнъ, только что прискакавшій изъ штаба отряда.

— Приказанiе отъ генерала Тилло!...

Онъ передалъ пакетъ Н. П. Поморскому — и вслѣдъ затѣмъ все вокругъ засуетилось, задвигалось, зазвенѣло оружiемъ и шпорами, для того чтобы спустя нѣсколько минутъ навсегда исчезнуть изъ деревни, въ которую, кстати сказать, мы пришли всего часа за четыре до этого.

Кругомъ еще стояла темная ночь, и даже на восточной части неба еще не было признаковъ, что она скоро кончится.

— Это хорошо, что еще такъ темно! — поспѣшно мнѣ бросилъ Поморскiй. — Намъ приказано пробраться въ глубокiй тылъ противника и попортить въ нѣсколькихъ мѣстахъ желѣзнодорожный путь!

— Забавно! — замѣтилъ кто-то. — И забавно, и не такъ просто!

— Увидимъ... была не была... Но спѣшить необходимо, такъ какъ уже на разсвѣтѣ должно состояться наступленiе всего отряда, а къ тому времени мы уже должны и взорвать вiадуки, и разворотить все остальное... Приказанiе генерала гласитъ, что мы всѣми силами должны постараться лишить противника возможности что либо вывезти съ узловой желѣзнодорожной станцiи. Тамъ у него, какъ оказывается, цѣлыя горы всякаго имущества...

. . . .

Времени терять было нельзя, такъ какъ драгоцѣнна была каждая минута темноты и ночи, и, разсмотрѣвъ привезенную изъ штаба карту, мы совмѣстно обозначили приблизительный путь нашего движенiя въ темнотѣ, въ незнакомой мѣстности и, самое главное, — въ тылу у противника.

— Ну, какъ?... Проведешь насъ, дядько?... Не подкатишь? — спрашивали мы проводника.

Передъ нами стоялъ невысокiй мужичокъ изъ мѣстныхъ хозяевъ, — одинъ изъ самыхъ важныхъ людей, необходимыхъ для успѣха предпринятой

экспедиціи, согласившійся быть нашимъ проводникомъ до самой желѣзнодорожной линіи.

Одну за другою мы назвали ему рядъ деревень, черезъ которыя долженъ былъ проходить весь отрядъ.

— Знаешь?

— Ну, какъ не знать... Иначе бы не брался... Сами понимаете...

— Ну, такъ смотри, дядько!.. Помни, что теперь война...

И мы двинулись.

. . . .

Ночь была темною, но теплой, безъ всякихъ признаковъ вѣтра, причемъ именно послѣднее обстоятельство далеко не помогало выполненію нашей рискованной задачи. Всякій лишній звукъ при нашемъ движеніи, каждое фырканье коня или какое нибудь побрякиванье металлической части на вьюкахъ, пулеметныхъ тачанкахъ или подрывныхъ двуколкахъ — могли выдать съ головою весь нашъ отрядъ, около полуночи уже вышедшій въ путь изъ спавшей мертвымъ сномъ деревни.

Мы уходили навстрѣчу всякимъ неожиданностямъ въ полномъ составѣ изъ двухъ большихъ взводовъ, при пулеметахъ и, съ наполненными всякими взрывчатыми веществами, двуколками.

Не прошло и получаса, какъ нами была пройдена послѣдняя линія сторожевого охраненія нашихъ главныхъ силъ — и мы, оторвавшись отъ нихъ, шли впередъ, навстрѣчу неизвѣстности, совсѣмъ самостоятельной боевой единицей, предоставленной своей собственной судьбѣ безъ всякой надежды на чью-либо поддержку.

Никто не рѣшался обмолвиться ни единымъ словомъ, ни одна спичка не вспыхнула въ темнотѣ для закуриванія папиросы; и невидимо, и тихо двигались гдѣ-то впереди вѣрные и надежные наши щупальцы-дозоры. Избѣгая населенныхъ мѣстъ, прошли мы такимъ образомъ верстъ 8-10, пока

со стороны Азовскаго моря не повѣяло легкимъ солоноватымъ вѣтеркомъ, тотчасъ же вызвавшимъ въ истомленномъ тѣлѣ непріятную дрожь.

— Кончена ночь! — послышался шопотъ Поморскаго. — Сейчасъ начнетъ свѣтать... станетъ хужѣе!...

Онъ былъ правъ, такъ какъ на востокѣ уже виднѣлась бѣлесоватая полоска разсвѣта, вскорѣ начавшая превращать густую темноту южной ночи въ синеватую мглу.

Гасли и исчезали звѣзды, усилился предразсвѣтный вѣтерокъ...

— Пока... все слава Богу! — опять шепнулъ Поморскій. — Идемъ укрыто и, кажется, не сбиваемся.

Но едва успѣлъ Николай Петровичъ произнести послѣднее слово, какъ — и онъ, и я — неожиданно вздрогнули, полубезсознательно охваченные непріятнымъ чувствомъ, весьма близкимъ къ страху.

— Что это?... Ты слышалъ?

— Да, да... Провались онъ въ болото!... Какъ же это такъ близко?...

Въ томительномъ молчаніи мы шли дальше, полные самыхъ тревожныхъ переживаній, ни на мгновеніе не переставая думать о томъ, что столь рѣзко измѣнило наше настроеніе...

Пусть читатель не думаетъ, что это было что либо безусловно опредѣленное, какъ напримѣръ, человѣческій окликъ или, что еще хуже, — выстрѣлъ изъ винтовки... Ничего подобнаго на нашемъ пути пока не встрѣтилось. Но тотъ изъ читателей, кому пришлось въ военные годы принимать участіе въ дѣлахъ, подобныхъ нашему, — тотчасъ же пойметъ, сколь важною являлась эта ничтожная причина для нашего безпокойства.

Это былъ... крикъ пѣтуха, — крикъ самаго обыкновеннаго пѣтуха, столь обычный для всякаго деревенскаго жителя въ предразсвѣтное время...

Первый пѣтухъ — и больше ничего, что же въ этомъ особеннаго?

Но вотъ, подумайте!... Этотъ самый пѣтухъ тогда заставилъ насъ содрогнуться, пережить самыя тяжелыя минуты, стремительно подумать о собственной возможной гибели и смерти въ самый кратчайшій срокъ... Вспомнить, что главною нашею задачею являлось укрытое движеніе въ сторонѣ отъ всякихъ селеній — по указанію проводника, которому мы всецѣло отдались съ вѣрою и надеждою.

И вдругъ — пѣтухъ!

Откуда онъ могъ взяться?... Значитъ, близко человѣческое жилье, быть можетъ, цѣлая деревня, въ которой могутъ укрываться и наши враги... Мы могли быть легко обнаружены — и тогда, конечно, дѣло сразу-же приняло бы для насъ печальный оборотъ...

. . . .

Къ счастью, все обошлось благополучно.

Вскорѣ слѣва, изъ синей мглы начинавшагося утра выплыла фигура дозорнаго... Это былъ хорошо знакомый мнѣ бывшій студентъ консерваторіи, а теперь отчетливый вольноопредѣляющійся изъ казаковъ Новониколаевской станицы, милѣйшій молодой человѣкъ и пылкій патріотъ.

— Ну, что?

— Все спокойно! — вполголоса доложилъ командиру юноша. — Въ полуверстѣ отсюда, слѣва, брошенный хозяевами хуторъ... Ни одного человѣка въ домѣ... всѣ сбѣжали...

Кто-то негромко разсмѣялся.

— Ну, вотъ вамъ и пѣтухъ... забытый и скучающій пѣтухъ!... Онъ, бѣдняга, и не подозрѣваетъ, какимъ показался намъ орломъ... и страшнымъ!

. . . .

Правый и головной дозоры вскорѣ также дали

знать о себѣ, сообщивъ одновременно о возможности двигаться дальше...

Разсвѣтало все болѣе.

Сквозь сѣрый туманъ уже ясно видна была дорога, бѣжавшая къ тому самому покинутому хутору, о которомъ докладывалъ нашъ дозорный-студентъ.

Переваливъ черезъ балку, мы вскорѣ всѣмъ отрядомъ втянулись въ эту маленькую усадебку, пользуясь случаемъ сдѣлать короткій привалъ, дать конямъ и людямъ малый отдыхъ, и, что являлось самымъ важнымъ — оріентировать карту по мѣстности, выбирая кратчайшій и въ то же время самый укрытый выходъ къ желѣзной дорогѣ.

Брошенный на произволъ судьбы хуторокъ выглядѣлъ весьма благоустроенно. Всѣ его постройки и оставленная обстановка вмѣстѣ съ предметами домашняго хозяйства — указывали на еще недавно царившія здѣсь миръ, уютъ и издавна налаженную скромную, но полную довольства жизнь.. По всему было видно, что хозяева хутора оставляли его поспѣшно, убѣгая куда глаза глядѣли отъ приближавшихся и ожесточенно борющихся частей, встрѣча съ которыми не обѣщала ничего хорошаго...

На небольшомъ дворѣ хуторка имѣлся колодезь съ чистою и студеною водою, что было особенно на руку нашимъ конно-подрывникамъ. Быстро раздобывъ откуда-то ведра и еще какіе-то вмѣстительные сосуды, всѣ они тотчасъ-же принялись носить воду для утоленія своихъ четвероногихъ сподвижниковъ...

Все это движеніе прикрывалось густою растительностью, окружавшею тихій хуторокъ, и не вызывало никакихъ опасеній съ нашей стороны... Быстро и ловко была разобрана кѣмъ то изъ опытныхъ развѣдчиковъ часть черепичной крыши главной постройки. И одинъ изъ кадетъ-пулеметчиковъ, высунувъ голову въ образовавшуюся брешь, долго и внимательно всматривался въ сизыя дали, почти сплошь покрытыя густою и высокою рожью.

Всмотрѣвшись, сталъ прислушиваться — и вскорѣ услышалъ... Вдали, за туманами, ясно возрасталъ шумъ приближавшагося къ нашимъ мѣстамъ поѣздного состава.

— Уже недалеко!... Желѣзная дорога дѣйствуетъ!...

Къ этой желѣзной дорогѣ неслись теперь всѣ наши мысли, все наше вниманіе... Нервы съ каждою минутой напрягались все больше.

— Ну, съ Богомъ! — вполголоса распорядился Поморскій. — По конямъ... маршъ!...

Безмолвные и сосредоточенные, мы тронулись глубокою балкой, снова выславъ впередъ боевые дозоры - щупальцы, шедшіе справа и слѣва по склонамъ.

Заброшенный хуторъ остался позади.

Напряженіе все усиливалось, и каждый изъ всадниковъ отряда былъ въ эти минуты внимательнымъ развѣдчикомъ, зорко всматривавшимся во всякую точку, въ подозрительное волненіе ржи, въ качаніе вѣтромъ ивняка по склонамъ, вызывавшіе тревожныя предположенія.

Впереди шелъ отчаянный Поморскій, за нимъ доблестный Вольфъ и пишущій эти строки, находившіеся при своихъ взводахъ, а за послѣдними — лихой и горячій вахмистръ Архипенко. Въ хвостѣ катились легко одинъ за другимъ на тачанкахъ пулеметы подъ командой милаго юноши Ланкау, бывшаго вице - фельдфебеля Одесскаго корпуса, и, наконецъ, замыкая всю нашу небольшую колонну, двигались вьюки съ подрывнымъ имуществомъ, находившіеся въ вѣдѣніи расторопнаго и отважнаго старшаго унтеръ - офицера Дарагана.

. . . .

Утренніе туманы таяли все больше и больше, уступая мѣсто яснымъ солнечнымъ лучамъ, становившимся все ярче и ярче... Вокругъ развертывались прекраснѣйшіе пейзажи, полные тишины и покоя, столь чуждые всему тому, для чего мы

поспѣшно шли впередъ, къ тянувшемуся уже невдалекѣ желѣзнодорожному полотну.

Мы шли къ разрушенію и смерти, полные желанія мстить и уничтожать.

А вокругъ все было проникнуто вѣяніемъ Божіей благодати, чувствовавшейся въ каждомъ дуновеніи вѣтерка, доносившаго до насъ ароматъ степи, въ каждомъ цвѣточномъ вѣнчикѣ, еще хранившемъ на себѣ капли росы; въ каждомъ птичьемъ крикѣ, все чаще и чаще раздававшемся въ высокихъ травяныхъ заросляхъ.

А мы все шли и шли навстрѣчу... братоубійству...

Такъ было. Такой жестокій удѣлъ былъ положенъ судьбою намъ, нашему злосчастному поколѣнію... Вѣдь только на насъ, изъ огромнаго числа милліоновъ русскихъ людей, жившихъ столѣтіями раньше, — и, быть можетъ, предопредѣленныхъ для жизни въ будущемъ — палъ этотъ страшный братоубійственный жребій. Только намъ суждено было вести самую страшную и самую жестокую изъ войнъ — гражданскую...

Мы двигались по родной землѣ, среди родныхъ нивъ и селеній, — и въ то же время изъ за каждаго угла намъ грозила смерть отъ жесточайшаго врага, своего же собственнаго брата, говорившаго съ нами на одномъ языкѣ, еще вчера исповѣдывавшаго одну съ нами вѣру и отъ младенческихъ лѣтъ дышавшаго съ нами однимъ воздухомъ родныхъ полей и лѣсовъ.

Порою мысли о всемъ этомъ острыми молніями проносились въ усталомъ мозгу, и тогда становились до ужаса больно и страшно.

Въ особенности горько было въ минуты такихъ размышленій смотрѣть на заполнявшую нашъ отрядъ молодежь — чудную нашу русскую молодежь съ вѣчно веселыми и остроумными кадетами, не знавшими усталости юнкерами и, полными беззавѣтнаго патріотизма и желанія жертвеннаго подвига, студентами... Всѣ они, эти прекрасные и чи-

стые сердцемъ юноши, покорно и жизнерадостно устремлялись теперь къ неизвѣстности, ничуть не задумываясь надъ тѣмъ, что черезъ какой нибудь часъ ихъ могли ждать самыя страшныя страданія, увѣчья и даже лютая смерть.

Впереди насъ всѣхъ ждали... братья, но какіе братья!..

Братья самые жестокіе, безжалостные, дышавшіе къ намъ такою ненавистью, о которой не имѣлъ понятія ни одинъ непріятельскій солдатъ во время Великой войны, — никакой нѣмецъ, австріецъ или турокъ... Тѣ, помнится, брали въ плѣнъ и какъ то считались съ международными правилами. Въ этой, гражданской, войнѣ никакихъ правилъ не было, царило невѣроятное ожесточеніе — и объ этомъ хорошо зналъ каждый изъ бойцовъ обѣихъ сторонъ.

Сознаюсь, что мнѣ было въ эти минуты страшно — и, во всякомъ случаѣ, во много разъ, страшнѣе, чѣмъ въ дни давно минувшихъ боевъ гдѣ-нибудь на равнинахъ Галиціи или у Карпатскихъ склоновъ.

. . . .

Прошло около получаса, въ теченіе котораго мы ни на мгновеніе не задержали нашего движенія къ желѣзнодорожному полотну, зорко слѣдя за шедшими впереди и по сторонамъ дозорами...

И вдругъ правый изъ нихъ почему то задержался, затоптался на мѣстѣ какъ бы придя въ замѣшательство... Секунда — и съ той стороны уже ясно донеслось нѣсколько выстрѣловъ, подѣйствовавшихъ на всѣхъ чиновъ отряда, какъ элекрическій токъ...

— Стой!

Задержавъ всю колонну, капитанъ Поморскій тотчасъ-же скрылъ ее въ зарosляхъ высокой пшеницы, а вахмистра и одного кадета-развѣдчика выслалъ въ сторону правыхъ дозорныхъ.

Бравый вахмистръ, поднявъ на дыбы своего горячаго вороного коня и взметая сухую землю, по склону бѣшено понесся выполнять приказаніе. Но доскакать къ дозорнымъ все же онъ не успѣлъ: они теперь сами скатывались къ нему навстрѣчу по отлогой горной возвышенности.

За нею, постепенно учащаясь, звучала ружейная стрѣльба.

Весь отрядъ на минуту замеръ.

А вахмистръ Архипенко тѣмъ временемъ продемонстрировалъ передъ всѣми нами свою удивительную расторопность солдата выучки мирнаго времени и воистину кавалерійскую отвагу... Не раздумывая, онъ во весь опоръ поскакалъ къ тому самому гребню, съ котораго только что откатились дозорные, взлетѣлъ на своемъ бѣшеномъ ворономъ конѣ на самую его вершину, и, картинно вздыбивъ своего красавца, подобно соколу, зорко осмотрѣлъ всю лежавшую за возвышенностью мѣстность.

Еще мгновеніе... и лихой Архипенко такъ-же стремительно летѣлъ уже обратно къ намъ, въ то время какъ около насъ появился и одинъ изъ правыхъ дозорныхъ съ донесеніемъ:

— Изъ за хутора выскочило нѣсколько конныхъ... Это они обстрѣляли нашъ дозоръ... Только о нашемъ отрядѣ они, повидимому, и не подозрѣваютъ!..

Это было похоже на истину: мы всѣ — съ нашими пулеметными тачанками и подрывными вьюками — пребывали скрытно въ глубокой балкѣ, оставаясь до сихъ поръ невидимыми для непріятеля.

— Стойте... я самъ все выясню окончательно! — рванулся, весь вспыхнувшій, Поморскій. — Принимайте командованіе, поручикъ Вольфъ, а я тѣмъ временемъ...

И, давъ шпоры коню, Поморскій полетѣлъ по тому же склону, за которымъ таилась жуткая неизвѣстность, и, быть можетъ, сама смерть...

Подъ командой Вольфа мы тотчасъ же оцѣнили создавшееся положеніе, разомкнулись и, вы-

ставивъ пулеметы, заняли боевое положеніе... Ощетинились...

— А сзади то уже идетъ дѣло! — вдругъ сказалъ кто то. — Послушайте-ка!

Позади насъ, далеко-далеко, дѣйствительно уже гремѣли выстрѣлы... Очевидно, тамъ за нѣсколько верстъ началось то самое наступленіе по всему фронту, для успѣха котораго мы были высланы въ столь рискованную экспедицію...

Почти въ то же время раздался сухой трескъ, визгъ, снова трескъ и завываніе... Всѣ облегченно вздохнули: милый Дараганъ съ нѣсколькими подрывниками, въ эти нѣсколько минутъ общей остановки отряда, съ готовыми запалами доскакали по дну оврага къ віадуку и желѣзнодорожному полотну и взорвали его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Мгновеніе... и они уже мчались обратно.

— Нужно спѣшить! — замѣтилъ Вольфъ. — Весьма вѣроятно, что они отъ насъ въ двухъ шагахъ.

Спокойный и разсудительный Вольфъ — не ошибся: противникъ, несомнѣнно, былъ значительно ближе отъ насъ, чѣмъ мы думали... Мгновеніе — и въ высокой пшеницѣ, покрывавшей впереди значительную часть низменности, обнаружилось за скакавшимъ Дарагаyомъ какое то движеніе, совсѣмъ не похожее на мирную и беззаботную игру вѣтра.

Сомнѣній быть не могло: это приближался врагъ, съ которымъ шутить не приходилось.

— Огонь!..

Наши пулеметы заработали четко и внушительно, доставляя своею трескотней неописуемое удовольствіе обслуживавшей ихъ нашей молодежи. Кадеты и юнкера, суетившіеся около нихъ, повидимому, совсѣмъ и не замѣчали, какъ въ отвѣтъ на ихъ стрѣльбу со стороны противника въ свою очередь полетѣлъ въ нашу сторону настоящій свинцовый градъ, не знавшій никакихъ мѣры и удержу.

Пулеметы врага били насъ спереди и съ праваго гребня, на которомъ теперь уже отчетливо виднѣлись пѣшія и конныя группы... Пули жужжали, неслись вдаль и, подобно вихрю, склоняли пшеницу, но, къ удивленію, не причиняли намъ большого вреда.

Весьма вѣроятно, что застигнутый нами врасплохъ противникъ въ глубокомъ тылу не могъ еще хорошо пристрѣляться, вслѣдствіе неожиданности и высокой пшеницы, или же попросту не имѣлъ хорошихъ пулеметчиковъ. Во всякомъ случаѣ, несмотря на летѣвшій въ нашу сторону дождь пуль, — мы не могли пожаловаться на большія потери.

Значительная часть порученія была выполнена и, судя по взрывамъ, выполнена была, повидимому, не плохо... Идти еще впередъ уже не было ни смысла, ни силъ. Поэтому, повернувъ назадъ главныя силы и разомкнувшись еще шире, мы начали отходить, оставляя позади сильный заслонъ.

Отходили медленно, сдерживая излишне нервныхъ бойцовъ отъ всякаго рода горячихъ выступленій. Въ особенности трудно было въ эти минуты справляться съ кадетами, всегда до того примѣрно дисциплинированными и послушными: эти молодые и восторженные воины отступали неохотно и положительно „плелись" въ арьергардѣ со своими тачанками, то и дѣло возобновляя стрѣльбу изъ пулеметовъ, отличавшуюся необыкновенною мѣткостью.

Приходилось все время подгонять этихъ безпечныхъ героевъ, совсѣмъ терявшихъ голову отъ своего успѣха.

И подъ ихъ пулеметнымъ огнемъ, насѣдавшій на насъ, противникъ какъ бы спотыкался и на короткое время откатывался назадъ, вызывая въ кадетской средѣ новые взрывы энтузіазма.

И шли мы волнами: пройдемъ, остановимся, дадимъ нѣсколько мѣткихъ залповъ — повернемъ въ состояніе временнаго столбняка наступающихъ — и снова идемъ...

Я неотступно двигался рядомъ съ колонною подрывныхъ вьюковъ, на лѣвомъ флангѣ... Интересное, въ общемъ, это было сосѣдство! Вѣдь одинъ мѣткій выстрѣлъ съ той стороны, угодившій въ рсковую точку — и вслѣдъ за этимъ чудовищный взрывъ, послѣ котораго отъ многихъ изъ насъ осталось бы одно лишь воспоминаніе.

Мысль о такой „цвѣтистой", но ужасной возможности то и дѣло вспыхивала въ моей воспаленной головѣ, уже нѣсколько сутокъ подъ рядъ не знавшей нормальнаго сна и человѣческаго отдыха. Опасность, окружавшая насъ въ эти минуты, была смертельной и близкой до крайности...

— Суждено еще жить или нѣтъ? — съ каждымъ шагомъ двигавшагося впередъ коня безсознательно повторялся одинъ и тотъ же вопросъ. — Что будетъ со мною черезъ минуту, другую, третью?..

Но эти минуты бѣжали, а я все еще жилъ, дышалъ воздухомъ окружавшей меня чудесной природы, видѣлъ яркій свѣтъ солнца...

И волшебнымъ маревомъ неслись въ эти необыкновенныя мгновенія передо мною безчисленныя картины изъ дорогого прошлаго, выплывавшія изъ сокровеннѣйшихъ тайниковъ памяти, о существованіи которыхъ я никогда ранѣе и не предполагалъ въ нормальной обстановкѣ... Мелькнуло среди золотыхъ солнечныхъ пятенъ, падавшихъ на колосившуюся пшеницу, милое и улыбавшееся личико одной дѣвушки, находившейся еще „тамъ", за линіей нашего фронта... А рядомъ съ нимъ, совсѣмъ близко, неожиданно глянули на меня полные ласки, такіе безконечно дорогіе и любящіе старушечьи глаза — это были глаза моей матери, смотрѣвшіе на меня въ упоръ изъ освѣщенной солнцемъ пшеницы, то и дѣло вздрагивавшей отъ ударявшаго по ней смертельнаго дождя непріятельскихъ пуль...

— Какъ все это нелѣпо и въ то же время страшно! — подумалъ я съ тоской. — Почему, собственно, я не остался въ тиши, окруженнымъ любовью и лаской?.. Кто меня заставилъ добровольно

соваться въ этотъ адъ, чтобы на каждомъ шагу быть готовымъ встрѣтить смерть и мученія?...

Но отступать было поздно... Кругомъ кипѣлъ бой, я находился въ рядахъ доблестныхъ добровольцевъ, отчаянно боровшихся за бѣлое дѣло и еще отъ меня ожидавшихъ указаній и поддержки.

. . . .

Появились раненые люди и кони, которыхъ приходилось быстро спроваживать въ болѣе безопасныя и укрытыя мѣста. Кое-кто ругался крѣпкимъ словомъ, подбодряя болѣе усталыхъ и малодушныхъ.

Уже успѣвшій возвратиться къ отряду, Поморскій теперь всецѣло отдался работѣ пулеметчиковъ, попрежнему шедшихъ въ арьергардѣ, и — до дерзости отважный — на каждомъ шагу игралъ съ опасностью и дѣлалъ вызовъ смерти... Совсѣмъ по-своему „шутилъ“ съ тѣми же опасностью и смертью ни въ чемъ не измѣнявшій своего облика вахмистръ Архипенко: полный увѣренности въ правотѣ и необходимости своихъ дѣйствій, онъ какъ дьяволъ, неотступно носился на своемъ огромномъ ворономъ конѣ подъ свинцовымъ дождемъ, и, оберегая общій порядокъ движенія отступавшей колонны, безъ всякаго стѣсненія „укрѣплялъ“ плетью робкихъ молодыхъ добровольцевъ, чѣмъ либо не ласкавшихъ его привычный вахмистрскій взоръ..

А противникъ, не прекращавшій своего огня, повидимому, твердо рѣшилъ не давать намъ возможности соединиться съ головными силами, пребываніе которыхъ вдали обозначалось уже все яснѣе и могущественнѣе.

. . . .

Въ эти мгновенія произошло одно событіе, обстоятельства котораго до сихъ поръ ясно стоятъ въ моей памяти вмѣстѣ со всѣми мельчайшими подробностями...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня все время бодро и смѣло двигался мой закадычный другъ и нашъ доблестнѣйшій офицеръ поручикъ В. Р. Вольфъ, по временамъ бодро перебрасывавшійся со мною короткими фразами. И вдругъ онъ неожиданно остановился, громко крикнувъ въ мою сторону:

— Что, что такое?... Что это за темнота?.. Вѣдь ничего не видно!...

Я вздрогнулъ при этихъ словахъ, положительно не понимая, о какой темнотѣ сообщалъ мой пріятель: кругомъ все попрежнему сіяло отъ яркаго солнечнаго свѣта, равнодушно озарявшаго поля и нивы, по которымъ съ такою трескотнею разгуливала смерть...

Но уже черезъ секунду я сообразилъ, въ чемъ было дѣло и вздрогнулъ снова, но уже по совсѣмъ опредѣленному поводу: я увидѣлъ широкую полоску крови, стекавшую отъ виска Владиміра Романовича по его щекѣ, замѣтно покрывавшейся смертельною блѣдностью.

Вольфъ оказался раненымъ въ голову.

Не прошло и нѣсколькихъ секундъ, какъ къ нему подскакалъ вездѣсущій вахмистръ Архипенко...

— Не зѣвать!... Поручикъ раненъ! — крикнулъ вахмистръ хриплымъ голосомъ растерявшимся подрывникамъ и, обхвативъ терявшаго сознаніе раненаго офицера рукою за талію, онъ вскорѣ уже несся съ нимъ гдѣ-то впереди отступавшей колонны, ища надежнаго укрытія.

. . . .

А противникъ не успокаивался и, повидимому, упорно стремился насъ окружить и захватить въ отместку за дерзкій прорывъ въ его тылъ...

До главныхъ силъ нашихъ все же оставалось еще очень далеко, а трескотня пулеметовъ противника, — не взирая и на наши „поливанія“ свинцовымъ дождемъ, заставлявшія насѣдавшихъ спотыкаться въ своемъ движеніи — не уменьшалась,

а, наоборотъ, все усиливалась... И на лѣвомъ гребнѣ, теперь уже хорошо видимыя всѣми нами, накапливались все большія и большія силы противника.

— Пропадемъ! — прозвучалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня чей-то глухой голосъ. — Теперь онъ насъ не выпуститъ изъ своего проклятаго дьявольскаго кольца... Крышка!...

. . . .

Я хорошо слышалъ эту фразу — и на сердцѣ у меня было скверно. Но съ дѣланнымъ спокойствіемъ продолжалъ вести впередъ наши притихшіе взводы, въ то время, какъ мозгъ мучительно сверлила единственная мысль: „Удастся все же или нѣтъ? И долго ли мнѣ еще осталось смотрѣть на это солнце?.. Сколько минутъ... сколько секундъ?...

А солнце, дѣйствительно, попрежнему продолжало сіять надъ прекрасными полями, такими равнодушными къ нашей жизни и смерти, нашей братоубійственной бойнѣ, дѣлавшейся все ожесточеннѣе...

— Господи, сохрани и помилуй!... Прости, ибо иначе я не могъ поступить, Господи!... Спаси, Боже, грѣшнаго слугу Твоего...

Такъ невольно молился я...

Такъ же, вѣроятно, молились многіе и другіе, шепча невнятныя слова и украдкою поглядывая на безоблачно-чистое небо, улыбавшееся надъ нашими головами...

. . . .

Все время шедшій позади, кап. Поморскій свернулъ пулеметы.

— Рысью мааршъ!

Отрядъ понесся впередъ, выявляя плохо скрываемое стремленіе перейти изъ той же рыси въ галопъ, да еще самый размашистый.

— Рысью... рысью! Не скакать! — гнѣвно бросилъ Поморскій. И онъ былъ безконечно правъ, стараясь уводить свою часть подъ огнемъ против-

ника безъ излишней суеты и поспѣшности, въ строгомъ порядкѣ. Стоило только перейти въ галопъ — тогда черезъ секунду этотъ аллюръ невольно сдѣлался бы самымъ стремительнымъ карьеромъ.

А исторія конницы съ достаточною ясностью учитъ о томъ, сколь гибельными являются подобные „отступательные" карьеры для всей части, по волѣ боговъ очутившейся въ столь невыгодномъ положеніи. Бывали примѣры, когда послѣ такого „отступленія" командиры уже не могли собрать и десятой доли своихъ частей.

Къ счастью, нашъ отрядъ избѣжалъ подобной участи...

Его колонна двигалась въ полномъ порядкѣ, безпрестанно сдерживаемая строгими окриками своего доблестнаго командира Поморскаго, несмотря на то, что противникъ всѣми силами старался посылать намъ вдогонку свое свинцовое угощеніе... Но слабая пристрѣлка и излишняя нервность мѣшали ему доставлять намъ крупныя непріятности — и вредъ, причиняемый трещавшими за нашими спинами вражескими выстрѣлами, оказывался, въ общемъ, весьма ничтожнымъ.

Тѣмъ не менѣе, въ изобиліи расточаемыя непріятелемъ пули то жужжали надъ нашими головами, то бѣшено вздымали пыль въ разныхъ пунктахъ района отступленія, но всегда выходило такъ, что тѣ мѣста, гдѣ мы въ данную минуту находились, оставались какъ-бы неприкосновенными...

Не повезло только лѣвой упряжкѣ пулеметной тачанки: эта рѣзвая и неутомимая кобылка неожиданно рухнула въ двухъ шагахъ отъ меня, смертельно раненая нагнавшимъ ее свинцомъ. Соскочившіе съ тачанки кадеты быстро отстегнули постромки, съ грустью оставивъ бѣдное животное умирать въ одиночествѣ — и черезъ нѣсколько секундъ снова уже мчались въ даль на уцѣлѣвшей лошади, успѣвъ послать изъ своего пулемета очередь въ сторону врага...

Снова раздалась команда Поморскаго — и на этотъ разъ мы перешли въ галопъ уже „на законномъ основаніи“...

Трудно опредѣлить, сколько времени намъ еще пришлось скакать — думаю. что не болѣе 2-3 минутъ, хотя онѣ и показались намъ вѣчностью... Но бодрость и вѣра въ благополучный выходъ изъ создавшагося положенія не покидали насъ за все время скачки — мы инстинктивно чувствовали, что спасеніе близко.

Правда, ранѣе мы были въ ловушкѣ, а теперь изъ нея уходили...

. . . .

Вдругъ, гдѣ то впереди, за виднѣвшейся невдалекѣ деревней, громко бухнуло артиллерійское орудіе, а вслѣдъ затѣмъ въ находившійся совсѣмъ близко отъ насъ хуторской сарай съ трескомъ ударила граната... За нею надъ нашими головами пролетѣла другая; черезъ мгновеніе и третья. А затѣмъ снова гдѣ то совсѣмъ близко поднялся вверхъ цѣлый фонтанъ черной земли отъ разорвавшейся гранаты и, кувыркаясь въ воздухѣ, отлетѣло въ сторону цѣлое бревно.

— Да вѣдь это уже наши палятъ... и по намъ же! — раздался чей то возмущенный крикъ. — Они насъ и обстрѣливаютъ!

А гранаты продолжали ухать...

Сомнѣнія быть не могло: за деревней были свои, но эти „свои“ по какой то роковой случайности, очевидно, принимали насъ за настоящихъ враговъ и самымъ энергичнымъ образомъ стремились насъ уничтожить.

— Что за безобразіе! — крѣпко выругался Поморскій. — Что же они забыли развѣ о нашей задачѣ?... Идіоты! ... Вѣдь такъ и впрямь всѣхъ насъ ухлопаютъ! ...

Пришлось на этотъ разъ спасаться, но уже отъ своихъ собственныхъ братьевъ-соратниковъ,

приказавъ людямъ разсыпаться по мѣстности на возможно большей дистанціи.

Наши добровольцы, осознавъ роковую ошибку „главныхъ силъ“, энергично замахали носовыми платками и еще какими то бѣлыми тряпками, наскоро добытыми изъ вьюковъ. . .

— Должны же наблюдатели замѣтить изъ своихъ биноклей . . олухи! Вѣдь это же возмутительно! . . . Хороша награда за нашу работу! . . . Чортъ знаетъ что такое!

Это ругался Поморскій, носившійся вдоль фронта разсыпавшихся всадниковъ и только какимъ то чудомъ оставшійся не тронутымъ осколками снаряда разорвавшагося отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Вотъ извольте полюбоваться этими идіотами! — крикнулъ онъ со слезами въ голосѣ, весь засыпанный землею. — И кто это тамъ такой умный? Ахъ с . . . . . !

Но артиллеристы, повидимому, не ограничились предыдущимъ обстрѣломъ нашего отряда и, не долго думая, послали намъ навстрѣчу и очередь шрапнелей... Издали послышался приближающійся знакомый, но мало пріятный визгъ и на голубомъ небѣ поплыло коричневое облачко.

Какъ потомъ выяснилось это сумасшествіе, къ величайшему счастію, не принесло особенно большого вреда, такъ какъ огонь „нашихъ“ фронтовыхъ орудій въ этотъ разъ не отличался особою мѣткостью. . .

Уже спустя много лѣтъ, я случайно выяснилъ причины всего отмѣченнаго выше событія, едва не повлекшаго за собою ненужныя жертвы. Оказалось, что штабъ главныхъ силъ не оповѣстилъ свою артиллерію о нашемъ „рейдѣ“ въ тылъ противника, что и повлекло за собою нелѣпую перестрѣлку между своими. . . Въ роковой моментъ фронтовые артиллерійскіе наблюдатели замѣтили нашихъ всадниковъ, выскочившихъ изъ-за хутора, и, опредѣленно принявъ ихъ за противника, въ тылъ кото-

раго-де вышли добровольцы и гонятъ его, — рѣшили бѣгущихъ угостить гранатами.

И этотъ „подарокъ“ былъ по роковой ошибкѣ преподнесенъ всѣмъ намъ, едва успѣвшимъ выйти изъ вражеской ловушки.

Какъ-бы то ни было, но вскорѣ и эта чаша насъ миновала — и ретивая батарея, открывшая по намъ огонь, повидимому, нѣсколько сконфузившись, все же во-время прекратила свои упражненія...

. . . .

Прошло еще нѣсколько минутъ — и мы уже находились за линіей нашего фронта, въ полной безопасности...

Помню, съ какимъ искреннимъ религіознымъ подъемомъ возблагодарили мы Бога за наше чудесное спасеніе. Вѣдь всѣ мы такъ недавно еще находились буквально на волосокъ отъ смерти и самой безжалостной расправы врага съ каждымъ изъ насъ, ибо оперировали въ его глубокомъ тылу.

Задача, намъ порученная, была выполнена.

Поморскій послалъ донесеніе въ штабъ и занялся эвакуаціей раненыхъ, среди которыхъ находился и тяжело раненый мой другъ, поручикъ Владиміръ Романовичъ Вольфъ. Въ этомъ же дѣлѣ контузило и меня такъ чувствительно, что продолжительное время страдалъ я тикомъ, отъ котораго доктора не могли меня освободить...

Въ связи съ этимъ „рейдомъ“ и раненіемъ поручика Вольфа память сохранила и трогательный эпизодъ солдатской сердечности и заботливости по отношенію своего офицера... Обходя во время нашего памятнаго отступательнаго „галопа“, извѣстный уже читателямъ, покинутый хуторъ съ напугавшимъ насъ ночью пѣтухомъ — я примѣтилъ группу нашихъ солдатъ, чѣмъ то озабоченно занятыхъ у колодца. Оказалось, что они суетились около только что снятаго съ коня поручика Вольфа, промывая его весьма серьезную рану. Мой

бѣдный другъ быстро слабѣлъ и вскорѣ снова потерялъ сознаніе. Его на моихъ глазахъ уложили въ двуколку и повезли въ сторону фронта.

Помнится, что доблестный Владиміръ Романовичъ впослѣдствіи долго лежалъ въ разныхъ госпиталяхъ, подвергаясь операціямъ, хотя подъ конецъ ему все же удалось окончательно оправиться отъ раненія и встрѣтиться со мною уже совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ и въ мирной обстановкѣ...

. . . .

— Ну, теперь можно и поспать! — сказалъ Поморскій, закончивъ послѣднія хлопоты о раненыхъ.

Я замѣтилъ, что этотъ доблестный офицеръ, до послѣдней минуты полный движенія и энергіи, вдругъ сразу какъ то ослабѣлъ и поникъ, едва будучи въ силахъ держаться на ногахъ и произносить членораздѣльные звуки... И всѣ остальные, включая и меня лично, чувствовали себя не лучше. Мы бросились въ груды какой-то соломы и забылись тяжелымъ, непробуднымъ сномъ.

Я спалъ двадцать часовъ — и всѣ попытки разбудить меня не давали желаемыхъ результатовъ. А когда они увѣнчались успѣхомъ, и я, отряхнувъ съ себя приставшую солому сталъ, наконецъ, на ноги, — то все еще чувствовалъ себя полнѣйшимъ инвалидомъ, неспособнымъ ни къ какой работѣ и даже къ бесѣдѣ съ друзьями... Нервная депрессія, явившаяся слѣдствіемъ недавно испытанныхъ переживаній въ тылу противника, продолжалась болѣе сутокъ и дѣлала меня похожимъ на маніака.

Болѣлъ каждый нервъ, не хотѣлось разговаривать и принимать пищу; не хотѣлось даже ни о чемъ мыслить.

Потомъ все это прошло...

Но даже и теперь, когда я снова уношусь мыслію въ давно ушедшее прошлое и вспоминаю

нашу суровую „прогулку“ навстрѣчу смерти при ясномъ солнцѣ іюньскаго утра и въ золотѣ колыхавшихся со всѣхъ сторонъ пшеничныхъ полей — меня всегда пронизываетъ острое волненіе и непріятная дрожь по всему тѣлу...

Не дай Богъ никому и никогда переживать ужасы самой страшной изъ войнъ — войны междоусобной... Но оказывается, избѣжать ея не такъ легко и другимъ народамъ, что мы воочію и наблюдаемъ послѣдніе годы.

СЪ КАЗАКАМИ.

Противникъ отступалъ, безъ всякаго стѣсненія грабя попадавшіеся ему на дорогѣ хутора, забирая съ собой крестьянскихъ лошадей и повозки, сѣя повсюду отчаяніе и недолю. Въ особенности беззастѣнчиво обращались большевики съ нѣмцами-колонистами, повидимому хорошо зная, что послѣдніе всегда были сторонники бѣлыхъ, сознательно ненавидѣли анархію и коммунизмъ и неоднократно оказывали добровольцамъ самую широкую помощь.

Такое отношеніе нѣмцевъ къ бѣлому движенію являлось вполнѣ естественнымъ, если принять во вниманіе, что всѣ колонисты всегда были мелкими собственниками и домовитыми, трудолюбивыми хозяевами, вкладывавшими всю свою душу и силы въ дорогіе имъ собственные клочки земли и свои маленькіе домики, всегда славившіеся чистотою, зажиточностью и порядкомъ.

Отъ этихъ-то нѣмцевъ-колонистовъ мы впервые и узнали, что отступающій противникъ двигается со своими отрядами и обозами въ районъ колоній, быстро приближаясь къ богатой и обширной слободѣ Черниговкѣ, пользовавшейся среди добровольцевъ не совсѣмъ лестной репутаціей. Такая репутація основывалась на томъ, что жители Черниговки уже неоднократно замѣчались въ открытомъ симпатизированіи большевикамъ и мах-

новцамъ, оказывая имъ такое же содѣйствіе и гостепріимство, какое намъ, въ свою очередь, оказывали колонисты-нѣмцы.

Не измѣнили жители Черниговки своимъ традиціямъ и въ данномъ случаѣ: вскорѣ послѣ сообщеній доброжелательныхъ колонистовъ донесенія нашихъ развѣдокъ подтвердили, что махновцы не только спѣшно двигаются по направленію къ этой громадной слободѣ, но уже и вливаются въ нее своими головными частями. Въ точности подтвердилъ это обстоятельство и мой бинокль, сквозь стекла котораго я могъ прекрасно наблюдать знаменитую Черниговку съ высоты деревенской колокольни, отличнаго наблюдательнаго пункта, открывавшаго передъ нами всю окрестность.

Вѣроломная и коварная Черниговка, принимавшая теперь на свое лоно нашихъ враговъ, — представлялась издали красивой и величественной: это было неимовѣрно большое, утопавшее въ своихъ садахъ и огородахъ село, подобно гигантской колбасѣ, растянувшееся верстъ на 8-10. За селомъ начинались поля, постепенно уходившія къ туманному голубому горизонту, а на ихъ переднемъ планѣ, ближе къ намъ, виднѣлось желѣзнодорожное полотно. Съ колокольни хорошо намъ были видны группы пѣшихъ и конныхъ людей, быстро двигавшихся теперь по направленію къ Черниговкѣ, тотчасъ же поглощавшей ихъ безъ остатка... Противникъ шелъ подъ гостепріимный кровъ своихъ союзниковъ и пріятелей густо и безцеремонно таща за собой длинныя цѣпи обозовъ, нагруженныхъ награбленнымъ добромъ.

. . . .

Нашъ Гвардейскій Конно-Подрывной полуэскадронъ на этотъ разъ дѣйствовалъ въ обществѣ, и, такъ сказать, „подъ протекторатомъ“ новыхъ, доблестныхъ и весьма интересныхъ соратниковъ, казаковъ Н-скаго казачьяго полка. Командовалъ этимъ полкомъ лихой полковникъ, — весьма

любезный, веселый и общительный, соединявшій всѣ эти хорошія качества съ искусствомъ быть прекраснымъ начальникомъ, умѣвшимъ выводить свою часть изъ самыхъ рискованныхъ положеній.

Согласно приказанію штаба, мы должны были принять участіе въ казачьемъ наступленіи на противника, что и было нами исполнено почти незамедлительно, ибо не прошло часа, съ момента полученія этого приказа, какъ мы, присоединившись къ казакамъ, принимали участіе въ ихъ осторожномъ приближеніи къ противнику, котораго доблестный полковникъ, повидимому, рѣшилъ атаковать врасплохъ, въ моментъ приближенія къ гостепріимной Черниговкѣ, принявъ всѣ мѣры предосторожности и далеко впередъ выславъ дозоры.

. . . .

Противникъ былъ уже совсѣмъ близко. Казачьи сотни стали выходить изъ-за пригорка и, поднимая пыль, на широкихъ аллюрахъ стали выдвигаться на линію фланговой сотни. И лишь только послѣдняя поравнялась съ остальными, раздался сигналъ, по которому уже черезъ нѣсколько секундъ полкъ сталъ длинной сплошной линіей.

Погода стояла великолѣпная, настроеніе у всѣхъ не оставляло желать ничего лучшаго...

Нашъ полуэскадронъ двигался по открытой мѣстности, находясь въ серединѣ казачьей лавы и имѣя за собою наши вьюки съ готовымъ подрывнымъ матеріаломъ...

Но вотъ по полю громко и рѣзко разнесся третій сигналъ.

— Шашки вонъ! Въ атаку наметомъ... Ма-аршъ!..

Это скомандовалъ командиръ полка, выскочившій далеко впередъ отъ своихъ станичниковъ... И тотчасъ-же все загудѣло, завизжало — и понеслось впередъ, какъ только можетъ нестись казачья лава, хорошо извѣстная всему міру еще во времена Наполеона...

Три сотни шли на правомъ флангѣ, одна зашла нѣсколько влѣво, а казачья пулеметная команда стремительно помчалась впередъ, увлекая за собою и нашихъ лихихъ пулеметчиковъ, ни на вершокъ не пожелавшихъ отставать отъ ретивыхъ скакуновъ...

Казачья лава дѣло не шуточное на поляхъ сраженій — она и понынѣ способна производить потрясающее впечатлѣніе на самаго стойкаго противника,— лучше всякихъ чудесъ современной военной техники...

И — чувствуя эту силу нашей гудѣвшей и визжавшей, какъ ураганъ, казачьей лавы, съ которой наши конно-саперы теперь волею судебъ слились воедино — мы сами неслись впередъ безъ мыслей, безъ разсужденій, не признавая никакихъ препятствій и шутя перелетая на нашихъ коняхъ черезъ весьма основательные рвы и канавы...

. . . .

Цѣпи противника теперь уже насъ видѣли, но, повидимому, рѣшили сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы сократить нашъ пылъ и обороняться во что бы то ни стало...

Со стороны желѣзнодорожной насыпи послышался трескъ пулеметовъ — и надъ нашими головами жалобно запѣли пули, съ каждымъ мгновеніемъ сыпавшіяся все чаще и неистовѣе. А, вслѣдъ затѣмъ, впереди ухнуло разъ, другой, и въ воздухѣ, жужжа и гудя, стали рваться шрапнели.

— Ого! — крикнулъ мнѣ Поморскій, скакавшій почти рядомъ. — И они, видно, не шутятъ... Осиное гнѣздо...

Это сравненіе моего доблестнаго друга было какъ нельзя болѣе удачнымъ. Мы дѣйствительно влетали какъ-бы въ осиное гнѣздо, окруженное со всѣхъ сторонъ сплошнымъ гуломъ, трескомъ и тысячами свинцовыхъ жалъ растревоженныхъ и озлобленныхъ враговъ...

Но казаки шли бодро, не обращая никакого вниманія на дождь пуль, летѣвшихъ съ насыпей и быстро приближаясь къ десятиверстному селу...

А тамъ въ эти минуты уже творилось подлинное столпотвореніе вавилонское, что намъ хорошо было видно еще на ходу, во время нашей сумасшедшей скачки...

Охваченные паникой большевики въ Черниговкѣ обращались въ повальное бѣгство передъ нашимъ вторженіемъ: разсыпались, какъ горохъ по огородамъ и всякимъ закоулкамъ, искали укрытія и спасенія въ хатахъ, клуняхъ и стогахъ...

. . . .

Мы ворвались въ село, торжествующіе, упоенные удачей, не видѣвшіе теперь передъ собою ничего, кромѣ покрытыхъ смертельной блѣдностью лицъ враговъ, мелькавшихъ то тамъ, то здѣсь всего на одно мгновеніе...

Казаки безжалостно рубили укрывавшихся, а наши конно-подрывники не отставали отъ нихъ и дѣлали то же самое во главѣ со своимъ лихимъ вахмистромъ Архипенко.

— Намъ нельзя терять ни минуты и дѣлать свое дѣло! — крикнулъ Поморскій. — Устанавливать пулеметы за насыпью!

И онъ, выскочивъ изъ лавы, помчался къ указанному мѣсту, быстро разставивъ стрѣлковъ и пулеметы позади жиденькаго кустарника. А Вольфъ и я, въ свою очередь отдѣлившись отъ казаковъ, вскорѣ уже энергично работали на желѣзнодорожномъ полотнѣ, подкладывая подъ рельсы готовые подрывные заряды...

Не знаю, сколько времени прошло у насъ за этой работой — быть можетъ минутъ пять, быть можетъ десять... И вдругъ справа донесся испуганный крикъ, тотчасъ-же заставившій насъ вскочить на ноги и оторваться отъ своего увлекательнаго дѣла...

— Бронепоѣздъ!...

Я взглянулъ на сѣверъ — и обомлѣлъ не на шутку: за краемъ села, вдоль полотна желѣзной дороги, ясно выдѣляясь на фонѣ голубого неба, неспѣшно, но увѣренно ползло въ нашу сторону громадное желѣзное чудовище извергавшее изъ паровозной трубы клубы чернаго и зловѣщаго дыма... Окинувъ взглядомъ простиравшуюся передъ нами сельскую окраину, — съ насыпи она была видна какъ на ладони, — я съ ужасомъ замѣтилъ, что, только что побѣдоносно занявшіе Черниговку, казаки теперь повернули вспять и въ безпорядкѣ, полнымъ махомъ уходили въ сторону той-же самой лощины, откуда мы такъ недавно начали свое побѣдоносное движеніе лавой... Но и въ этомъ безпорядкѣ, лихіе станичники, тѣмъ не менѣе, не хотѣли, разстаться съ трофеями своей недавней славы и гнали передъ собой плѣнныхъ на ихъ-же тачанкахъ...

— Вотъ такъ исторія! — сказалъ кто-то изъ нашихъ офицеровъ. — Казаки отходятъ... Да и что имъ прикажете дѣлать въ этомъ случаѣ? Но какъ онъ доползъ сюда, этотъ проклятый броневикъ? И что съ нами то будетъ: вѣдь мы остались въ ужасномъ положеніи?...

Положеніе наше, дѣйствительно, было не изъ завидныхъ: мы оказались брошенными на произволъ судьбы вдали отъ главныхъ силъ, представляя собою всего только небольшую горсточку людей, поставленныхъ теперь лицомъ къ лицу со страшнымъ бронепоѣздомъ...

А онъ все приближался, попыхивая паровозомъ и неся съ собою почти каждому изъ насъ неминуемую гибель...

Терять нельзя было ни секунды...

— Поставить короткіе фитили!...

Короткіе фитили ставятся для того, чтобы взрывъ послѣдовалъ бы какъ можно скорѣе, но при этомъ и самому взрывающему нужно быть на чеку и своевременно улепетывать, дабы не остаться безъ головы спустя какую-нибудь минуту...

Команда — и подрывники кубаремъ скатились съ крутой насыпи прямо въ канаву. А затѣмъ загремѣлъ и взрывъ... за нимъ другой, третій.

Куски рельсъ, шпалъ и цѣлыя кучи песку летѣли во всѣ стороны: ни одинъ изъ зарядовъ не далъ осѣчки. Путь былъ приведенъ въ негодность на долгое время.

— Пусть теперь ѣдутъ, черти!... Не соберутъ костей до второго пришествія... И какъ здорово удалось щелкнуть.

Конно-саперы сами были довольны результатами своей быстрой работы, и теперь посматривали на меня съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, ожидая вполнѣ естественнаго приказа отходить къ главнымъ силамъ, ибо здѣсь имъ теперь рѣшительно нечего было дѣлать...

Оглянулся назадъ и я для того, чтобы немедленно же намѣтить себѣ кратчайшій путь отступленія — и въ тотъ же моментъ замеръ отъ непріятнаго удивленія, узрѣвъ широкое и пустое поле, на которомъ уже не шевелилась болѣе ни одна живая душа...

Полка казаковъ нигдѣ не было: онъ такъ же стремительно исчезъ въ лощинѣ, какъ и вылетѣлъ изъ нея четверть часа тому назадъ. И только изъ-за одного изъ холмовъ виднѣлся трепетавшій сотенный значокъ, съ радостью душевной уловленный мною невооруженнымъ глазомъ въ эту тревожную минуту... И почти одновременно съ этимъ я увидѣлъ и одинокаго казака, во весь опоръ скакавшаго къ намъ отъ того-же холмика, черезъ жуткое голое поле...

Проскокомъ подлетѣлъ къ нашей канавѣ, посадилъ лошадь на заднія ноги и, не пытаясь даже отыскивать командира, единымъ духомъ громко „выпалилъ“ въ воздухъ:

— Командиръ полка приказалъ конно-саперамъ съ пулеметами оставаться на мѣстѣ!...

И, прокричавъ эту новость, лихой станичникъ

круто повернулъ своего длиннохвостаго коня и еще болѣе стремительно понесся обратно...

А бронепоѣздъ тѣмъ временемъ приближался подобно огнедышащему сказочному дракону, готовому пожрать насъ всѣхъ безъ остатка...

— Что-же это такое? — услышалъ я слова Поморскаго. — Вѣдь мы обречены на вѣрную, но никому ненужную гибель... Что они тамъ думаютъ, за холмомъ? Необходимо выяснить...

Блѣдный, какъ полотно, но внѣшне продолжавшій сохранять полнѣйшее спокойствіе, онъ тотчасъ-же передалъ Вольфу командованіе, а самъ стремительно поскакалъ за скатъ, туда, гдѣ виднѣлся значокъ командира полка.

Мы остались дожидаться возвращенія Поморскаго на томъ же мѣстѣ, переживая томительныя минуты.

Но Поморскій не заставилъ насъ ждать слишкомъ долго. Онъ отлично понималъ весь трагизмъ положенія своей части и, спустя самый незначительный срокъ, мы снова увидѣли нашего друга, на этотъ разъ показавшагося всею своею фигурой на вершинѣ холма и подававшаго намъ опредѣленные знаки...

— Отходить! Слава Богу!... Какой молодчина Поморскій, что полетѣлъ и выяснилъ. А то пропали бы до единаго...

Не прошло и минуты, какъ мы всѣ уже неслись въ сторону полка, за спасительный холмикъ, въ то время когда за нашей спиной уже явственно раздавались шипѣніе и грохотъ желѣзнаго чудовища, подползавшаго теперь совсѣмъ близко къ мѣсту нашей недавней стоянки... А когда мы, отходя съ полкомъ, стали продвигаться перелѣскомъ и балками, находившимися за холмомъ, — надъ нами закружились облака частыхъ шрапнельныхъ разрывовъ, почти каждый изъ которыхъ приносилъ съ собою какую-нибудь весьма ощутительную непріятность для людей и коней...

Это посылалъ намъ вдогонку свои подарки бронепоѣздъ, къ счастью, вскорѣ остановившій свое движеніе, такъ какъ взорванный нами путь все же сдѣлалъ свое дѣло и тѣмъ самымъ спасъ отъ дальнѣйшихъ бѣдъ и потерь полкъ уходившихъ казаковъ. Благодаря этому обстоятельству всѣмъ намъ вскорѣ удалось выйти изъ сферы непріятельскаго огня и заняться приведеніемъ въ порядокъ своихъ частей и подсчетомъ потерь понесенныхъ всѣмъ отрядомъ въ памятномъ дѣлѣ подъ Черниговкою...

На этомъ оно и закончилось.

Несмотря на описанный выше отходъ отряда отъ Черниговки подъ давленіемъ появившагося бронепоѣзда, казакамъ удалось тогда все же захватить и увести съ собою болѣе сотни плѣнныхъ, нѣсколько тачанокъ съ прекрасной упряжкой и около десятка вполнѣ исправныхъ пулеметовъ. Былъ взятъ казаками въ плѣнъ также и одинъ большевицкій командиръ: здоровеннѣйшій дѣтина, красавецъ — гвардейскій матросъ, который, своей отвагой въ бою и спокойствіемъ въ плѣну, положительно привлекъ сердца казаковъ. Вмѣстѣ съ другими плѣнными его немедленно отправили въ тылъ.

. . . .

Противникъ продолжалъ отходить всѣми своими частями, поспѣшно двигаясь къ западу. Исполняя приказаніе штаба, мы все время его преслѣдовали и постоянно тревожили небольшими боями.

Спустя два дня послѣ дѣла подъ Черниговкой, мы подошли къ колоніи Э. и, утомленные длиннымъ переходомъ, сдѣлали привалъ, дабы перекусить и немного отдохнуть на травѣ подъ открытымъ небомъ.

Но отдохнуть не пришлось...

Спѣшно прискакавшій развѣдчикъ сообщилъ, что съ запада на насъ наступаютъ густыя цѣпи

противника, намѣревавшагося, по всѣмъ признакамъ, дать намъ серьезный бой.

Въ нашемъ лагерѣ поднялась вполнѣ понятная тревога: всѣ мгновенно вскочили съ мѣстъ и стали готовиться къ бою.

Непріятель, оказывается, былъ уже близко и вскорѣ съ нимъ завязалась оживленная перестрѣлка, а, спустя немного, въ ея концертъ ввязалась трескотня пулеметовъ и грохотъ артиллерійскихъ орудій, не заставившихъ себя долго ждать. Цѣпи противника приближались быстро и настойчиво, засыпая казаковъ ружейнымъ огнемъ и нанося имъ ощутительныя потери. Появились раненые, и дѣло принимало все болѣе серьезный оборотъ.

Но положеніе быстро поправилъ доблестный казачій артиллерійскій взводъ, своимъ мѣткимъ обстрѣломъ быстро внесшій неожиданную панику въ ряды наступавшихъ... Почувствовавъ надъ своими головами разрывы нашихъ снарядовъ, непріятельскія цѣпи стали сначала задерживаться и искать болѣе укрытыхъ мѣстъ, а затѣмъ и совсѣмъ исчезли, постепенно стянувшись къ главнымъ силамъ, расположившимся въ колоніи Э., гдѣ были укрыты и всѣ непріятельскія тачанки.

. . . .

Въ эти-то минуты и проявилъ себя съ самой лучшей стороны доблестный командиръ казачьяго полка, успѣшныя кавалерійскія дѣйствія котораго до сихъ поръ у меня ясно живутъ въ памяти.

Пользуясь большею свободою маневрированія, обусловленной мѣткою стрѣльбою казачьяго артиллерійскаго взвода, лихой полковникъ, еще задолго до обуявшей непріятеля паники, незамѣтно отвелъ весь свой полкъ на рысяхъ въ лощину и, развернувъ его, сталъ выжидать подходящаго момента для атаки.

Быть хорошимъ боевымъ начальникомъ — весьма не легко, а въ особенности это не легко тому, у кого отсутствуетъ особый, чисто охотничій

нюхъ. А безъ этого послѣдняго — вообще немыслимъ хорошій кавалеристъ. И вотъ, въ отсутствіи именно этого нюха нельзя было упрекнуть браваго казачьяго полковника. Спокойно и терпѣливо выждавъ нужный ему моментъ, онъ затѣмъ, буквально съ мѣста въ карьеръ, повелъ весь полкъ въ атаку, достигнувъ при этомъ еще болѣе эффектныхъ и существенныхъ результатовъ, чѣмъ это имѣло мѣсто два дня назадъ въ бою подъ Черниговкой. И, не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ мы уже положительно влетѣли въ колонію, рѣшительно вытѣсняя изъ нея врага, обратившагося въ самое безпорядочное бѣгство.

Послѣднее, впрочемъ, было очень успѣшнымъ и стремительнымъ у большевиковъ, такъ какъ кони ихъ не оставляли желать ничего лучшаго и въ значительной степени превосходили своими качествами большинство нашихъ. Тѣмъ не менѣе, полковникъ назначилъ двѣ сотни для преслѣдованія противника, которыя и помчались тотчасъ же по его слѣдамъ.

Колонія цѣликомъ оказалась въ нашихъ рукахъ.

Мы не безъ удовольствія осматривали чистенькіе бѣлые домики, отъ которыхъ вѣяло миромъ, уютомъ и рѣдкою аккуратностью, столь свойственною трудолюбивымъ нѣмецкимъ колонистамъ. Только послѣднихъ мы нигдѣ не находили: вся колонія какъ-бы вымерла, и изъ дворовъ къ намъ навстрѣчу не выходили ихъ хозяева...

Между тѣмъ, на широкой улицѣ поселка кипѣла жизнь, и слышались громкіе голоса нашихъ удалыхъ станичниковъ, почувствовавшихъ, наконецъ, возможность передохнуть и выспаться. Спѣшившіеся казаки разводили коней по дворамъ, тащили за собой тачанки и пулеметы, иногда добродушно переругивались, но, въ общемъ, пребывали въ самомъ радушномъ настроеніи, какое только и можетъ быть у подлинныхъ побѣдителей... Коегдѣ на той же улицѣ продолжали валяться въ безпорядкѣ трупы, тачанки и разбитые зарядные ящики...

Пока отсутствовалъ нашъ неутомимый Поморскій, тотчасъ же по занятіи нами колоніи направившійся въ штабъ дли выясненія обстановки, мы съ Вольфомъ успѣли расквартировать всѣхъ конно-подрывниковъ, выбравъ для нихъ три большихъ и чистыхъ двора. Послѣ этого я рѣшилъ дать отдыхъ и собственной персонѣ, до крайности переутомленной длительными переходами и пережитымъ нервнымъ напряженіемъ. Разбитость и слабость, явившіяся вполнѣ естественной реакціей послѣ недавняго подъема, были у меня столь велики, что я подъ конецъ едва добрался до кровати какого-то добродѣтельнаго нѣмецкаго супружества и тотчасъ же погрузился въ забытье, отказавшись передъ этимъ отъ всякой ѣды, несмотря на то, что около двухъ дней не бралъ въ ротъ никакой горячей пищи.

. . . .

Не знаю, сколько времени продолжалось мое блаженное состояніе... Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, очень недолго, потому что, когда я открылъ глаза, безжалостно возвращенный снова къ печальной дѣйствительности изъ міра моихъ прекрасныхъ грезъ, — кругомъ стоялъ все тотъ же день, яркій и сверкающій, при чемъ веселые солнечные блики на бѣлой стѣнѣ даже не перемѣнили своихъ мѣстъ и окраски... Вѣрнѣе всего, что я проспалъ не больше, какъ нѣсколько минутъ и, во всякомъ случаѣ, менѣе получаса... А, проснувшись отъ неожиданнаго грохота, раздавшагося надъ самой головою, я въ первую минуту даже хорошенько и не понялъ, что вокругъ меня происходитъ, и только когда этотъ грохотъ прозвучалъ вторично, прояснившееся сознаніе съ грустью сообщило мнѣ о моемъ возвращеніи къ печальной и жестокой дѣйствительности...

Грохотъ, меня разбудившій, былъ не чѣмъ инымъ, какъ разрывомъ артиллерійскаго снаряда, пролетѣвшаго надъ самою моей крышей и „ухнув-

шаго“ гдѣ-то совсѣмъ близко. За первымъ разрывомъ послѣдовалъ второй, а затѣмъ снаряды полетѣли безъ счета, разрываясь между сосѣдними домами...

Я понялъ, что на насъ опять наполало все то грозное и жуткое, отъ чего я только на нѣсколько минутъ отошелъ во снѣ...

Вскочилъ, какъ встрепанный и, какъ былъ безъ сапогъ, бросился къ нашей части...

На душѣ было тяжело, неладно и сложно...

Съ одной стороны брала злость на все то, что изо дня въ день творилось вокругъ, не давая человѣку ни минуты заслуженнаго отдыха, — съ другой стороны, хотѣлось сдѣлать все возможное, чтобы не подвести своихъ соратниковъ какою-либо оплошностью или разгильдяйствомъ... Помню, что устремляясь въ эти минуты въ однихъ носкахъ по направленію къ своимъ конно-саперамъ, я первымъ дѣломъ думалъ... о двуколкахъ съ подрывнымъ матеріаломъ, которыя обязательно требовали самаго тщательнаго укрытія отъ артиллерійскаго огня. А одна изъ такихъ двуколокъ въ парной упряжкѣ какъ разъ торчала въ эти минуты въ воротахъ усадьбы добродѣтельныхъ нѣмцевъ, заграждая путь всему остальному... Что, если въ нее не сейчасъ, то черезъ минуту-другую угодитъ артиллерійскій снарядъ?!...

И вдругъ...

И вдругъ — это произошло не болѣе чѣмъ мгновеніе послѣ этой мысли о торчавшей въ воротахъ двуколкѣ... Раздался невыразимый трескъ — его себѣ можетъ представить только тотъ, кто самъ когда-либо переживалъ что-либо подобное — въ воздухъ полетѣли обломки кирпича, комья земли и цѣлыя тучи пыли.

Меня кто то невидимый буквально поднялъ на воздухъ и, сбросивъ съ крыльца, далъ возможность придти въ себя только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его ступенекъ. Къ счастью, я поднялся съ земли почти безъ всякихъ ушибовъ, а когда

осмотрѣлся по сторонамъ, то прямо глазамъ своимъ не повѣрилъ: непріятельская граната ударилась въ кирпичный столбъ отъ воротъ и взорвалась не болѣе, какъ въ трехъ шагахъ отъ ящика съ нашимъ подрывнымъ имуществомъ... Двѣ лошади, впряженныя въ повозку, оказались сильно покалѣченными — и первое, что мнѣ бросилось въ глаза — это была густая струйка крови, стекавшая съ тѣла одного изъ бѣдныхъ животныхъ на дорожную пыль... Но взрывчатыя вещества остались невредимыми, что дало возможность благополучно остаться на мѣстѣ не только заключавшей ихъ повозкѣ, но и всей нѣмецкой усадьбѣ съ ея временными обитателями. Иначе, взлетѣвъ на недосягаемую вышину, намъ пришлось бы совершить безплатное путешествіе въ разныя стороны и, конечно, уже безвозвратно...

. . . .

У нашихъ коновязей, тѣмъ временемъ, метались испуганные кони, и безцѣльно суетились отдѣльные люди, не знавшіе что предпринять и что дѣлать...

Но вотъ Вольфъ приказалъ выводить лошадей въ огородъ и сталъ собирать своихъ людей, къ которымъ присоединились и десятка два растерявшихся безъ своихъ офицеровъ казаковъ, одновременно поручивъ вахмистру Архипенко выяснить, въ чемъ дѣло, и узнать, гдѣ находится командиръ полка.

Когда вахмистръ скрылся изъ вида, направившись исполнять порученіе, я сталъ, не спѣша, отходить съ собранными людьми по старой дорогѣ, стремясь гдѣ-либо найти людей, болѣе освѣдомленныхъ въ неожиданно создавшемся положеніи...

На наше счастье вскорѣ попался взводъ казачьей артиллеріи, широкой рысью обошедшій находившійся впереди насъ какой-то бугоръ и тотчасъ-же снявшійся за нимъ съ передковъ.

— Скажите, что же это происходитъ? — подскакалъ я къ казачьему офицеру. — Что случилось?

— Теперь - то ничего, кажется обошлось, слава Богу, — отвѣтилъ взволнованный есаулъ, соскакивая съ длиннохвостой лошади, — а всему пьянство виновато...

— Какое пьянство?

— Да такое... самое обыкновенное пьянство, съ водкой и самогономъ... Наши двѣ сотни ушли преслѣдовать противника, а въ лѣвыхъ разъѣздахъ казаки достали гдѣ-то пойла и перепились... Ну, и проглядѣли красныхъ, которые проникли въ колонію...

— Значитъ это большевики стрѣляли?

— Конечно... Вышли на окраину и спокойно обосновались съ артиллеріей и пулеметами на нашемъ флангѣ... Открыли огонь прямою наводкой... На наше счастье, у нихъ только смѣлости не хватило... а то могли бы всѣхъ насъ обойти и захватить, какъ куръ во щи.

— Гдѣ - же полкъ?

— Полкъ - то теперь въ порядкѣ... Прошелъ позади, закрытою балкой, и теперь хочетъ ударить въ тылъ краснымъ...

Я повеселѣлъ и заговорилъ уже совсѣмъ другимъ тономъ.

— У васъ орудія, а у меня пулеметы... все-же это сила не маленькая; задержимся вмѣстѣ... если придется, вмѣстѣ и поработаемъ — предложилъ я есаулу.

Онъ согласился и, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, послалъ нѣсколько снарядовъ по тому направленію, гдѣ долженъ былъ находиться противникъ.

Но пулеметная и ружейная стрѣльба впереди уже затихала.

Возвратившійся вахмистръ подтвердилъ слова казачьяго офицера и сообщилъ въ то же время, что по всѣмъ даннымъ противникъ теперь затихъ уже окончательно...

Всѣ мы вздохнули нѣсколько свободнѣе, напряженное состояніе предыдущихъ минутъ вновь уступило мѣсто веселому настроенію духа. Что касается меня лично, то я ему еще не могъ отдаться всецѣло: въ глубинѣ сознанія продолжала гнѣздиться назойливая мысль о возможности повторенія только что пережитаго... „А что, если это только передышка? Кто ихъ знаетъ, этихъ негодяевъ. Что если черезъ минуту они снова начнутъ насъ угощать гранатами?“

Но опасенія мои были напрасными.

Къ намъ уже подходила пѣхота и располагалась по обѣимъ сторонамъ селенія, а по свѣдѣніямъ, приносимымъ развѣдкой, противникъ уходилъ все дальше и дальше, повидимому окончательно рѣшивъ оставить насъ въ покоѣ...

На этотъ разъ, конечно...

. . . .

Съ горькимъ чувствомъ и искреннимъ сожалѣніемъ смотрѣлъ я на бѣдную нѣмецкую колонію, гостепріимно и благородно пріявшую насъ на свое лоно такъ недавно...

Чистенькая и аккуратная всего два - три часа тому назадъ, она теперь во многихъ мѣстахъ пылала пожарами, дома стояли съ выбитыми стеклами, улицы были завалены всякимъ хламомъ и трупами убитыхъ лошадей, количество которыхъ увеличилось за нѣсколько минутъ артиллерійскаго обстрѣла — втрое...

— Русскіе дерутся, а у нѣмцевъ чубы болятъ, — остроумно замѣтилъ какой-то офицеръ, проѣзжавшій мимо насъ.

. . . .

Солнце клонилось къ западу.

На землю спускался южный вечеръ — тихій, чарующій, полный поэзіи и благоуханія окрестныхъ полей...

ПЕРЕБРОСКИ.

„Срочно. Секретно. Немедленно грузиться и спѣшно идти направленіе Екатеринослава“.

Это было все, что стояло въ полученной изъ штаба телеграммѣ, врученной нашему командиру.

Для чего намъ нужно было идти въ этомъ именно направленіи, — никто ничего не зналъ, а потому не было конца всякимъ предположеніямъ и фантазіямъ.

Но погрузились мы, тѣмъ не менѣе, съ исключительною быстротою и спустя самый короткій срокъ наша часть уже неслась въ сторону Екатеринослава... Я примѣнилъ слово „неслась“ не случайно: движеніе эшелона, дѣйствительно, было ко всеобщему удивленію стремительнымъ и очевидно въ отношеніи насъ послѣдовалъ какой-то особый приказъ, заставлявшій желѣзнодорожное начальство пропускать нашъ поѣздъ безъ задержекъ и въ первую очередь.

Этотъ фактъ тоже не могъ оставаться незамѣченнымъ и не наводить снова на всякаго рода размышленія.

— Вѣроятно, наше дѣло очень серьезно! — разсуждали офицеры. — Транспортъ всюду разстроенъ, поѣзда плетутся какъ Богъ послалъ, а здѣсь вдругъ такая точность и поспѣшность!.. Куда же это насъ гонятъ?

На полдорогѣ кое-что все же выяснилось... Мы узнали, что нашей части предстояло вскорѣ присоединиться къ Сводно-Гвардейскому полку, который, какъ оказалось, въ то время успѣшно продвигался по территоріи Полтавской губерніи.

Настроеніе у всѣхъ повысилось и перешло въ радужное, а въ особенности у меня, который неожиданно пріобрѣталъ возможность ступить на землю родной губерніи: какъ сообщала полученная информація Сводно-Гвардейскій полкъ оперировалъ какъ разъ на ея территоріи.

Эшелонъ тѣмъ временемъ летѣлъ впередъ, останавливаясь на нѣкоторыхъ станціяхъ только для смѣны паровоза...

. . . .

Но такъ было лишь до Лозовой. На этой станціи мы задержались на сравнительно долгій срокъ. И здѣсь, какъ нашимъ офицерамъ, такъ и интеллигентамъ-добровольцамъ, впервые пришлось наблюдать нездоровое явленіе въ жизни нашей арміи...

Мы давно уже привыкли къ разнаго рода лишеніямъ добровольческой войны и безропотно мирились съ ея невзгодами во имя дорогого бѣлаго дѣла... Мы сознательно отучили себя отъ всякихъ лишнихъ удобствъ и стремленій къ роскоши во время стоянокъ въ тылу или въ періоды передвиженій по желѣзной дорогѣ, не предъявляя ни къ кому никакихъ претензій и довольствуясь самымъ необходимымъ. Странствуя въ эшелонахъ, напримѣръ, мы всѣ — какъ офицеры, такъ и солдаты — не признавали никакихъ вагоновъ, кромѣ обыкновенныхъ и просторныхъ товарныхъ, одинаково располагаясь въ нихъ на сѣнѣ вмѣстѣ съ конями и окончательно позабывъ о такъ называемыхъ „классныхъ“ вагонахъ, предназначенныхъ для „мирныхъ господъ“... Ту же участь раздѣляли съ нами и всѣ наши больные и раненые безъ различія чиновъ и званій, вполнѣ довольствовавшіеся охапка-

ми сѣна, брошенными на деревянный полъ и не мечтавшіе ни о какихъ мягкихъ диванахъ перваго класса...

И вдругъ на станціи Лозовой намъ бросился въ глаза, подходившій съ противоположной стороны, шикарнѣйшій поѣздъ, состоявшій изъ одиннадцати великолѣпныхъ пульмановскихъ вагоновъ I и II класса, съ выглядывавшими изъ его зеркальныхъ оконъ бравыми офицерами въ яркихъ и новенькихъ формахъ „цвѣтной“ дивизіи...

— Штабъ главнокомандующаго! — послышалось чье-то восклицаніе. — Вотъ пріятная неожиданность!

Всѣ взглянули въ сторону медленно подходившаго поѣзда — и, проникнутые искреннимъ убѣжденіемъ въ правдивости выведеннаго заключенія, даже стали невольно „подтягиваться“, дабы въ должномъ порядкѣ предстать передъ глазами высшаго начальства... Но уже въ слѣдующій моментъ наша почтительность смѣнилась чувствомъ горькой обиды и справедливаго возмущенія. Оказалось, что всѣ одиннадцать великолѣпныхъ пульмановскихъ вагоновъ были наполнены вовсе не представителями высшей командной власти, а... отдыхающими въ пріятномъ отпуску г. г. офицерами арміи генерала Май-Маевскаго... Имѣвшіе такого „отца-командира“ молодые воины, какъ оказалось, путешествовали въ великолѣпныхъ салонахъ отъ одного крупнаго центра къ другому, отъ города къ городу просто для использованія своего отпуска и блаженнаго отдыха въ такой подвижной гостиницѣ, снабженной всѣми удобствами...

— Весело живутъ, нечего сказать! — позавидовали наши добровольцы. — А гдѣ же самъ ихъ отецъ-командиръ?.. Можетъ и онъ съ ними вмѣстѣ въ поѣздѣ?

Но „отца-командира“ въ поѣздѣ не было: онъ въ это время — предоставивъ свои доблестныя части лихимъ молодымъ командирамъ, кото-

рые ихъ и двигали къ Москвѣ — самъ не терялъ „золотыхъ деньковъ“ и буйно кутилъ въ Харьковѣ.

Многимъ изъ насъ стало обидно и горько.

Но разсуждать и сѣтовать на это безобразіе пришлось недолго, такъ какъ нашъ эшелонъ вскорѣ двинулся къ Константинограду, гдѣ уже доблестно и успѣшно наступали наши гвардейцы.

Задержали насъ, впрочемъ, еще разъ на какомъ-то маломъ полустанкѣ, и задержали при этомъ надолго... Стояли мы часъ, другой, недоумѣвая и пытаясь связаться со штабомъ, чтобы получить дальнѣйшія распоряженія.

— Что же пойдемъ дальше или нѣтъ?.. А то хотя-бы дали возможность разгрузиться, чтобы кони могли отдохнуть на свободѣ!..

Но никакой связи со штабомъ установить такъ и не удалось, и гдѣ находилось высшее начальство никто не вѣдалъ.

— Подождите, господа! — вдругъ сказалъ рѣшительный и быстрый Поморскій. — Я сейчасъ... вѣдь такъ-же продолжаться не можетъ!..

Не долго раздумывая, онъ приказалъ отцѣпить паровозъ и, взобравшись на него, спустя минуту исчезъ, направившись по линіи впередъ, въ цѣляхъ розысковъ неизвѣстно гдѣ пребывавшаго штаба.

Мы остались въ вагонахъ ожидать „у моря погоды“, переживая долгія и томительныя минуты неизвѣстности на глухомъ полустанкѣ.

Люди понемногу впадали въ уныніе, а лошади изнывали въ духотѣ еще больше...

Поморскій возвратился на томъ же паровозѣ только къ вечеру.

— Ну, что, что?.. Нашли, видѣли... получили?..

— Получить-то получилъ, но не то, что хотѣлось бы! — сообщилъ Поморскій. — Приказано не разгружаться, а пулей двигаться на Александровскъ.

— На Александровскъ?!

— Именно туда... На этотъ несчастный городъ опять насѣлъ противникъ... Въ нашъ тылъ прорвались большія силы... А штабъ дивизіи готовитъ хорошую и совсѣмъ новую операцію съ выходомъ на Кичкасскую сторону, и мы должны принять участіе въ наступленіи и захватѣ моста...

. . . .

Спустя недолгое время, мы снова мчались съ прежнею быстротою, но уже въ обратную сторону. На слѣдующія сутки, послѣ полуночи, нашъ эшелонъ остановился у товарной станціи Александровска и я, получивъ приказаніе сообщить о нашемъ прибытіи штабу дивизіи, отправился отыскивать на поѣздныхъ путяхъ его составъ.

Ночь была хорошею, лунною, но за множествомъ стоявшихъ повсюду разнообразныхъ эшелоновъ я не могъ сразу достигнуть желанной цѣли.

И вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня выросла чья-то характерная фигура, показавшаяся мнѣ до крайности знакомой.. Я всмотрѣлся — и, къ удивленію своему, узналъ нашего же полковника Димитрія Ивановича Доссъ, неизвѣстно почему вдругъ очутившагося въ этомъ мѣстѣ... Отрапортовавъ по уставу, я все же не удержался и спросилъ:

— Какимъ образомъ?

— А самымъ обыкновеннымъ... Вѣдь я здѣсь при штабѣ, и вотъ вышелъ васъ встрѣтить и передать приказанія!

— Что же намъ дѣлать теперь, г. полковникъ?

— Немедленно же разгружаться и занять свой прежній бивакъ!.. Но дѣлайте это безъ задержки, потому что дѣла не терпятъ!

Луна уже меркла, начинало свѣтать и легкій, молочно-голубой туманъ окутывалъ окрестные предметы...

Ба-бахъ!.. Ба-бахъ! — загремѣло вдали.

— Видите, они уже угощаютъ насъ съ нагорной стороны! — совершенно спокойно сказалъ пол-

ковникъ Доссъ. — Торопитесь къ своимъ и разгружайтесь съ быстротою молніи!.. Это противникъ обстрѣливаетъ городъ, и намъ нельзя терять времени!..

Видя, что хорошо пристрѣлявшіеся артиллеристы противника по всѣмъ признакамъ норовятъ угодить именно въ разгрузочную рампу, я попытался просить полковника отложить нашу разгрузку, дабы избѣжать ненужныхъ потерь, такъ какъ послѣднее обстоятельство представлялось теперь вполнѣ вѣроятнымъ.

— Ни въ какомъ случаѣ! — рѣшительно отказалъ мнѣ, славившійся своею исполнительностью и точностью, нашъ старшій офицеръ. — Исполняйте, что вамъ приказано и сейчасъ-же высаживайте изъ эшелона всѣхъ людей, лошадей и взрывчатое имущество!

Разсуждать не приходилось. Пришлось подчиниться категорическому приказу.

Было отдано распоряженіе подать нашъ эшелонъ къ рампѣ. Вслѣдъ затѣмъ я, при помощи вахмистра, сталъ растолковывать своимъ людямъ о необходимости съ крайнею выдержкою и осторожностью производить разгрузку, дабы не подвергнуться весьма ощутительнымъ непріятностямъ.

— Рампа видна ихъ артиллерійскимъ наблюдателямъ, какъ на ладони... Помните это и будьте осторожны... Старайтесь, какъ можно скорѣе, перемахнуть черезъ площадь между рампою и выходными воротами... Тамъ, дальше, уже есть густой училищный садъ, въ которомъ укроетесь... Поняли?..

Но мои внушенія и „понятливость" моихъ подчиненныхъ все равно не привели ни къ чему.

Едва первымъ 10 - 12 всадникамъ удалось послѣ выгрузки проскочить со своими конями черезъ злосчастную площадку къ воротамъ и вслѣдъ затѣмъ скрыться среди деревьевъ сада, какъ уже по слѣдующимъ людямъ и лошадямъ противникъ открылъ самый ожесточенный артиллерійскій огонь. Одинъ изъ снарядовъ, ударивъ въ кирпичную ко-

лонку воротъ, забросалъ осколками, щебнемъ и пылью пробѣгавшихъ людей, среди которыхъ въ эти мгновенія находился и вахмистръ. Въ результатѣ, оказались ранеными три лошади и одинъ подрывникъ изъ студентовъ.

Эшелонъ все же нами былъ разгруженъ, не взирая на непрекращавшееся угощеніе насъ непріятельскими гранатами, послѣ чего всѣмъ намъ удалось укрыться въ густой чащѣ садовыхъ деревьевъ внѣ поля зрѣнія наблюдателей противника. А спустя нѣсколько часовъ мы и вовсе выбрались изъ города, найдя себѣ надежный пріютъ въ стѣнахъ какого то бездѣйствовавшаго кирпичнаго завода, верстахъ въ 3-4 отъ городской окраины. Но это блаженство нами было обрѣтено только послѣ долгихъ и настойчивыхъ просьбъ нашего неутомимаго командира, расточавшихся въ штабѣ, первоначально остававшемся равнодушнымъ ко всѣмъ мольбамъ и увѣреніямъ.

— Какъ же можно вамъ оставлять городъ? — пожимали плечами власть имущіе. — Неужели же вы не понимаете, что теперь у насъ война, да еще гражданская!

Тѣмъ не менѣе, наше переселеніе изъ города на кирпичный заводъ все же состоялось... И какъ мы благодарили Поморскаго за его находчивость и настойчивость!..

На кирпичномъ заводѣ, обширномъ и обладавшемъ множествомъ свободныхъ помѣщеній и закоулковъ, мы расположились отлично, удобно размѣстивъ людей и лошадей... Почувствовали себя въ чисто семейной обстановкѣ и наши офицеры, которые были весьма радушно приняты хозяевами завода, обитавшими въ прекрасномъ домѣ.

Какой заботой и лаской окружали всѣхъ своихъ непрошенныхъ гостей эти милые люди, положительно заставлявшіе насъ на время позабыть о всѣхъ невзгодахъ и ужасахъ переживаемой войны!..

Наше благодушіе и прекрасное настроеніе вскорѣ еще болѣе увеличились: изъ госпиталя не-

ожиданно возвратился и нашъ добрый другъ поручикъ В. Р. Вольфъ, довольно долго лѣчившійся отъ раны, полученной во время минувшей вылазки въ тылъ непріятеля.

Теперь Вольфъ выздоровѣлъ...

Этотъ молодой и доблестный офицеръ давно снискалъ всеобщую любовь и уваженіе своихъ товарищей по части и потому былъ встрѣченъ каждымъ изъ насъ съ нескрываемою и искреннею радостью.

Въ Александровскѣ въ это время стояли и всѣ наши офицеры, входившіе въ роту Лейбъ-Гвардіи Сапернаго полка, въ числѣ которыхъ были: Н. М. Никоновъ, В. Г. Авенаріусъ, Ю. Б. Броневскій, Д. А. Мясоѣдовъ, бар. П. Н. Беллингсгаузенъ, К. А. Петровъ, С. Д. Ивановъ, Н. В. Соколовскій, К. И. Ивановъ, М. В. Чаплыгинъ, Ф. А. Корсакъ-Кулаженко, И. Е. Штейнъ и А. А. Журавлевъ.

. . . .

Пользуясь удобной стоянкой, мы не теряли драгоцѣннаго времени и энергично принялись за усиленіе состава нашей части, изрядно ослабѣвшей за періодъ недавнихъ операцій и боевъ.

Пополненіе новыми людьми не заставило себя долго ждать: одинъ за другимъ и цѣлыми партіями начали являться къ намъ мѣстные жители всякихъ возрастовъ и положеній, прося ихъ принять въ добровольческіе ряды, что и приводилось нами охотно въ исполненіе... Получили мы и новыхъ коней, а затѣмъ нашимъ молодцамъ удалось раздобыть кожи для сапогъ, сукна для солдатской одежды и другихъ предметовъ первой необходимости, въ коихъ давно ощущалась острая нужда.

Всѣ мы пріодѣлись, подчистились, поправились физически и на много градусовъ воспрянули духовно.

Слѣдуетъ отмѣтить, что рѣдкій изъ рядовъ нашего отряда не старался чѣмъ либо помочь своей части, ибо всѣ одинаково горѣли желаніемъ быть

полезными дорогому всѣмъ дѣлу добровольчества. Въ особенности старался въ этомъ отношеніи самъ нашъ командиръ, Поморскій: въ тѣ часы, когда мы съ выздоровѣвшимъ Вольфомъ увлеченно вели усиленныя строевыя занятія, не знавшій устали, командиръ цѣлыми днями гдѣ-то рыскалъ, раздобывая всякую всячину положительно какими то волшебными способами.

Но успѣхи Поморскаго не ограничивались пріобрѣтеніями для части однихъ только, хотя и полезныхъ, но все-же неодушевленныхъ предметовъ... Возвращаясь изъ своихъ удивительныхъ экспедицій, — онъ вмѣстѣ съ цѣлыми тюками холста, сукна, кожи и даже бархата для безкозырокъ — приводилъ съ собою сапожниковъ, портныхъ, шорниковъ и даже бѣлошвеекъ, тотчасъ же заставляя ихъ приниматься за работу на пользу любимой части. И вскорѣ всѣ ея вѣрные сыны начали выглядѣть положительно, какъ шикарные юнкера добраго до-военнаго времени: на всѣхъ оказались прекрасные сапоги лучшей кожи, безукоризненныя шаровары и гимнастерки, и уже, какъ своего рода „апоѳеозъ", — элегантнѣйшія безкозырки мирнаго времени...

Представился вскорѣ и случай по справедливости похвастать всѣми этими достиженіями передъ высшимъ начальствомъ... Наступилъ день праздника части, когда ей суждено было пройти передъ взорами таковаго при звукахъ стараго полкового марша церемоніальнымъ маршемъ. И это происходило не только въ присутствіи высшаго начальства и офицеровъ роты нашего полка, но и на глазахъ многочисленныхъ приглашенныхъ и любопытныхъ свидѣтелей изъ среды мѣстныхъ городскихъ и пригородныхъ обывателей.

Мы были встрѣчены искреннимъ и шумнымъ восторгомъ, въ концѣ превратившимся въ настоящую овацію. Послѣдовали всякія благодарности и лестные приказы, бывшіе, конечно, несомнѣнною и лучшею наградой и серьезнымъ поощреніемъ для

дальнѣйшей службы на пользу части и общаго дѣла... Одновременно съ похвалами послѣдовалъ и приказъ о переименованіи и разворачиваніи нашего Гвардейскаго Конно - Подрывного полуэскадрона въ эскадронъ.

Вечеромъ въ день этого праздника мы весело, но въ мѣру, кутнули въ родномъ полковомъ кругу, засидѣвшись послѣ параднаго обѣда до позднягo часа... И какія вдохновенныя рѣчи произносились тогда за нашимъ столомъ, особенно — живымъ и темпераментнымъ общимъ любимцемъ — нашимъ старшимъ полковникомъ и отличнымъ товарищемъ Николаемъ Михайловичемъ Никоновымъ; какъ неподдѣльно вѣрилось каждому изъ насъ въ то, что наше національное дѣло, казавшееся святымъ и чистымъ, не пропадетъ безплодно и безславно... Какъ вѣрилось тогда, что Россія возстанетъ послѣ своей жестокой болѣзни скоро, немедленно, и что всѣ переживаемыя нами невзгоды и ужасы окажутся только краткими, хотя и грозными кошмарами...

Увы, Всемогущему Богу было угодно сдѣлать не такъ, какъ намъ хотѣлось!...

. . . .

Мостъ былъ захваченъ. Наши доблестныя части перешли на другой берегъ Днѣпра, и противникъ отошелъ далеко...

Вскорѣ Поморскій уѣхалъ въ Ставку, а оттуда на Кавказъ — въ отпускъ и... къ невѣстѣ. При части офицеровъ осталось только насъ двое, спаянныхъ тѣсною дружбою и одинаково беззавѣтно преданныхъ добровольческому дѣлу.

Отправки на фронтъ можно было ожидать каждый день, въ виду чего всѣ наши усилія были направлены къ тому, чтобы выйти на новую боевую дорогу еще болѣе подготовленными. И не проходило дня, чтобы мы, поднявшись на разсвѣтѣ, тотчасъ - же не начинали бы усиленно заниматься съ людьми верховой ѣздой, вольтижировкой, руб-

кой, пѣшимъ строемъ и всѣми остальными предметами военной премудрости.

За этою усиленной и напряженной работой наши часы и дни пролетали неудержимо быстро вплоть до того момента, когда намъ было суждено снова съ головою окунуться въ новую боевую страду полную превратностей и лишеній... Но пока мы пребывали на кирпичномъ заводѣ, наша жизнь не приносила ничего, кромѣ тихой радости и глубокаго душевнаго удовлетворенія...

. . . .

Вспоминаются мнѣ, между прочимъ, встрѣчи съ однимъ изъ милѣйшихъ и благороднѣйшихъ старыхъ офицеровъ нашего полка, съ которымъ сталкивала насъ судьба именно въ эти памятные и знаменательные дни. Имъ былъ уже выше упоминаемый полковникъ Д. И. Доссъ, старый и уже сѣдой служака, безгранично и искренно преданный родинѣ, арміи, родному полку и добровольческому дѣлу.

Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы полковникъ Доссъ не встрѣчался бы съ кѣмъ либо изъ нашихъ и не интересовался бы положеніемъ и состояніемъ части.

Случилось однажды такъ, что я, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, оставался при части одинъ, такъ какъ поручикъ Вольфъ куда-то отлучился. Въ минуты этого моего одиночества появился передо мною какой-то крестьянинъ съ ближайшаго желѣзнодорожнаго полустанка.

— Письмо отъ барина... полковника! — заявилъ онъ, передавая мнѣ полевой конвертъ. — Приказали вамъ немедленно ѣхать къ нимъ.

Прочитавъ письмо, я тотчасъ-же приказалъ подать себѣ коня и, спустя нѣсколько минутъ, уже мчался по направленію къ глухому полустанку, въ дежурной комнатѣ котораго нашелъ одинокаго Д. И. Досса, мирно дожидавшагося моего появленія... Оказалось, что не получая долго отъ насъ никакихъ

вѣстей, заботливый и добрый нашъ старшій полковникъ забезпокоился не на шутку и, не долго думая, самъ пріѣхалъ на паровозѣ, чтобы узнать о нашей части и ея положеніи.

— Ну, вотъ теперь я опять спокоенъ, — сказалъ полковникъ съ добродушною улыбкой. — А то ни вѣстей не приходитъ, ни самихъ васъ не видно... Теперь могу и обратно двигаться...

И поговоривъ со мною еще нѣсколько минутъ, онъ снова взобрался на свой паровозъ, терпѣливо дожидавшійся его подъ парами около полустанка, — послѣ чего исчезъ вмѣстѣ съ нимъ въ голубой туманной дали...

. . . .

Обитая на кирпичномъ заводѣ и находясь все время, такъ сказать, на отлетѣ отъ города, мы сами были лишены возможности держать себя въ курсѣ всѣхъ военныхъ новостей и немедленно узнавать о новыхъ распоряженіяхъ начальства, способныхъ вліять и на нашу собственную судьбу.

А слухи носились разные...

Такъ прошло еще нѣсколько дней — и вдругъ однажды вечеромъ неистово затрещалъ полевой телефонъ. Я подошелъ къ аппарату и услышалъ знакомый голосъ нашего поручика К. А. Петрова, находившагося въ это время во главѣ команды связи дивизіи.

— Пусть Вольфъ немедленно явится начальнику штаба! — передалъ Петровъ. — Сообщаю, кромѣ того, по секрету, что ночью вся дивизія спѣшно грузится, а эскадронъ пойдетъ въ головномъ эшелонѣ...

Мирное и благодушное житье на кирпичномъ заводѣ кончилось.

Встрепенувшійся Вольфъ немедленно же помчался въ штабъ, а я, поднявъ на ноги весь эскадронъ, сталъ спѣшно готовиться къ выступленію... А еще черезъ нѣсколько часовъ мы уже катили въ головѣ всей дивизіи въ вагонахъ своего эшелона,

устремляясь въ неизвѣстномъ направленіи, и, какъ оказалось, на весьма долгій срокъ разставшись съ нашею короткою, но спокойною жизнью на гостепріимномъ бивакѣ...

. . . .

Наши доблестныя части лихимъ ударомъ снова отбили Екатеринославъ.

Въ Нижнеднѣпровскѣ, гдѣ мы задержались съ эшелономъ около станціи, мною было получено приказаніе взять квартирьеровъ отъ дивизіи и, пройдя желѣзнодорожный мостъ, отвести въ Екатеринославѣ квартиры для постоя всѣхъ частей дивизіи...

Немедленно же я приступилъ къ выполненію возложеннаго на меня порученія и, собравъ квартирьеровъ, быстро перешелъ съ ними длинный мостъ; оставивъ телефонистовъ на вокзалѣ для поддержанія связи со штабомъ дивизіи, съ остальными направился я въ городъ.

Очутившись въ Екатеринославѣ, мы тотчасъ же принялись обходить его въ достаточной мѣрѣ загрязненныя и почти вездѣ на окраинѣ пустынныя улицы, осматривая и выбирая зданія, подходящія для постоя нашихъ частей.

Но работа эта, какъ оказалось, была напрасной... Часа черезъ два, когда я связался по телефону съ вокзаломъ, мои телефонисты передали приказаніе штаба дивизіи: отводъ квартиръ прекратить и безъ задержекъ возвратиться со всѣми квартирьерами на станцію Нижнеднѣпровскъ для принятія участія въ какихъ то новыхъ дѣйствіяхъ...

Быстро собравъ разсѣявшихся по Екатеринославу квартирьеровъ, я вскорѣ былъ уже въ штабѣ, возвратясь обратно по тому же длинному мосту. Новости, мною услышанныя отъ штабныхъ офицеровъ, были не безынтересными. Какъ оказалось, вся дивизія собиралась выступить походнымъ порядкомъ по лѣвому берегу Днѣпра въ сторону важнаго желѣзнодорожнаго узла — города Кременчуга,

куда одновременно направлялась по правому берегу казачья бригада генерала Шифнеръ - Маркевича... Нашъ эскадронъ я уже не нашелъ на мѣстѣ: онъ успѣлъ разгрузиться и спѣшно ушелъ на окраину посада, дабы на разсвѣтѣ выступить въ походъ въ составѣ Своднаго полка Кавказской кавалерійской дивизіи подъ командой генерала Попова.

Въ моментъ нашего прибытія, на станціи шла спѣшная разгрузка эшелоновъ пѣшихъ и артиллерійскихъ частей дивизіи генерала Оссовскаго. Съ ними разгружалась и рота Лейбъ - Гвардіи Сапернаго полка подъ командой полковника В. Г. Авенаріуса, которая попрежнему доблестно работала въ составѣ дивизіи, какъ весьма устойчивая (благодаря интеллигентнымъ добровольцамъ и нѣмцамъ колонистамъ изъ Тавріи), и большого состава пѣшая часть, лишь изрѣдка выдѣлявшая и команду связи для обслуживанія дивизіи...

Я радъ былъ снова повидать своихъ друзей и однополчанъ, и на нѣкоторое время задержался у нихъ.

. . . .

Распоряженіе о предстоящемъ походѣ въ авангардѣ дивизіи крайне обрадовало всѣхъ Гвардейскихъ конно - саперъ, такъ какъ своднымъ полкомъ лихихъ кавказцевъ командовалъ, хорошо извѣстный въ арміи, милый и доблестный полковникъ А. В. Поповъ, неоднократно зарекомендовавшій себя съ самой лучшей стороны, какъ передъ начальствомъ, такъ и передъ своими подчиненными...

Съ наступленіемъ разсвѣта мы уже находились въ движеніи...

Слѣдуя въ хвостѣ у поспѣшно отходившаго противника, почти не останавливаясь, шла живописнымъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра вся дивизія генерала Оссовскаго: въ авангардѣ — Сводный полкъ Кавказской кавалерійской дивизіи, а за нимъ — колонна частей 5 - ой дивизіи.

Путь нашъ лежалъ вдали отъ желѣзнодорожныхъ линій и большихъ городскихъ центровъ — „очаговъ“ культуры и цивилизаціи — что сразу же отражалось на отношеніи къ намъ мѣстнаго населенія, мирнаго и чуждаго злобы... Заброшенныя въ глуши, обширныя и прекрасныя украинскія села и тихіе хутора были полны покоя, благодушія и даже романтическихъ настроеній, чуждыхъ какой либо современной политики и ея лозунговъ...

И дни, въ какіе совершался этотъ памятный походъ, были ясными, солнечными, наполнявшими душу тихой радостью и стремленіемъ къ какой то спокойной и чуждой ненависти жизни... То и дѣло до нашего слуха доносились звуки прелестныхъ украинскихъ пѣсенъ, а на лицахъ встрѣчныхъ крестьянскихъ женщинъ горѣли полныя привѣта улыбки, заставлявшія совершенно забывать о переживаемомъ тяжкомъ времени и нелѣпой междоусобной брани, творившей столь хорошо знакомые намъ ужасы...

Съ самаго начала этой жестокой гражданской войны я уже привыкъ пессимистически относиться къ тѣмъ или другимъ настроеніямъ мирнаго населенія, среди котораго намъ приходилось оперировать. Населеніе это, въ большинствѣ случаевъ, не могло высказывать своихъ подлинныхъ чувствъ и мнѣній, будучи напугано возможностью обрѣтенія непріятностей отъ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ... Проходили - ли черезъ деревню бѣлые или красные — какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ приходилось относиться съ сугубой осторожностью и сдержанностью, дабы не навлечь на себя, спустя какой нибудь день или даже часъ, гнѣва и мести со стороны противоположной.

Короче говоря, до нашего похода по лѣвому берегу Днѣпра въ составѣ дивизіи генерала Оссовскаго, я давно уже не вѣрилъ чувствамъ, словамъ и разсказамъ мѣстныхъ жителей, наученный горькимъ опытомъ, вынесеннымъ изъ предыдущихъ съ ними встрѣчъ

Но, очутившись среди тѣхъ деревень и хуторовъ, о которыхъ мнѣ пришлось только что упомянуть выше, я невольно убѣдился въ неправильности создавшагося у меня мнѣнія о неискренности ихъ мирныхъ обитателей: всюду, гдѣ ни проходили наши части среди селеній лѣвобережной Украины,— крестьяне ихъ встрѣчали съ непритворною радостью, переходившею иногда прямо въ восторженныя оваціи, объ искусственности коихъ не могло быть и рѣчи... По всему было видно, что наше бѣлое войско являлось для мирныхъ хуторянъ этой части благодатнаго края — роднымъ, близкимъ и желаннымъ въ противовѣсъ той глубокой антипатіи, которую всѣ украинцы питали къ коммунистамъ и красной власти...

Почти безостановочно, дѣлая громадные и быстрые переходы, полкъ передвигался впередъ въ авангардѣ дивизіи, только изрѣдка устанавливая непосредственную связь съ отступавшимъ противникомъ и вступая съ нимъ въ короткіе бои, заключавшіеся, главнымъ образомъ, въ выбиваніи его заморенныхъ частей изъ деревень, служившихъ имъ пріютомъ для отдыха.

Такъ нашъ отрядъ постепенно подошелъ къ рѣкѣ Пслу, красивѣйшему притоку Днѣпра.

На этомъ мѣстѣ противникъ пытался оказать послѣднее сопротивленіе нашему натиску, а затѣмъ, отойдя на правый берегъ рѣки, — уже окончательно открылъ авангардному кавалерійскому полку и всей дивизіи свободную дорогу на Кременчугъ.

И здѣсь я началъ переживать незабываемыя минуты радости, полныя тихаго и глубокаго очарованія... Мнѣ приходилось теперь передвигаться въ рядахъ своей родной части по холмамъ и равнинамъ, такъ хорошо знакомымъ мнѣ съ дѣтства: это былъ мой родной край, до безконечности близкій и любимый.

И чѣмъ дальше я шелъ впередъ, тѣмъ сильнѣе становилось очарованіе... Казалось, что мнѣ улыбается каждая хатка, каждый знакомый

лѣсокъ и пригорокъ. Вѣдь было время, когда я носился по всѣмъ этимъ мѣстамъ безпечнымъ и рѣзвымъ ребенкомъ, проводилъ здѣсь прекрасные дни своей юности, окруженный незабвенными лицами родныхъ и друзей. На каждомъ шагу передо мною вставали милыя картины далекаго прошлаго, гдѣ все было озарено только лучами одного безграничнаго, тихаго счастья... Я видѣлъ берега рѣчекъ, по которымъ странствовалъ со сверстниками въ поискахъ хорошихъ мѣстъ для рыбной ловли, и чародѣя - старца Аѳанасія Карповича, знавшаго всѣ лучшія рыбныя „кручи" и бравшаго меня съ собою на цѣлыя ночи; я видѣлъ поля, среди просторовъ которыхъ звучали выстрѣлы моей охотничьей двухстволки; издали улавливалъ привычнымъ глазомъ очертанія усадебъ и хуторовъ, принимавшихъ меня когда - то для часовъ веселья, радостныхъ и даже первыхъ юношескихъ увлеченій.

Однимъ словомъ, все это были мѣста, гдѣ когда - то я былъ беззаботно счастливъ, какъ и могъ только быть счастливъ юноша моего круга, выросшій среди ласки и покоя любящей семьи на просторахъ благодатной Украины...

И читателю будетъ вполнѣ понятно мое волненіе, съ какимъ я шелъ въ качествѣ начальника головного разъѣзда, исполняя приказаніе командира полка, мило сказавшаго мнѣ на прощанье:

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ по вашимъ роднымъ мѣстамъ... вѣдь среди насъ нѣтъ никого, кто могъ бы такъ хорошо знать здѣсь каждую тропинку и хату!... Произведите тщательную развѣдку деревень и хуторовъ по другую сторону рѣки.. весьма возможно, что противникъ тамъ именно устроилъ свои засады... Не забудьте также, выяснивъ положеніе на рѣкѣ Пслѣ, развѣдать мѣстность и вдоль желѣзной дороги Полтава - Кременчугъ. . .

И я, выполняя приказаніе командира, уходилъ впередъ все дальше и дальше...

Противникъ, тѣмъ временемъ, отходилъ поспѣшно и безпорядочно, оставляя села и хутора...

И вскорѣ я уже поднимался на хорошо знакомую мнѣ Песчаную гору у самаго Кременчуга.

Какъ оказалось, за часъ до того въ городъ успѣли проникнуть и разъѣзды казаковъ генерала Шифнеръ-Маркевича, которыхъ я и встрѣтилъ спускаясь съ горы, когда они преспокойно рыскали по дворамъ пригорода.

— А гдѣ же всѣ ваши остальные станичники? — спросилъ я одного изъ этихъ лихихъ представителей тихой Кубани. — Гдѣ вся ваша бригада съ генераломъ?

— Гдѣ бригада? — съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ переспросилъ симпатичный и расторопный кубанецъ, задерживаясь у порога какой-то хаты и прикладывая руку къ папахѣ. — А... втягивается въ городъ, ваше благородіе... по большому мосту, да въ этотъ самый городъ, куда вы идете теперь... Наши станичники уже, почитай, собрались на площади и служатъ молебенъ.

— Какъ же вы сюда попали? — спросилъ я, пораженный такимъ пріятнымъ сюрпризомъ.

— А съ другой стороны... Генералъ приказали бригадѣ налетомъ захватить желѣзный мостъ со стороны Крюкова... Мы и захватили, а красные готовили взорвать его... Теперича, значитъ, уже давно въ городѣ...

Отправивъ донесеніе, радостный, я направился дальше, продвигаясь улицами, на которыхъ еще 2-3 часа тому назадъ хозяйничалъ противникъ.

Моя развѣдка кончилась, и теперь мнѣ со своими людьми приходилось выполнять вторую задачу: подыскать квартиры для постоя своихъ людей и роты гвардейскихъ саперъ, слѣдуя заблаговременно полученному распоряженію полковника Авенаріуса.

Вскорѣ всѣ мои друзья и сослуживцы были уже въ Кременчугѣ, гдѣ нѣсколько дней мы были вмѣстѣ, такъ какъ противника преслѣдовала бригада генерала Шифнеръ-Маркевича, а дивизія была здѣсь задержана на два дня.

КОНЕЦЪ КРЫМА.

Дулъ вѣтеръ — холодный, пронизывающій,— гнавшій по сѣрому осеннему небу обрывки такихъ же сѣрыхъ, унылыхъ тучъ.

И этому холодному вѣтру, казалось, суждено было уже никогда не имѣть конца, такъ какъ завываніе его и докучливый свистъ уже нѣсколько сутокъ наполняли душу безысходною тоскою. А вмѣстѣ съ завываніемъ вѣтра со всѣхъ сторонъ ползли къ намъ зловѣщія вѣсти, такія же сѣрыя и унылыя, какъ несшіеся по небу обрывки тучъ.

Убили генерала Бабіева...

Предпринятая нами громадная операція за Днѣпромъ безславно оборвалась, и добровольческія конныя части спѣшно возвращались обратно. Кто то пытался еще спасти положеніе, приказывая начать новыя перегруппировки; а кое-кто уже безнадежно махалъ рукой и отдавалъ себя въ руки слѣпой судьбы...

Въ эти самыя невеселыя минуты я спѣшно мчался среди сгущавшихся сумерекъ въ деревню Н., посланный туда по приказанію штаба Гвардейскаго Кавалерійскаго полка въ распоряженіе начальника дивизіи.

Было уже совсѣмъ темно, когда я, въ сопровожденіи вѣстового, доскакалъ до мѣста своего назначенія и послѣ недолгихъ разспросовъ и поисковъ вошелъ въ сѣни хаты, занятой требовавшимъ моего

прибытія генераломъ. Вышедшій навстрѣчу симпатичный поручикъ, не давъ раздѣться, тотчасъ же провелъ меня во внутрь незатѣйливаго помѣщенія начальника дивизіи.

Наскоро осмотрѣвшись при свѣтѣ убогой керосиновой лампы, я сильно смутился и въ нерѣшительности почтительно остановился въ дверяхъ: хата была заполнена старшими офицерами, по всѣмъ даннымъ собравшимися на какое-то важное совѣщаніе. Отыскавъ глазами знакомую мнѣ фигуру браваго начальника дивизіи, генерала В. Н. Выграна, я громко отрапортовалъ о своемъ прибытіи въ его распоряженіе, стремясь покрыть своими словами стоявшій въ маленькой избѣ шумъ нѣсколькихъ повышенныхъ мужскихъ голосовъ.

Милѣйшій и доблестнѣйшій генералъ улыбнулся, привѣтливо подозвалъ меня къ себѣ и, крѣпко пожавъ руку, указалъ на ближайшій уголъ:

— Посидите тамъ, дорогой, пока мы кончимъ!.. Теперь уже скоро!..

Изумленный такою исключительною любезностью высшаго начальника, я поспѣшилъ занять указанное мнѣ мѣсто и сталъ терпѣливо дожидаться конца военнаго совѣщанія, попутно разсматривая его участниковъ... Среди присутствовавшихъ я вскорѣ узналъ начальника штаба дивизіи — полковника В. К. Фукса, полковника гвардейскаго кавалерійскаго полка Римскаго-Корсакова, двухъ полковыхъ командировъ, фамиліи которыхъ теперь вылетѣли изъ моей памяти, еще одного кавалерійскаго полковника, съ которымъ ранѣе мнѣ не приходилось встрѣчаться, и, наконецъ, тутъ же былъ, уже мнѣ знакомый, адъютантъ начальника дивизіи.

Ждать мнѣ пришлось недолго.

Совѣщаніе кончилось. Старшіе офицеры откланялись генералу Выграну и хата стала быстро пустѣть. Въ результатѣ я остался наединѣ съ начальникомъ дивизіи и его начальникомъ штаба.

— Очень радъ, что вы такъ быстро прибыли, дорогой! — обратился ко мнѣ милѣйшій генералъ.— Но въ дальнѣйшемъ отъ васъ потребуется еще большая быстрота и энергія...

Я щелкнулъ шпорами, всею своею фигурой выражая полную готовность исполнить какое угодно порученіе.

— Ну такъ вотъ! — продолжалъ генералъ, одобрительно кивнувъ головою. — Сейчасъ вамъ выдадутъ письменное приказаніе, а въ придачу — двухъ корнетовъ и пять солдатъ... Немедленно же отправляйтесь съ ними въ Севастополь и постарайтесь исполнить все намъ порученное, какъ можно скорѣе... Надлежитъ получить для насъ сѣдла, пики, теплыя вещи и т. д Во всемъ этомъ мы сильно нуждаемся, а время, какъ вы сами знаете, — не шуточное. Поэтому напрягите силы, чтобы сдѣлать все это съ большою быстротою...

Послѣ этихъ словъ генералъ на мгновенье умолкъ, послѣ чего добавилъ какъ-бы съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— А вотъ это письмо — и онъ конфузливо протянулъ руку съ запечатаннымъ конвертомъ — не откажите, если возможно, передать моей женѣ... Она, вѣроятно, волнуется... Желаю вамъ, дорогой, счастливаго пути и полнаго успѣха!

Принимая письмо изъ рукъ генерала В Н. Выграна, я невольно встрѣтился взглядомъ съ его добрыми глазами, и мнѣ почему-то до боли въ сердцѣ стало жаль этого доблестнаго, отважнаго и беззавѣтно преданнаго своему долгу русскаго генерала.

— Какое горькое, страшное и вмѣстѣ съ тѣмъ обидное время мы переживаемъ! — подумалъ я съ тоскою. — И какое грозное испытаніе послано намъ Богомъ!...

Не произнеся болѣе ни слова, я еще разъ почтительно вытянулся передъ начальникомъ дивизіи и послѣ этого поспѣшно вышелъ изъ хаты...

. . . .

Вскорѣ я и мои спутники уже изнывали отъ духоты и тѣсноты въ биткомъ набитомъ вагонѣ пассажирскаго поѣзда, съ грѣхомъ пополамъ совершавшаго свой пробѣгъ съ сѣвера на югъ, по направленію къ Севастополю...

Что представляло собою подобное путешествіе по желѣзной дорогѣ въ послѣдніе дни печальной памяти Крымской эпопеи — хорошо могутъ себѣ представить только тѣ, кто эту эпопею пережилъ непосредственно... Но, несмотря на всѣ прелести такого путешествія, Провидѣнію все же было угодно помочь намъ не только благополучно добраться до Севастополя, но и быстро выполнить всѣ порученія, возложенныя на насъ начальникомъ дивизіи.

Штабъ Главнокомандующаго сдѣлалъ все отъ него зависящее, дабы ускорить полученіе нами необходимыхъ вещей. Снабженные особыми полномочіями и предписаніями, мы перегружали ящики съ сѣдлами, пиками и другими предметами первой военной необходимости прямо изъ трюмовъ иностранныхъ пароходовъ въ наши вагоны. Тѣ-же всесильныя предписанія Штаба помогли намъ продвинуть эти вагоны на свободные пути за севастопольской станціей; послѣднее дѣло представлялось, пожалуй, труднѣе всѣхъ предыдущихъ. Станція была забита безчисленными составами, спѣшно прибывавшими съ сѣвера и ежечасно привозившими съ собою кромѣ растерянныхъ и озабоченныхъ пассажировъ, всякаго рода тревожные слухи, порождавшіе уныніе и панику...

Послѣдняя, основанная на звучавшихъ повсюду тревожныхъ разговорахъ, уже росла въ Севастополѣ...

— На сѣверѣ Крыма дѣла совсѣмъ пошатнулись... Бѣлые отходятъ, большевики заливаютъ Таврію... Куда же намъ дѣваться? въ море, что-ли?

Увы, эти „паническіе“ разговоры не были безосновательными...

Но мы, получивъ свои сѣдла и пики, были охвачены такою спѣшкой, что даже не обратили

вниманія на тревогу, охватывавшую Севастополь. И уже черезъ два дня паровозъ нашего поѣзда свистнулъ и снова повезъ насъ на сѣверъ, къ Симферополю и Джанкою. А когда эшелонъ остановился около симферопольскаго вокзала, мы уже отъ знакомыхъ офицеровъ узнали о тяжеломъ положеніи добровольцевъ на фронтѣ и отходѣ нашихъ войскъ изъ Сѣверной Тавріи...

. . . .

На слѣдующее утро мы прибыли въ Джанкой, въ которомъ творилось уже нѣчто трудно описуемое... Армія спѣшно отступала, и въ этомъ городишкѣ царило настроеніе печали, разочарованія, растерянности и всесильнаго страха передъ грядущимъ. Джанкойскій вокзалъ былъ забитъ составами болѣе севастопольскаго; станціонное зданіе и дебаркадеръ кишѣли смѣшанною толпою изъ офицеровъ, солдатъ и несчастныхъ „штатскихъ"; въ переполненномъ нахлынувшими бѣженцами поселкѣ нельзя было раздобыть ни кусочка хлѣба.

Нашъ эшелонъ остановился по сосѣдству съ весьма приличнаго вида поѣздомъ. Какъ мы вскорѣ узнали, — это былъ составъ, заключавшій въ своихъ вагонахъ штабъ генерала Кутепова. Около станціоннаго зданія въ изобиліи были разведены дымные костры, около которыхъ грѣлись чины самыхъ разнообразныхъ частей, давно потерявшихъ всякую связь между собою... Всей этой невеселой картинѣ аккомпанировалъ неистовый свистъ холоднаго вѣтра, котораго давно не помнили крымскіе старожилы.

— Природа правитъ панихиды по Бѣлому дѣлу! — услышалъ я пессимистическія слова, произнесенныя какою-то закутанною фигурой, склонившейся надъ костромъ. — Поетъ отходную старой Россіи... Не удалось отстоять родины отъ чорта!...

Холодъ, стоявшій всѣ эти дни въ Тавріи, являлся исключительнымъ въ этихъ мѣстахъ, каковаго еще ни разу не испытывали за свою жизнь

самые древніе старожилы Крыма. Этимъ суровымъ явленіямъ природы, неожиданно упавшимъ на головы нашихъ солдатъ и офицеровъ, отчасти объясняются и многія наши неудачи, постигшія Добровольческую армію въ ея послѣдніе дни. Лишенные теплыхъ вещей и отчасти уже избалованные мягкимъ и жаркимъ климатомъ черноморскаго побережья, бѣдные добровольцы нестерпимо страдали отъ захватившей ихъ стужи, что, конечно, не могло не отразиться на духѣ бѣлыхъ войскъ...

. . . .

Задержавшись на неопредѣленный срокъ въ Джанкоѣ, я долгое время безцѣльно бродилъ между разложенныхъ костровъ и сидѣвшихъ около нихъ угрюмыхъ добровольцевъ, какъ вдругъ чей-то голосъ окликнулъ меня по имени и отчеству. Я оглянулся — и увидѣлъ нѣсколькихъ знакомыхъ офицеровъ, стрѣлковъ Императорской Фамиліи, во главѣ съ капитаномъ Воейковымъ грѣвшихся около пылавшей кучи дровъ.

— Откуда и куда?

Поздоровавшись со стрѣлками, я въ краткихъ словахъ сообщилъ имъ о причинахъ своего пребыванія въ Джанкоѣ и цѣляхъ дальнѣйшаго путешествія.

Въ отвѣтъ на мои слова, Воейковъ грустно улыбнулся.

— Спѣшите къ своимъ съ вещами и пиками?.. Не знаю, гдѣ вы теперь ихъ отыщете... Вчерашней линіи фронта больше нѣтъ... Развѣ вы еще ничего не знаете?

Къ сожалѣнію, я очень скоро и самъ узналъ всю горькую правду: наша армія, дѣйствительно, уже катилась назадъ, и, по всѣмъ даннымъ, катилась неудержимо и безнадежно.

Со штабомъ своей дивизіи, порученіе котораго я успѣшно выполнилъ, связаться уже не представлялось возможности. Дивизія теперь гдѣ-то отступала вмѣстѣ со всѣми остальными частями...

Спустя часъ-другой выяснилась и судьба всѣхъ полученныхъ мною въ Севастополѣ вещей, столь необходимыхъ нашимъ людямъ: поставленный о нихъ въ извѣстность, генералъ Кутеповъ мнѣ лично приказалъ передать ихъ въ распоряженіе интенданта арміи... Исполнивъ это приказаніе, я вскорѣ увидѣлъ, какъ теплыя вещи, съ такимъ трудомъ раздобытыя нами для чиновъ своей дивизіи, немедленно же вслѣдъ за разгрузкою вагоновъ раздавались посинѣвшимъ отъ холода добровольцамъ проходившихъ мимо Джанкоя частей... И такое дѣйствіе являлось вполнѣ цѣлесообразнымъ, такъ какъ иначе весь мой грузъ сдѣлался бы въ результатѣ добычею красныхъ.

А вѣтеръ все дулъ и дулъ, зловѣще завывая среди вагоновъ безчисленныхъ поѣздовъ сгрудившихся у станціи...

Наступила ночь — одна изъ самыхъ тяжелыхъ ночей въ моей жизни.

Станція Джанкой съ каждой минутой пустѣла все болѣе.

Одна за другою проходили мимо нея отступавшія части, вскорѣ ушелъ на югъ и поѣздъ со штабомъ арміи.

Чувствуя себя одинокимъ, никому изъ уходившихъ ненужнымъ, я какъ тѣнь слонялся по опустѣвшему и ободранному мѣстечку, питая смутныя надежды на появленіе частей своей дивизіи.

— Быть можетъ и они пройдутъ мимо Джанкоя! О, если-бы!...

Въ эти невыразимо тяжелые часы въ особенности хотѣлось быть вмѣстѣ со своими соратниками, очутиться среди людей своей родной части, сдѣлавшихся необыкновенно любимыми и близкими...

Но родная часть не появлялась.

Вмѣсто нея изъ безпросвѣтной тьмы октябрьской ночи, въ которую я безнадежно вглядывался, продолжалъ мнѣ дуть въ лицо все тотъ-же холодный вѣтеръ, пѣвшій панихиды Бѣлому дѣлу...

Уже подъ утро, узнавъ, что предпослѣдняя станція передъ Джанкоемъ занята противникомъ, я — съ прикомандированными ко мнѣ чинами — поплелся вдоль желѣзной дороги въ ту же сторону, куда двигалась вся масса отступавшихъ. Измученный и голодный, успѣлъ вскочить въ какой-то поѣздъ и забился въ уголъ товарнаго вагона, до отказа переполненнаго чинами разныхъ частей...

При свѣтѣ наступившаго утра, я сталъ разсматривать лица своихъ сосѣдей, сталъ прислушиваться къ ихъ рѣчамъ и неестественно громкимъ выкрикамъ, которыхъ не могъ заглушить стукъ колесъ... Въ вагонѣ находились офицеры разныхъ частей, въ большинствѣ случаевъ молодежь, еще такъ недавно представлявшая собою гордость и идейную опору всего дѣла добровольческой арміи. Но когда до слуха моего стали долетать отрывки ихъ фразъ и тирады безобразныхъ ругательствъ, уже давно овладѣвшія мною тоска и уныніе — сдѣлались необъятными... Большинство офицеровъ были пьяны, ругались самою настоящею большевицко-богохульною бранью, и, что самое ужасное, съ циничною откровенностью хвастались произведенными ими „дѣлами"... Нѣкоторые изъ нихъ, повѣствуя о совершенныхъ ими пакостяхъ, захлебывались отъ восторга...

Мною овладѣло безысходное отчаяніе, смѣшанное съ тупымъ ужасомъ...

Хотѣлось заплакать, разрыдаться какъ ребенку, хотѣлось проснуться отъ этого страшнаго сна наяву, какимъ такъ грозно закончилось все безконечно дорогое Бѣлое дѣло... Но взамѣнъ того, чтобы проснуться отъ этого сна, я на нѣсколько минутъ забылся настоящимъ сномъ усталаго разбитаго и голоднаго человѣка.

Когда я очнулся, инстинктивно потянулся для того чтобы удостовѣриться въ цѣлости моего единственнаго вещевого мѣшка съ незатѣйливымъ походнымъ скарбомъ, — но... послѣдняго „простылъ

и слѣдъ": кто-то изъ сосѣдей его вытянулъ изъ подъ лавки, пользуясь моимъ минутнымъ забытьемъ.

Возмущенный допущенною наглостью, я пытался искать свое добро подъ другими скамьями; ничего, конечно, не нашелъ и въ результатѣ сталъ растерянно озираться по сторонамъ, повсюду видя тѣхъ-же деморализованныхъ чиновъ. И — о, ужасъ и стыдъ! — глаза мои встрѣтились съ дерзкими и насмѣшливыми взглядами, а слухъ уловилъ чье-то циничное гоготаніе, типичное для членовъ бандитской среды...

Покраснѣвъ до слезъ за моихъ спутниковъ, я уже болѣе не пытался продолжать свои поиски.

Въ пропавшемъ мѣшкѣ находились мои послѣднія вещи: бѣлье, гимнастерка и другая необходимая мелочь. Въ одномъ изъ кармановъ гимнастерки былъ паспортъ съ обратною визой въ Сербію которую лично приказалъ поставить тогдашній Престолонаслѣдникъ, Е. В. Александръ, когда я, передъ возвращеніемъ въ Русскую армію, имѣлъ честь Ему представляться въ Бѣлградѣ; тутъ же была и вся денежная наличность моихъ скудныхъ офицерскихъ средствъ, а главное — значекъ объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія, которымъ я такъ дорожилъ, какъ давнишнимъ подаркомъ моихъ дорогихъ друзей.

Изъ продолжительной и страдной эпопеи добровольческаго движенія я теперь выходилъ лишь съ потрепанными носильными вещами на плечахъ и крестомъ на груди: въ карманѣ у меня не было положительно ни гроша и... даже носового платка и гребенки.

. . . .

Въ Севастополь намъ удалось попасть одними изъ послѣднихъ. На сѣверной сторонѣ я съ небольшой группой вышелъ изъ поѣзда, который направился къ городской станціи...

Большинство кораблей уже навсегда оставило портъ и ушло въ „заморскія" страны, исчезли изъ

города и штабы съ другими учрежденіями. Городъ уже находился въ вѣдѣніи боевыхъ рабочихъ дружинъ, вооруженныхъ винтовками и имѣвшихъ въ видѣ отличительнаго знака красныя повязки на рукавахъ.

Очутившись одинокими въ Севастополѣ, мы не безъ нѣкоторой тревоги проходили по Рабочей слободкѣ, готовые встрѣтить всякія неожиданности со стороны мѣстнаго пролетаріата, сдѣлавшагося теперь господиномъ положенія...

Но опасенія наши оказались напрасными.

Слѣдуетъ отмѣтить, что за все время гражданской войны фабричные рабочіе, оккупированныхъ добровольцами областей, почти всегда были враждебно настроены къ бѣлымъ, какъ бы хорошо послѣдніе къ нимъ ни относились. Это была, такъ сказать, принципіальная или традиціонная вражда, не основанная на чемъ-либо реальномъ, не имѣвшая никакихъ опредѣленныхъ основаній и безразличная къ пользѣ или вреду, приносимыми бѣлыми арміями. Случалось, что въ нѣкоторыхъ большихъ центрахъ, какъ, напримѣръ, Ростовѣ, Таганрогѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ и др. городахъ эта вражда влекла за собою кровавы послѣдствія, выражавшіяся въ вооруженныхъ нападеніяхъ рабочихъ на добровольческіе тылы и отдѣльныхъ офицеровъ.

Такого-же рода печальныя явленія имѣли мѣсто и въ Крыму до прихода къ власти генерала Врангеля. Но съ началомъ дѣйствій этого незабвеннаго бѣлаго вождя, отличавшихся строгою законностью и объективною заботой о всѣхъ слояхъ населенія, — отношенія рабочихъ къ бѣлымъ измѣнилось до неузнаваемости. Сумѣвъ пробить ледъ, окружавшій до того времени сердца рабочихъ, генералъ Врангель постепенно превратилъ ихъ въ неподдѣльныхъ и простодушныхъ друзей всѣхъ чиновъ своей арміи, что особенно ярко выразилось въ минуты ея ухода изъ Севастополя... Пролетаріатъ этого города съ сожалѣніемъ и сочувствіемъ

провожалъ добровольцевъ, искренно жалѣя ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ людей, въ силу чудовищнаго историческаго недоразумѣнія, принужденныхъ уходить въ тяжелое изгнаніе...

Сочувствовали тѣ-же рабочіе и намъ, проходившимъ въ послѣдніе часы Крыма черезъ ихъ слободку. И, вмѣсто ожидаемыхъ выстрѣловъ изъ-за угла, мы встрѣтили въ той же слободкѣ радушіе, слова привѣта и даже кое-какое угощеніе водкой и скромною трудовою ѣдой.

Тѣ-же рабочіе, раздобывъ необходимыя лодки, доставили насъ на оставшійся корабль, вскорѣ увезшій насъ отъ родныхъ береговъ въ томительное и долгое изгнаніе...

Мы уплывали въ неизвѣстность.

Стоя на палубѣ и смотря сквозь слезы на уменьшавшіяся съ каждымъ мгновеніемъ очертанія послѣдняго клочка родной земли, — я горько прощался съ Россіей, съ русскимъ народомъ, со всѣмъ тѣмъ безконечно дорогимъ и близкимъ, съ чѣмъ дотолѣ было неразрывно связана моя бѣдная жизнь...

Я уплывалъ отъ Россіи, я покидалъ Россію...

Но, покидая ее, я всѣмъ сердцемъ чувствовалъ, что иначе я поступить и не могъ...

Я вполнѣ сознательно и, такъ сказать, принципіально уходилъ въ политическую эмиграцію...

СОДЕРЖАНІЕ

	Стран.
Знаменательный юбилей	VII
Въ пламени повстанчества	1
Въ сумеркахъ Великой войны	85
Въ кошмарѣ революціи	97
Осень 1918 года	109
Весна 1919 года	119
Въ тылу у противника	139
Съ казаками	161
Переброски	177
Конецъ Крыма	195